

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 22.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). И. Корсунскаго	635—679
Сужденія о: Владиміра Геттэ о новѣйшей дѣятельности г. В. Соловьева въ пользу единенія Церкви восточной съ западною. С—ва	680—696
Русская и нѣмецкая школа (продолженіе). Свящ. Т. Вуткевича	697—714

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ (окончаніе): Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицкаго.	433—445
Онтологія или метафизическое ученіе о бытіи вообще. (По В. Вовнеу) (продолженіе). Архимандрита Бориса.	446—471

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887/8 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, нѣмецкая, № 26.

1888.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѳвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѳніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоѳвка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗОРЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ ковторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν

Върою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Ноября 30 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Московскій періодъ (1821 — 1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Еще въ 1829 году, по поводу ярыхъ нападеній извѣстныхъ лицъ бывшихъ во власти на всякую мысль не только о переводѣ Библии на русскій языкъ, но и о пользѣ чтенія ея для всѣхъ, святитель московскій писалъ изъ Петербурга викарію своему Иннокентію (Сельно-Кринову): „Прискорбна душа моя, преосвященнѣйшій! Мнѣ кажется, что судъ, начинающійся отъ дома Божія, болѣе и болѣе открывается... Какъ густо идетъ дымъ изъ студенца бездны (Апок. 9, 2) и какъ высоко поднимается! Дымъ ѣстъ глаза; а они говорятъ: такъ ѣдокъ солнечный свѣтъ! Задыхаются отъ дыма, и съ трудомъ выговариваютъ: какъ вредна вода изъ источника жизни! Блаженъ, кто можетъ не только возводить очи свои въ горы, но и вовсе бѣжать туда на чистый воздухъ, къ живой водѣ!—Но прекратимъ рѣчи, за которыя и меня, можетъ быть, лишили-бы Библии, есть-ли бы на то власть была“ ¹⁾. Если тогда, когда Филаретъ пользовался полнымъ довѣріемъ со стороны Государя Императора, получалъ отъ него одну за другою слѣдовавшія высокія награды за свои

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 20.

¹⁾ *Публ. къ Твор.* 1872, XXV, 430—432.

неустанные труды и подвиги на пользу Церкви и отечества и въ общемъ мирно относился къ стоявшимъ во власти, хотя и далеко не во всемъ согласнымъ съ нимъ лицамъ, онъ такимъ образомъ по временамъ невольно питалъ въ себѣ мысль объ удаленіи въ пустыню, въ горы, отъ „мятежа дѣль“: то что-же теперь? Мы видѣли, что онъ уже и высказывалъ эту мысль въ письмѣ къ намѣстнику лавры Антонію отъ 3 апрѣля злосчастнаго 1842 года, подъ живымъ впечатлѣніемъ совершившихся съ нимъ въ Петербургѣ печальныхъ событій. Теперь эта мысль въ еще болѣе отрадномъ и вожделѣнномъ свѣтѣ представлялась душѣ святителя—страдальца неповиннаго, и безъ того отъ юности его приверженной къ жизни истинно аскетической, въ полномъ смыслѣ иноческой. И она, т. е. мысль эта, вмѣстѣ съ вызваннымъ ею и ей соответствующимъ чувствомъ, въ полной ясности и въ высоко-поэтической формѣ высказалась въ образцово-краснорѣчивой проповѣди святителя, сказанной 27 сентября означеннаго (1842) года „по освященіи храма явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго надъ мощами преподобнаго Михея въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ“,—въ самомъ приличномъ для того мѣстѣ, близъ мощей великихъ пустынно-жителей—угодниковъ Божіихъ. „Если памятнику“, говоритъ въ началѣ своей проповѣди нашъ витія, „указуя на освященный храмъ, свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые означены памятникомъ: то прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталища святыхъ, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда поколебалась—было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть, Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ его пустынѣ,

и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, и въ его Лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наследованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всеобщее бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ достигаесть до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вдохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и въ награду за трудъ дня, и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрупъ согнивающего хлѣба. Посмотрѣлъ-бы я, какъ позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ Преподобный Никонъ спѣшно растеть и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ-бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ-бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистоцимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, на примѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.—Или это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія?—О, если-бы мы достойны были болѣе очищеннымъ окомъ ума созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта

духовнаго, а не въ представленіяхъ только собственнаго воображенія!—Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ, нежели любомудрствовать противнымъ сему образомъ.—Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго: но не града-же искать пришли вы сюда; слѣдственно пришли вы искать пустыни. Если она нѣсколько закрыта: тѣмъ внимательнѣе надлежитъ ее искать. Если шумъ житейской молвы не вдалькѣ слышенъ: тѣмъ нужнѣе заграждать отъ него слухъ. Если образы суетнаго міра движутся предъ лицомъ пустыни: тѣмъ ревностнѣе должно намъ преднаписывать себѣ предъ очами образъ чистаго пустынно-жительства, и постоянно на него взирать, и съ нимъ сообразовать житіе наше.—И для сего хочу я показать вамъ теперь, не человѣческимъ художествомъ, но словомъ Божественнымъ начертанный образъ духовнаго любителя пустыни. Смотрите, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *и рѣхъ: кто дастъ ми криль, яко голубинъ? и полещу, и почию. Се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Псал. 54, 7—9)". Указавъ такимъ образомъ тему своей проповѣди, нашъ витія въ избранномъ для нея текстѣ находитъ и частныя „черты добраго пустынно-жителя“, изъ коихъ первая заключается, очевидно, въ „желаніи пустыни“, въ „усердіи къ благочестивому, отшельническому и уединенному жительству. *Кто дастъ ми криль, яко голубинъ? и полещу, и почию!*“—„Другая черта добраго пустынно-жителя или отшельника,—по словамъ нашего витія,—есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра. *Се удалихся бѣгая*“. Ибо „что дѣлать, если благословенное приглашеніе, всюду и всегда благословлять Господа,—какъ-бы въ особенности къ себѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ прилагаетъ витія,—не успѣшно повторяю я въ душѣ моей отъ того, что міръ въ то-же время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нужды, заботы, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему, или утомленная противоборствомъ, жаждетъ

приблизиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія?—Въ семь случаѣ не остается иного, какъ расторгнуть всякія узы, привязывающія насъ къ міру, бѣжать изъ него, какъ израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ-бы все внушало намъ, что *не имамы здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* ¹⁾ (Евр. 13, 4)“. И далѣе изображаетъ недостатки, не совмѣстимые съ понятіемъ истиннаго отшельничества или пустынно-жительства, какъ истиннаго и совершеннаго отреченія и удаленія отъ міра. Наконецъ указываетъ третію черту благонадежнаго пустынно-жителя,—въ „упованіи на Бога., *Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури*“. Упованіе необходимо для того, чтобы преодолѣть всѣ трудности и совершить всѣ подвиги пустынно-жительства. И *упованіе не посрамитъ*, какъ оно не посрамило и основателя Лавры—Преподобнаго Сергія, такъ возвеличивъ оную. Въ заключеніе-же давъ братіи лаврской, на основаніи вышеизложеннаго, общее наставленіе относительно того-же пустынно-жительства, витія опять обращаетъ рѣчь на себя лично, какъ носящаго и въ савѣ святителя иноческую-же, пустынно-жительскую одежду, говоря: „Мнѣ-же, который недолго бесѣдную съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ,—кто дастъ ми криль, яко голубинъ? и полещу, и почию! Могу-ли сказать себѣ,—или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни?* Когда облегчуся отъ бремени чужихъ, чтобы обратитъ все попеченіе въ облегченію собственнаго, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27)? О, дающій, иному криль, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кокоши*, чтобы созывать Твоихъ *птеницовъ* подъ Твои

¹⁾ Этотъ характерный для настоящихъ обстоятельствъ жизни Филарета текстъ Св. Писанія онъ нерѣдко примѣняетъ къ подобнымъ-же обстоятельствамъ жизни своей и другихъ даже въ письмахъ къ разнымъ лицамъ, и между прочимъ къ своимъ поѣздкамъ въ Петербургъ.

крилѣ: собирай самъ, и храни всѣхъ насъ подъ крилами Твоея благодати и, стогнами-ли селеній, тропинками-ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь“¹⁾. Это слово нашего проповѣдника произвело, какъ и слѣдовало ожидать, весьма сильное впечатлѣніе на слушателей при его произнесеніи. Многіе положительно плакали отъ избытка чувствъ, вызванныхъ имъ, особенно-же тѣ, которые хотя сколько нибудь знали тогдашнія обстоятельства жизни святителя-страдальца²⁾. Самъ проповѣдникъ былъ также сильно взволнованъ отъ наплыва душившихъ его чувствъ. По произнесеніи это слово, подобно многимъ другимъ проповѣдямъ Филарета, было напечатано отдѣльными оттисками въ количествѣ 1200 экземпляровъ; но людей, или и слышавшихъ проповѣдь, или же только слышавшихъ о ней по впечатлѣніи ею произведенномъ, однако желавшихъ еще и еще послушать или прочитать ее было такъ много, что все это количество экземпляровъ было вскорѣ разобрано на расхватъ³⁾. Замѣчательно, что подобное же по содержанію и даже по многимъ отдѣльнымъ чертамъ изложенія слово святитель Филаретъ произнесъ и въ 1824 году, съ которымъ, какъ мы замѣчали, столь сходенъ въ его жизни 1842-й годъ. Мы разумѣемъ „Слово по освященіи храма во имя Святителя Дмитрія Ростовскаго чудотворца въ Борисоглѣбскомъ общежительномъ монастырѣ“, говоренное 12 сентября означеннаго (1824) года, когда, какъ намъ извѣстно, въ силу противодѣйствія извѣстныхъ лицъ Библейскому Обществу, не только уже палъ президентъ этого общества и покровитель Филарета кн. А. Н. Голицынъ, но и начались сильныя нападенія Шипкова съ его партіею на самого Филарета. Толь-

¹⁾ *Сочин. Филар.* IV, 193—199. Эта проповѣдь напечатана и въ собраніяхъ 1844—1845 и 1848 гг. и отдѣльно.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ наримѣръ очевидецъ — А. Н. Муравьевъ. *См. Правосл. Обзор.* 1868, I, 18; также *Письма Филар. къ А. Н. Муравьеву*, 164—165.

³⁾ *См. Письма Фил. къ Ант.* II, 53—54 и № 84 дѣлъ архива Моск. духовно-ценз. комитета за 1842 годъ.

ко начало слова и приложение или примѣненіе къ слушательницамъ его различны, а черты пустынно-жительства изображаются почти одними и тѣми же словами, и заключеніе выражено почти совершенно такъ же, какъ въ словѣ 1842 года, только съ переменною единственного числа на множественное, т. е. вмѣсто: „Мнѣ же, который не долго бесѣдную съ пустынею и о пустынѣ“ и пр. читается: „А памѣ, которые, послѣ кратковременной бесѣды въ пустынѣ о пустынѣ“¹⁾ и пр.

Но проповѣдникъ пустынно-жительства, искавшій удалиться въ пустыню и водвориться въ ней, бѣгая отъ „мятежа дѣлъ“ и отношеній, былъ не только инокъ, а и святитель, слѣдовательно отъ Самого Бога поставленный быть учителемъ и стражемъ Церкви. И потому, какъ въ 1824—1825 годахъ, смиренно терпя гоненія какъ личность, Филаретъ вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ долгомъ своимъ давать хотя бы то косвенныя вразумленія и наставленія своимъ гонителямъ, такъ еще болѣе теперь, потому что теперь дѣло его личнаго оскорбленія еще ближе касалось благосостоянія Церкви, нежели тогда. Въ этомъ отношеніи мы видимъ замѣчательную постепенность въ проповѣдническомъ дѣйствованіи Филарета. Доколѣ графъ Протасовъ, проводя свои особыя начала въ управленіе церковными дѣлами, еще не затрогивалъ основныхъ началъ и живѣйшихъ интересовъ Церкви Русской и по крайней мѣрѣ казался даже содѣйствующимъ послѣднимъ, дотолѣ Филаретъ въ своей проповѣди не только не касался вопроса о томъ, насколько онъ при этомъ вмѣшивается не въ свое дѣло, но даже какъ бы и поддерживалъ его. Такъ напримѣръ, кромѣ вышеупомянутой уступки въ дѣлѣ измѣненія катихизиса, ставшаго съ тѣхъ поръ символическою книгою нашей Церкви, Филаретъ и въ своей проповѣди со времени оберъ-прокурорства графа Протасова начинаетъ какъ бы нарочито выдвигать на видъ ученіе о церковномъ преданіи, котораго прежде или вовсе не касался

¹⁾ Сочин. Филар. II, 342—347. Это слово при жизни проповѣдника напечатано не было.

или касался, но весьма мало. Уже во второй годъ этого оберъ-прокурорства, произнося „слово въ день обновленія храма Воскресенія Христова, что въ Барашахъ“, ¹⁾ именно 13 сентября 1837 года, святитель московскій заявлялъ, что „всякое учрежденіе церковное должно быть утверждено на святомъ основаніи; должно имѣть цѣлю благо духовное“ и далѣе подробно и основательно раскрываетъ историческое значеніе церковнаго обычая праздновать обновленіе храма ²⁾. За тѣмъ въ словѣ на день Успенія Пресвятыя Богородицы, говореномъ въ Успенскомъ соборѣ въ 1838 году, святитель, изъясняя взятыя въ основаніе этого слѣдствія изреченія Св. Писанія: *се бо отнынѣ ублажатъ мя вси роди* (Лук. 1, 48), говоритъ: „усмотримъ и высокую важность преданія, по которому Вселенская Церковь во всякомъ Богослуженіи постоянно и ревностно ублажаетъ Пресвятую Матерь Господню. Это не простое человѣческое преданіе, не обычай только, введенный произвольнымъ усердіемъ, не подражаніе примѣрамъ частнаго вѣрованія, но мысль Духа Святаго, переданная человѣкамъ, послѣдованіе мановенію перста Божія, исполненіе обязанности столько же священной, сколько справедливой и благотворной для Христіанства“. И далѣе съ такою же обстоятельностью и основательностью доказываетъ, что „слава Пресвятыя Богородицы въ Церкви есть дѣло Божіе“ и что „наша обязанность ублажать Ее есть опредѣленіе Божіе“; а отсюда дѣлаетъ выводы и о томъ, какъ мы можемъ и должны исполнять эту обязанность ³⁾. Наконецъ „слово по освященіи храма живоначальныя Троицы въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ“, говоренное 13 сентября того же 1838 года, святитель говорилъ прямо и на текстъ: *хвалю же вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. 11, 2) и на тему объ истинныхъ преданіяхъ Церкви, каковую тему онъ подробно, основатель-

¹⁾ Не лишено значенія и то обстоятельство, что настоятелемъ этого храма въ то время былъ извѣстный мистикъ, протоіерей Семенъ Ивановичъ Соколовъ, котораго и самъ святитель Филаретъ весьма уважалъ.

²⁾ Сочин. Филар. IV, 68 и дал.

³⁾ Тамъ же, стр. 83 и дал.

но, всесторонне и раскрываетъ въ своемъ этомъ словѣ¹⁾. Но, само собою разумѣется, уже и въ такой поддержкѣ графа оберъ-прокурора Филаретъ отнюдь не подлаживался подъ его собственныя, навѣянныя на него духомъ латинско-іезуитскаго воспитанія, воззрѣнїи, а излагалъ истинное, древле церковное ученіе о предметахъ, которые выдвигалъ на первый планъ графъ Протасовъ, также какъ и въ своемъ катихизисѣ святитель изложилъ, конечно, свое и притомъ истинно-православное ученіе,—отчего катихизисъ его служилъ, доселѣ служить и, уповаемъ, будетъ служить вполнѣ достойно нашей отечественной Церкви символическою книгою ея,—а не ученіе графа или воспитателей и совѣтниковъ его. А какъ скоро святитель увидѣлъ, что графъ твердо рѣшилъ итти и пошелъ гораздо дальше предѣловъ своей компетентности и дѣйствительныхъ правъ въ дѣлахъ церковныхъ, то не мало не убоился выступить и противъ него съ его сообщниками, какъ въ 1824—1825 гг. противъ Шишкова съ его партією, съ словомъ тонкаго обличенія. Не убоившись сказать правду графу лично передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ выше приведенныхъ словахъ, святитель московскій тѣмъ менѣе могъ бояться, даже болѣе того,—считалъ долгомъ своимъ дѣлать разнообразныя внушенія подобнымъ дѣятелямъ съ церковной кафедры той епархіи, которой былъ предстоятелемъ. Такъ именно вскорѣ же по прибытіи своемъ изъ Петербурга въ 1842 году, проивнося „слово въ день рожденія Государя Императора Николая Павловича“ 25 іюня въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи множества сановниковъ²⁾ и другихъ лицъ изъ своей паствы, и избравъ главнымъ предметомъ своего слова изреченіе Слова Божія: *вся вамъ любовію да бывають* (1 Кор. 16, 14), нашъ витія между прочимъ говоритъ: „если начальствующій или обладающій все думаетъ дѣлать одною силою вла-

¹⁾ Тамъ же, стр. 95—100.

²⁾ Не забудемъ при томъ, что московскій генераль-губернаторъ тогдашній, князь Д. В. Голицынъ, былъ тесть графа Протасова, хотя собственно князь Филаретъ уважалъ и былъ въ добрыхъ съ нимъ отношеніяхъ.

сти, не пользуясь силою любви: то по необходимости онъ долженъ будетъ чрезмѣрно напрягать одну силу въ замѣнъ другой, и такимъ образомъ отягчить бремя подчиненности, которое могъ-бы облегчать, и будетъ разстраивать союзъ, который желаетъ скрѣплять: ибо *союзъ совершенства*, совершеннѣйшая связь между людьми, есть *любовь* (Кол. 3, 14). Если и подвластный съ необходимою покорностію не соединяетъ свободной любви: то самъ для себя ожесточаетъ иго, которое любовь умягчала-бы. Не стараясь быть въ сердцѣ сыномъ обладающаго, примѣтно или не примѣтно, препятствуетъ онъ обладающему быть отцемъ для него. Итакъ, аще кто обладаетъ, съ любовію да обладаетъ: аще обладаемъ есть, съ любовію да повинуется.—Должно-ли и *запрещать*, какъ выразился св. Златоустъ, то есть, бранить и наказывать съ любовію?—Непримѣнно съ любовію, если запрещеніе должно быть христіанское и спасительное. Для чего бранить? Для чего наказываютъ? Неужели для того, чтобы неистовствовать во гнѣвѣ, мстить и карать? Какой разумъ одобрить сіе? Какое сердце, въ минуты безстрастія, не отвратится отъ сего? Для чего-же можно, или должно бранить?—для того, чтобы изъяснить виновному его вину и тягость ея. Для чего наказывать?—для того, чтобы пресѣчь или предупредить зло, и побудить согрѣшившаго къ исправленію. Не трудно примѣтить, что сію цѣль наказанія и назначаетъ не иной кто, какъ любовь. И кто лучше ея можетъ исполнить сіе назначеніе? Она также можетъ предохранить, чтобы обличеніе не перешло въ гнѣвъ, чтобы неудержанный гнѣвъ не ожесточилъ виновнаго вмѣсто исправленія, чтобы строгость не простерлась до жестокости; она приливаетъ животворный бальзамъ на рану, которую наноситъ наказаніе. Итакъ, еще кто запрещаетъ и наказываетъ: и сіе съ любовію да творить“¹⁾. Въ этихъ словахъ проповѣди, напечатанной и отдѣльно и въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ, могъ прочесть себѣ хорошій урокъ графъ Протасовъ, который, кромѣ того что былъ властолюбивъ, былъ и крайне не сдер-

¹⁾ Сочин. Филар. IV, 172—173.

жаяя въ выраженіяхъ своего гнѣва, любилъ гнѣвно и рѣзко выражаться и кричать не только на подчиненныхъ и въ присутствіи равныхъ и низшихъ себя, но иногда позволялъ себѣ тоже самое и въ присутствіи и даже въ гостинныхъ такихъ лицъ, какъ святитель Филаретъ московскій. По крайней мѣрѣ вотъ одинъ случай, записанный очевидцемъ-современникомъ и человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающимъ довѣрія. Дѣло было въ 1840 г. „Однажды,—пишетъ этотъ свидѣтель,—Протасовъ пришелъ къ Филарету и началъ съ нимъ говорить о чемъ-то весьма громко, почти крикомъ какъ это въ модѣ у военныхъ и у начальниковъ. Владыка сказалъ: „если и потише будете говорить, Ваше Сіятельство, я услышу“. Съ тѣхъ поръ пересталъ кричать Протасовъ, по крайней мѣрѣ у митрополита Филарета“¹⁾. Затѣмъ въ томъ-же 1842 году, проповѣдуя опять въ царскій день, именно произнося „слово въ день священнаго вѣнчанія и помазанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи“ 22 августа означеннаго года, и на основаніи текста: *да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ, не оставляюще собранія своего, якоже есть нѣкимъ обычай, но другъ друга подвижающе* (Евр. 10, 24, 25) говоря о томъ, чѣмъ можемъ мы, подданные одного царя, споспѣшествовать облегченію царскаго бремени, святитель-проповѣдникъ, какъ на одинъ изъ способовъ сего, указываетъ на то, „чтобъ и сами наставляемые часто другъ друга вразумляли, остерегали, поощряли къ добру“. Но „здѣсь можно,—говоритъ далѣе проповѣдникъ, встрѣтиться съ новымъ прекословіемъ. Развѣ надобно, скажутъ, всѣмъ быть учителями другихъ?—Отнюдь нѣтъ. Противъ сей крайности мы имѣемъ ясное запрещеніе Апостольское: *не мнози учителя бывайте* (Іак. 3, 1). Богъ Церкви Своей далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же Благочестивники, овы же Пастыри и Учители (Еф. 4, 11), а не отдавъ каждому на произволъ поставлять себя въ духовные настав-

¹⁾ Никодима (Казанцева), епископа красноярскаго „о Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ, моя память“. Въ *Чтеніяхъ въ общ. ист. и древн.* 1877, II, 70.

ники. О семъ именно сказано, что *никто-же самъ себя приемлетъ честь, но званный отъ Бога* (Евр. 5, 4), или непосредственно, какъ впачалѣ Апостолы, или преемственно, чрезъ званныхъ отъ Бога прежде. О множествѣ-же не призванныхъ учителей Духъ Святой предваряетъ насъ, какъ о принадлежности несчастныхъ временъ: *будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотехъ изберутъ себя учителя чешими слухомъ, и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснямъ уклонятся* (2 Тим. 4, 3, 4). Противъ сего самодѣльнаго, и потому обманчиваго и опаснаго учительства поставляетъ преграду Богопоставленный наставникъ, когда, увѣщавая всѣхъ насъ поощрять другъ друга къ добру, тотчасъ присовокупляетъ: *не оставляюще Своего собранія, якоже есть нѣкимъ обычай. Свое для истинныхъ христіанъ собраніе есть Соборная Православная Церковь. Ея должно держаться, въ ея послушаніи пребывать, чтобы ревность побуждать другихъ къ добру не перешла въ самочиніе, и не повела къ раздѣленіямъ и заблужденіямъ. Когда дѣло идетъ о догматахъ, о таинствахъ, о священноначаліи: берегись, чтобы не явиться дѣлателемъ, котораго не посылалъ Господь въ виноградъ Свой. Если Тотъ, Кѣмъ все тѣло Церкви, составы и союзы подаемо и снемлемо, раститъ возвращеніе Божіе* (Кол. 2, 19), не устроилъ тебя окомъ или устами сего тѣла: не присвой себѣ особенныхъ обязанностей сихъ членовъ. Не можетъ рука или другой членъ сказать оку или устамъ: я исполню вашу должность“ и т. д. ²⁾). Такимъ образомъ и въ видѣ возраженія, какъ-бы вскользь поставленнаго, святитель въ своей проповѣди (напечатанной,—опять добавимъ,—тогда-же и въ „Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и отдѣльно и въ собраніяхъ 1844 и 1848 гг.) даетъ также хорошій урокъ человѣку, который не только учебно-воспитательную часть въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ хотѣлъ поставить по своему и рѣшать второстепенные вопросы церковнаго учительства намѣревался и пытался самопроизвольно, но и когда дѣло шло „о догматахъ, о таинствахъ, о свя-

¹⁾ Сочин. Филар. IV, 184—185

щенноначалии“, не берегся, „чтобы не явиться дѣлателемъ, котораго не посылалъ Господь въ виноградъ Свой“, какъ-то мы и видѣли отчасти выше; причемъ еще выставлялъ себя какъ-бы охранителемъ православія, въ своей борьбѣ съ Филаретами московскимъ и кievскимъ. Но само собою разумѣется, не трудно рѣшить, кто изъ двухъ,—графъ Протасовъ или Филаретъ московскій,—и въ семъ послѣднемъ отношеніи вѣрнѣе слѣдовалъ правилу, выраженному Филаретомъ въ одной изъ проповѣдей послѣдней половины того-же 1842 г. такими словами: „Предлежитъ-ли кому подвигъ охраненія святыхъ Вѣры отъ неправославія?—Да ищетъ таковой себѣ образца и руководства въ жизни и словѣ такихъ наставниковъ, какъ великіе Аѳанасій и Василій, Григорій Богословъ и Златоустъ“ ¹⁾. Наконецъ въ началѣ 1845 года ²⁾, также какъ послѣ Шишковской исторіи (конца 1824 года) въ началѣ 1825 года, и опять также въ день святителя Алексія 12 февраля святитель московскій Филаретъ и прямо сказалъ подобную проповѣди 1825 года проповѣдь на текстъ: *не мнози учителя бывайте, братіе моя* и пр. (Лук. 3, 1, 2). Въ виду сходства этого слова по содержанію и даже во многихъ выраженіяхъ съ словомъ 1825 года, изъ коего мы уже дѣлали въ свое время потребныя выдержки, мы не будемъ теперь дѣлать большихъ выдержекъ изъ слова 1845 года, которое, какъ и слово 1825 года, имѣетъ предметомъ своимъ указаніе одного изъ способовъ чтить достоинство евангельскаго учителя тѣмъ именно, что выражено въ приведенномъ текстѣ. Но не можемъ удержаться отъ того, чтобы не привести изъ него одно мѣсто, особенно характерное для отношеній сороковыхъ годовъ. Разумѣемъ мѣсто, касающееся первенстволюбца Діотрефа. „Для краткости,—говоритъ проповѣдникъ,—приведу одинъ примѣръ, который много ска-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 191. Слова изъ проповѣди въ день памяти Преподобнаго Сергія сентября 26-го 1842 года. Проповѣдь эта также имѣется въ собраніяхъ 1844 и 1848 годовъ.

²⁾ Не излишнимъ считаемъ отмѣтить то обстоятельство, что тестъ гр. Протасова, московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ скончался въ 1844 году.

жетъ внимательному. Въ посланіи святаго Апостола и Евангелиста Іоанна читаемъ слѣдующее: *писахъ Церкви: но первенстволюбецъ ихъ Діотрефъ не пріемлетъ насъ. Сего ради аще прииду, вспомяну его дѣла, яже творитъ, словеса лукавыми укоряя насъ: и не доволенъ бывая о сихъ, ни самъ пріемлетъ братію; и хотящимъ возбраняетъ, и отъ Церкви изгонитъ* (3 Іоан. 1, 9, 10). Слышите-ли? Діотрефъ не пріемлетъ Іоанна, Діотрефъ, о которомъ неизвѣстно, была-ли въ немъ какая искра здраваго понятія о вѣрѣ и Церкви, и котораго имя дошло до насъ только по милости человѣка, имъ пренебреженнаго,—Діотрефъ не пріемлетъ Іоанна, избраннаго между Апостолами, Богослова по превосходству, тайновидца и главу пророковъ Новаго Завета, не уважаетъ его посланія, порицаетъ его, не пріемлетъ пріемлемыхъ Апостоломъ, запрещаетъ другимъ принимать ихъ, и изъ Церкви изгоняетъ ихъ! Кто-бы сему повѣрилъ, если-бы не самъ Апостоль повѣствовалъ о семъ? Видите, какія богопротивныя дѣла, какіе разрушительные безпорядки производитъ въ Церкви желаніе быть перынь по собственному счету, и похищаемая независимость отъ поставленныхъ учителей, мнящаяся быть довольною для себя и другихъ! Судите посему, какъ нужно и какъ важно предостереженіе апостольское: *не мнози учителя бывайте*.—Но здѣсь нѣтъ никакого Діотрефа, думаютъ, вѣроятно, нѣкоторые изъ слушающихъ, и мы не ищемъ быть учителями другихъ. Къ кому-же относится обличеніе и предостереженіе?—Къ многимъ, братія, и къ вамъ самимъ, которые такъ думаете¹⁾ и т. д. Если въ началѣ 1825 года подобное „обличеніе и предостереженіе“ могло быть хорошимъ урокомъ для Шишкова, Смирнова и подобныхъ, то тѣмъ болѣе въ началѣ 1845 года; ибо тогда слово Филарета въ Чудовомъ монастырѣ на день святителя Алексія не было напечатаннымъ, а теперь оно не только прямо по произнесеніи (на тотъ-же день и въ томъ-же монастырѣ) напечатано было въ *Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ съ Прибавленіями*, издающихся при московской духовной академіи, но и внесено въ соб-

¹⁾ Сочин. Филар. IV, 374—375.

раніе словъ и рѣчей Филарета изданія 1848 года. А между тѣмъ несомнѣнно извѣстно, что и теперь (т. е. въ 1845 г.) какъ былъ своего рода Шишковъ въ Петербургѣ, такъ и были своего рода Смирновы въ Москвѣ, какъ то отчасти и увидимъ далѣе.—Но, къ глубокому сожалѣнію, на такихъ людей, какъ первенстволюбецъ Діотрефъ, уроки, внушенія, предостереженія и обличенія не только мало дѣйствуютъ ко благу, но и вызываютъ въ нихъ чувства далеко не согласныя съ идеею блага. Насколько о Филаретѣ московскомъ справедливо было замѣчено, что онъ „мститъ обидѣвшимъ благотвореніемъ“¹⁾, настолько-же графъ Протасовъ въ печальные годы, нами описываемые, обнаружилъ противоположныя чувства и дѣйствія въ отношеніи къ святителю московскому, и безъ того униженному имъ въ 1842 году. Тяжело и говорить о тѣхъ путяхъ и способахъ, которые онъ и его сподвижники употребляли для сего. Изъ многого въ этомъ отношеніи мы упомянемъ лишь не многое. И прежде всего, дабы окончательно предотвратить для Филарета всякую возможность хотя когда-либо еще быть вновь вызваннымъ въ Петербургъ для участія въ засѣданіяхъ Св. Синода, графъ Протасовъ вскорѣ-же послѣ отъѣзда Филарета изъ Петербурга началъ усиленно стараться о томъ, чтобы всюду (конечно и при дворѣ) дать понять дальнѣйшую ненужность въ услугахъ Филарета для высшаго церковнаго управленія, тѣмъ болѣе, что въ прежніе годы бывало не разъ, что Филаретъ на два года съ ряду не вызываемъ былъ въ Петербургъ, а потомъ вновь вызывался (напр. въ 1830—1831 и 1834—1835 годахъ). Изъ нѣкоторыхъ данныхъ мы можемъ заключать, что не только многіе другіе, близко знавшіе и высоко цѣнившіе мудрость и административную опытность Филарета, но изрѣдка и самъ Филаретъ, допускали возможность подобнаго вызова. Такъ по крайней мѣрѣ было осенью 1842 и 1843 годовъ²⁾. Эта возможность еще бо-

¹⁾ См. вышеуказанныя воспоминанія епископа Никодима о Филаретѣ въ *Чт. въ общ. ист. и древн.* 1877, II, 90.

²⁾ См. *Письма Филар.* къ *Ант.* II, 38. 48. 56. 59. 98—99.

лѣе усилилась во мнѣніи тѣхъ-же лицъ вслѣдствіе смерти первенствующаго члена Синода, митрополита Серафима, послѣдовавшей 17 января 1843 года ¹⁾, благодаря чему, въ виду примѣра самого-же Серафима, казалось весьма естественнымъ, что мѣсто послѣдняго займетъ какъ старѣйшій (въ санѣ митрополита) и достойнѣйшій Филаретъ московскій. Но петербургскому первенстволюбцу Діотрефу, желавшему быть министромъ духовнаго вѣдомства съ неограничиваемою ничѣмъ властію ²⁾, еще слишкомъ не хотѣлось имѣть ближайшимъ соучастникомъ своего управленія Филарета,— и онъ, отклонивъ его кандидатуру, избралъ въ преемники Серафиму столько-же безцвѣтную и безгласную, сколько былъ Серафимъ въ послѣднее время своей жизни, личность,— архіепископа варшавскаго Антонія (Рафальскаго), въ теченіи всего времени бытности своей митрополитомъ новгородскимъ и первенствующимъ членомъ Синода (1843—1848 г.г.) бывшаго такимъ, къ прискорбію, первосвятителемъ, по кончинѣ котораго не даромъ святитель московскій Филаретъ выражалъ искреннее желаніе, чтобы на мѣсто его „Господь даровалъ Церкви петербургской пастыря крѣпкаго духомъ и тѣломъ“ ³⁾. Въ виду всего этого и самъ Филаретъ, лишь изрѣдка допускавшій мысль о вышеупомянутой возможности, сталъ свыкаться съ мыслию о противоположномъ сему, и въ

¹⁾ Характерны для отличія отношеній между Филаретомъ и Серафимомъ отъ отношеній между Филаретомъ-же и гр. Протасовымъ слѣдующія слова письма Филарета къ А. Н. Муравьеву по случаю кончины Серафима: „кончина владыки Серафима произвела во мнѣ чувство сиротства. Утѣшеніе нашель я въ томъ, что не задолго предъ тѣмъ онъ написалъ ко мнѣ письмо. Письмо писано было не его рукою; но онъ къ послѣднимъ формуламъ приписалъ слово: *богомольцъ*; и я принялъ сіе отъ него, какъ послѣдній даръ молитвы и благословенія“. См. *Письма Филар. къ Мур.* стр. 121. Кіевъ. 1869.

²⁾ „Когда г. Протасова сдѣлали оберъ-прокуроромъ,—пишетъ покойный епископъ Игнатій Брянчаниновъ,—онъ пріѣзжаетъ къ генералъ-адъютанту Чичерину и говоритъ ему: поздравь меня; я—министръ, я—архіерей, я ч. .. знаетъ что.—Филаретъ кіевскій, услышавъ, это сказалъ: „справедливо только послѣднее“. См. въ статьѣ П. С. Казанскаго въ *Прав. Обзор.* 1878, I, 109, примѣч. 2.

³⁾ *Письма Фил. къ Ант. II*, 422. Митрополитъ Антоній, будучи и добрымъ по душѣ, страдалъ отъ запоя. См. статью Лѣскова въ *Историч. Вѣстникъ* за 1882 г., № 11, стр. 100—401. И въ отношеніяхъ своихъ къ Филарету Антоній, конечно подъ влияніемъ графа Протасова, былъ далеко не всегда учтивъ. См.

этомъ именно смыслъ отъ 10 октября 1843 года писалъ намѣстнику лавры о. Антонію слѣдующее: „что вздумалось вашимъ помысламъ подвинуться, и двигать меня въ путь? И странно, что сіи помыслы сказываются мнѣ почти въ одно время съ двухъ предѣловъ епархіи. Въ серпуховскомъ Владычнемъ монастырѣ одна давняя тамъ юродствующая обошлась со мною привѣтливо, нѣсколько разъ брала благословеніе, и, когда протоіерей нѣсколько прекословилъ ей, связала, между прочимъ, въ оправданіе: вотъ уѣдешь въ Петербургъ и, можетъ быть, долго не приѣдешь. Однако, я думаю, что сіи помыслы только отъ прошедшаго, а не для будущаго. Въ Петербургъ не хочеть, если не ошибаюсь, не оскорбленное самолюбіе, но немощъ и увѣренность ббольшая, нежели когда-либо, что для путешествія въ Петербургъ съ пользою надобны достоинства и добродѣтели, которыхъ у меня не достаетъ и для здѣшней службы, а тѣмъ паче для тамошней. Мысль, что тамъ не имѣютъ во мнѣ нужды, сколько убѣдительно для меня, столько-же и успокоительна“ ¹⁾. Но кромѣ того, что въ графѣ Протасовѣ „желаніе быть первымъ по собственному счету, и похищаемая независимость отъ поставленныхъ учителей, мнящаяся быть довольною для себя и другихъ“ производили усиленное стремленіе дать всюду понять, что въ Филаретѣ нѣтъ нужды въ Петербургѣ, что можно тамъ его не принимать и не уважать его мнѣній и посланій, графъ даже несправедливо „порицаетъ его, не приѣмлетъ приѣмлемыхъ“ имъ и т. д., ищетъ вины тамъ, гдѣ ея нѣтъ и под. съ цѣлію еще болѣе унижить и безъ того униженнаго страдальца-святителя. Такъ прямо послѣ отбытія Филарета изъ Петербурга въ Москву, при пересылкѣ оттуда сюда его домашнихъ вещей и книгъ, сундукъ съ книгами прислали Филарету, по его-же собственнымъ словамъ,

Письма Фил. къ Ант. II, 112—113; 188 и др. Преемникомъ Антонія былъ назначенъ архіепископъ варшавскій Никаноръ (Клементьевскій¹⁾, бывший нѣкогда (1803—1808) ученикомъ святителя московскаго Филарета. Онъ лучше Антонія и относился къ Филарету.

¹⁾ *Письма Ф. къ Ант. II, 98—99.*

„съ поврежденнымъ замкомъ, то есть съ признакомъ того, что на подворьѣ послѣ“ него, „при помощи“ желавшаго, вѣроятно, выслужиться предъ графомъ эконома подворья „Веніаміна, было тайное изысканіе не заперты-ли въ сундукѣ ереси“ ¹⁾. Далѣе, по невинному совершенно дѣлу офицера Шелашникова, благодаря графу, стали распускать слухи не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, гдѣ также какъ и въ 1824 году были, повторяемъ, свои Смирновы, будто Филаретъ посылалъ въ Грузію монаховъ съ тѣмъ, чтобы поддѣйствовать на упавшій якобы духъ войска“ ²⁾. Равнымъ образомъ, когда въ 1844 году привезено было въ Москву тѣло скончавшагося за границею тестя графа Протасова, бывшаго долгое время генералъ-губернаторомъ Москвы, князя Д. В. Голицына и когда Филаретъ, частію по немощи, а частію и по сознанию того, что при семъ было „удобнѣе молчаніе, нежели слово“, не говорилъ проповѣди при гробѣ князя, то сильно опасался святитель за то, что его „осудятъ“ ³⁾ за такое, повидимому, не вниманіе къ покойному, въ общемъ весьма достойному всякой чести и какъ сановнику и какъ человѣку. Вообще въ Петербургѣ сильно „жаждали клеветы“ на святителя московскаго ⁴⁾,—очевидно потому, что въ дѣйствительности его не за что было упрекнуть. Но и на „пріемлемыхъ“ святителемъ, на друзей его тамъ смотрѣли косо, какъ напр. извѣстно относительно Григорія (Постникова), въ то время архіепископа тверскаго ⁵⁾, Филарета кіевскаго и др. Косо смотрѣли и на тѣхъ, которые изъ участія къ невинному страдальцу-святителю или по любви и расположенію къ нему посѣщали его въ Москвѣ послѣ событій 1842 года ⁶⁾. Такъ напримѣръ, извѣстно, сколько

¹⁾ Тамъ-же стр. 132.

²⁾ Тамъ-же, стр. 107. Срав. стр. 72, 74, 104, 107, 108, 188; IV, 360; также *Письма Фил. къ Мур.* стр. 129.

³⁾ *Письма Фил. къ Ант.* II, 134.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 27.

⁵⁾ *Письма Ф. къ А. Н. Мур.* стр. 117.

⁶⁾ Такъ вскорѣ-же послѣ сихъ событій посѣтили Филарета: кн. А. Н. Голицынъ, Іосифъ Сѣмашко, архіеписк. Литовскій и др. См. *П. къ Ант.* II, 31 и дал. *П. къ Мур.* стр. 111 и др.

хлопотъ и непріятностей доставило Филарету посѣщеніе его извѣстнымъ мистикомъ и въ свое время сослуживцемъ князя А. Н. Голицына А. И. Тургеневымъ ¹⁾. Даже самъ Государь Императоръ, прежде такъ милостиво относившійся къ Филарету, подѣ влияніемъ навѣтовъ близкаго ко двору графа Протасова, теперь какъ-бы нѣсколько охладѣлъ въ своемъ къ нему расположеніи, и при томъ на довольно долгое время, что, конечно, особенно огорчало царелюбивую душу святителя московскаго, всегда неизмѣнно и всѣми силами старавшагося быть не только вполне достойнымъ своего положенія іерархомъ русской Церкви, но и вѣрноподданнымъ Царю и вообще по возможности наилучшимъ сыномъ Отечества. Съ 1839 года, когда Филаретъ получилъ монаршую награду—орденъ св. Владиміра 1-й степени до 1849 года онъ не былъ награждаемъ отъ государя ничѣмъ.

Но само собою разумѣется, что долго не могло длиться такое неестественное положеніе вещей, которое вызвано было и поддерживалось графомъ Протасовымъ. Истина рано или поздно должна была восторжествовать; потому что съ своей стороны святитель московскій вѣрно исполнялъ ту программу служенія Церкви, Царю и Отечеству, которую для всѣхъ истинныхъ сыновъ Церкви и Отечества начерталъ въ проповѣди на день восшествія Государя Императора Николая Павловича на престолъ въ 1826 году, т. е. „по первомъ лѣтѣ царствованія Его“. Въ согласіи съ этою программой, святитель московскій, поздравляя своего бывшаго викарія, епископа вятскаго Кирилла (Богословскаго-Платонова) съ новымъ (1828) годомъ, писалъ ему: „утѣшаюсь, слыша, что миръ съ вами есть и тамъ, гдѣ сомнѣвались вы найти его. Видите, что путь Господень, скорбный по первому взгляду, въ самомъ дѣлѣ есть путь мира; и что идущій съ послушаніемъ, куда Господь ведетъ, не лишается руководства, покровы и утѣшенія“ ²⁾. Этимъ путемъ шелъ и самъ святи-

¹⁾ Письма Ф. къ Ант. II, 67.

²⁾ Письмо Филарета къ Кириллу отъ 1 января 1828 г. хранится въ числѣ другихъ его къ тому-же отцу писемъ въ рукописномъ видѣ въ библиотекѣ московской духовной академіи.

тель московскій какъ въ 1824 и дальнѣйшихъ годахъ, такъ и теперь, при не мирныхъ со стороны графа Протасова отношеніяхъ,—и Господь не лишилъ святителя Своего руководства, покрова и утѣшенія. Въ Петербургѣ скоро „почувствовали недостатокъ его присутствія въ Синодѣ“, по словамъ служившаго чиновникомъ при Синодѣ и вообще хорошо знавшаго положеніе дѣлъ А. Н. Муравьева ¹⁾. Самъ графъ Протасовъ, къ которому, не смотря на всѣ его неправильныя, чтобы не сказать больше, отношенія, Филаретъ неизмѣнно продолжалъ относиться со всѣми знаками подобающаго его положенію уваженія ²⁾, чрезъ года три—четыре уклоненія отъ Филарета не могъ не сознать, сколь многого лишается въ немъ и опъ самъ и Синодъ. „Сыны вѣка сего,—говорилъ въ одной изъ своихъ проповѣдей 1843 года святитель московскій Филаретъ, какъ-бы указуя на одного изъ нихъ въ графѣ,—желаютъ все больше и больше простора собственной волѣ. Къ чему сіе ведетъ?—Не къ тому-ли, что нѣкогда предсказывалъ пророкъ: *будутъ людіе, аки жрецъ* ³⁾, *и рабъ, аки господинъ, и раба, аки госпожа: будетъ купуяй, яко продаяй, и взаимъ емляй, аки заимодавецъ* (Ис. 24, 2)? Но что будетъ во время сего неограниченнаго простора собственной воли?—Пророкъ скажетъ: *се Господь разсыплетъ вселенную, и опустошитъ ю*. То есть, Онъ попуститъ своеволю наказать самому себя тѣми беспорядками, которые оно производитъ“ ⁴⁾. Ибо графъ долженъ былъ понять наконецъ, что „повелѣнія власти,—по словамъ другой проповѣди Филарета того-же 1843 года,—во многообразіи своемъ очевидно не всегда могутъ быть сопутствуемы примѣромъ повелѣвающаго, который одинъ не можетъ употребить себя во всѣ дѣла и должности, распределенныя по разнымъ степенямъ и разрядамъ подчи-

¹⁾ *Письма Ф. къ А. Н. Мур.* стр. 110.

²⁾ Это между прочимъ доказывается письмами Филарета къ гр. Протасову, не прекращавшимися и съ 1842 года и напечатанными въ разныхъ періодическихъ и не періодическихъ изданіяхъ.

³⁾ Припомнимъ приведенныя выше въ одномъ изъ примѣчаній слова графа Протасова о себѣ: „я—министръ, я—архіерей“.

⁴⁾ *Сочин. Филар.* IV, 242.

ненности“¹⁾. И вотъ съ 1846 года мало по-малу начинается сближеніе между графомъ Протасовымъ и Филаретомъ московскимъ. Починъ въ этомъ поворотѣ отношеній принадлежалъ, какъ и слѣдовало ожидать, самому графу. Въ маѣ 1846 года онъ былъ въ Москвѣ на погребеніи одной своей саяновой родственницы, которое совершалъ самъ Филаретъ. При этомъ графъ прожилъ въ Москвѣ довольно долго; былъ и въ Сергіевой лаврѣ²⁾. Въ это время онъ нѣсколько разъ и подолгу бывалъ и у Филарета; и къ этому-то времени относится окончательное ихъ взаимосближеніе. Графъ понималъ, сколь многого онъ лишился въ Филаретѣ для дѣла высшаго церковнаго управленія, къ каковому избраннѣйшій графомъ первенствующій членъ Синода былъ далеко неспособенъ. И такъ какъ полное возвращеніе къ прежнему порядку вещей, т. е. къ ежегодному вызову Филарета въ Петербургъ, теперь уже не представлялось возможнымъ и удобнымъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія Филарета изъ Петербурга, то отнынѣ между графомъ и Филаретомъ установился слѣдующій, что называется, *modus vivendi* или компромиссъ: отъ графа изъ Петербурга постоянно почти присылаемы были къ Филарету по почтѣ или чрезъ чиновниковъ графа весьма многія и различныя по предметамъ и характеру дѣла синодальныя съ требованіемъ отъ него мнѣнія или отзыва по этимъ дѣламъ. Недавно окопченное печатаніемъ многотомное *собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ* (т. I—V и дополнительный), изданное подъ редакціею преосвященнѣйшаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго (Спб. и Москва, 1885—1888), ясно показываетъ всю великость работы, совершенной Филаретомъ и съ 1842 года для блага Церкви и Отечества въ указанномъ отношеніи. вмѣстѣ съ тѣмъ и въ связи съ тѣмъ начинается мало по-малу и возвращеніе Филарету прежнихъ знаковъ монаршаго вниманія и благоволенія, выразившихся

¹⁾ Тамъ-же, стр. 276.

²⁾ *Письма Филар.* къ *Акт.* II, 319—320.

въ 1849 году въ награжденіи его алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго; затѣмъ, не далѣе какъ чрезъ два года послѣ сего (въ 1851 г.)—въ награжденіи его осыпанною алмазами панягією; а въ предпослѣдній годъ жизни Государя Императора Николая Павловича (и вмѣстѣ съ тѣмъ въ таковой-же годъ жизни графа Протасова)—т. е. въ 1854 въ объявленіи ему Высочайшей благодарности. Благодаря такому повороту личныхъ отношеній Филарета онъ естественно въ значительной степени поднялся и своимъ самочувствіемъ, а отсюда и говорилъ слово свое съ большею противъ прежняго властію, особенно съ церковной каеедры.

Отъ личныхъ отношеній обращаемся теперь къ жизни и дѣятельности святителя московскаго за рассматриваемое время. Его жизнь была постоянною и неустанною дѣятельностію и потому говорить о первой значитъ говорить о второй, особенно, повторяемъ, за рассматриваемое время. Въ письмѣ къ Кириллу, епископу вятскому, отъ 1 генваря 1828 года Филаретъ, описывая свою жизнь и дѣятельность въ Петербургѣ за это время, между прочимъ говоритъ: „примѣрная, или справедливѣе сказать, безпримѣрная дѣятельность Государя поощряетъ насъ къ дѣятельности“ ¹⁾. Но собственно Филарета, кажется, не было бы надобности и поощрять къ дѣятельности: такъ полна была дѣятельности вся его жизнь, не смотря на всегдашнюю слабость тѣлесныхъ силъ его; потому что „онъ былъ весь—духъ“, по выраженію одного близкаго знавшаго его и компетентнаго въ дѣлѣ сужденія о немъ отца ²⁾. Не было бы возможности, да и вѣтъ нужды намъ въ настоящемъ изслѣдованіи описывать подробно всю жизнь и дѣятельность Филарета въ тридцатилѣтній періодъ царствованія Николая. То, что прежде Филаретъ называлъ „суетамы“, не имѣвшими конца, продолжалось и теперь по епархіальной, учебной и другимъ частямъ общаго церковнаго и

¹⁾ Письмо хранится въ числѣ другихъ писемъ къ тому же лицу въ рукописномъ видѣ въ библиотекѣ московской духовной академіи.

²⁾ Слова преосв. Леонида (Краснопѣвкова) о Филаретѣ. См. *Чтенія въ общ. ист. и древн.* 1874, I, 53.

мѣстнаго московскаго епархіальнаго управленія. Поэтому мы, представивъ въ краткихъ чертахъ общую характеристику дѣятельности Филарета, изъ видовъ послѣдней рассмотримъ только касающуюся проповѣдничества его.—Для того, чтобы видѣть, что была за дѣятельность Филарета въ Петербургѣ до 1842 года и какое она имѣла значеніе для самаго Синода, достаточно будетъ привести слѣдующее свидѣтельство современника очевидца, относящееся къ 1840 году и принадлежащее бывшему тогда на чредѣ служенія въ Петербургѣ ректору и архимандриту Никодиму (Казанцеву), дружески принятому тогда присутствовавшимъ въ Синодѣ архіепископомъ каменецъ-подольскимъ Кирилломъ (Богословскимъ-Платоновымъ). „Преосвященный Кирилль,—говоритъ Никодимъ,—съ августа началъ ѣздить въ Синодъ. Филаретъ пріѣхалъ въ концѣ октября. Въ ноябрѣ призываетъ меня къ себѣ преосвященный Кирилль, и говоритъ: ну, братъ, я сегодня былъ въ Синодѣ, и Синода не узналъ. Бывало мы съ митрополитомъ Іоною (Грузинскимъ) ¹⁾ сидимъ въ присутствіи часъ и болѣе даромъ. Дѣлъ никто никакихъ не подаетъ; свѣтскіе то войдутъ въ присутствіе, то выйдутъ; прогуливаются какъ на бульварѣ, и изрѣдка заводятъ съ нами рѣчи, и почти всегда о пустякахъ. Сегодня, когда впервые пожаловалъ въ Синодъ митрополитъ московскій, все приняло строгій чинъ и порядокъ. Прокуроръ съ своими чинами на мѣстѣ; оберъ-секретарь съ кипой докладовъ. Начинаются доклады одинъ за другимъ, выслушиваются рѣшенія Синода, безъ перерыва. И послѣ двухчасовой работы, встаемъ, молимся, раскланиваемся, разѣзжаемся по своимъ мѣстамъ. Такъ много значилъ Филаретъ въ Синодѣ“ ²⁾ Еще свидѣтельство того же лица: „Мнѣнія и предположенія членовъ Св. Синода не всегда принимались: ихъ иногда отклоняли. Даже самъ митрополитъ Серафимъ терпѣлъ неудачи: напро-

¹⁾ Іона (Васильевскій), по увольненіи отъ епархіи, съ 1832 года по 1849-й былъ присутствующимъ въ Синодѣ.

²⁾ „О Филаретѣ, м. моск. моя память“ въ *Чтеніяхъ съ общ. ист. и дресн.* 1877, II, 68—69.

тивъ, предложенія митрополита московскаго всегда оставались дѣломъ и закономъ.—Серафимъ, по слабости здравія, попросилъ митрополита московскаго читать и подписывать журналы и протоколы Синода первымъ: Вы помоложе меня, сказалъ онъ, потрудитесь вычитывать, и подписывайте, что признаете справедливымъ. А я уже за Вами буду подписывать, довѣряя Вамъ, не читая. Филаретъ принялъ предложеніе. Канцелярія и все свѣтское поникли. Своеволія прекратились ¹⁾“ и т. д. А вотъ отзывъ о дѣятельности Филарета по разнымъ частямъ высшаго церковнаго управленія, данный послѣ 1842 года и при томъ данный лицомъ правительственнымъ, стоявшимъ къ нему за извѣстное время въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ: „случаются иногда,—говорило это лице,—дѣла почти не разрѣшимыя, возникаютъ обстоятельства сомнительныя, поднимаются вопросы трудные. Прочіе думаютъ долго и ничего не придумаютъ; тогда дѣла посылаются къ святителю московскому. Онъ одинъ все обсудить и разрѣшить и притомъ скоро. Онъ направитъ на прямой путь, не допуститъ до ошибки, обойдетъ препятствія, устранитъ недоразумѣнія“ ²⁾. Вѣдь вотъ почему и до 1842 года такъ дорожили Филаретомъ въ Синодѣ и послѣ 1842 года всѣ, не исключая и пожелавшаго быть министромъ графа Протасова, скоро почувствовали тотъ недостатокъ его присутствія. А какъ много дѣлъ высшаго церковнаго управленія присылалось и послѣ 1842 года въ Москву къ Филарету, о томъ достаточно будетъ привести слѣдующія слова письма самого Филарета къ намѣстнику лавры Антонію отъ 28 февраля 1849 года: „Больше даютъ дѣла, нежели хочетъ и можетъ сдѣлать моя лѣность. Одинъ архіерей затрудняется, носить-ли двоеженцу стихарь: мнѣ присылаютъ указъ, чтобы я отвѣчалъ ему на сіе затрудненіе. Одинъ губернаторъ замѣтилъ, что въ мятель замерзаютъ люди, не находя пути въ село: я долженъ сказать, не звонить-ли въ колоколь. Въ обѣихъ столицахъ хотятъ

¹⁾ Тамъ же стр. 69.

²⁾ *Приб. къ Твор.* 1883, XXXI, 275—276.

отдать откупщику погребеніе: мнѣ приходится разбирать дѣло, и объяснять, что будетъ ропотъ на откупщика и на начальство. Одинъ архіерей написалъ исторію Русской Церкви: меня спрашиваютъ, не надобно-ли ее исправить, и дабы я не лѣнился отвѣчать, прибавляютъ, что о семъ знаетъ Государь Императоръ. А я все не умѣю спѣшить“¹⁾. Не забудемъ, что все это Филаретъ дѣлалъ на ряду со множествомъ дѣлъ, подлежавшихъ его обсужденію, рѣшенію и исполненію, какъ архіерея епархіальнаго и притомъ столичнаго, гдѣ напр. больше бываетъ соприкосновенія дѣлъ гражданскихъ съ церковными, нежели въ провинціальныхъ епархіяхъ. А между тѣмъ въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ Филарету, какъ архіерею, было, конечно, и проповѣданіе Слова Божія. И нельзя не согласиться съ вѣрностію уже высказаннаго печатно замѣчанія, что по всѣмъ сторонамъ дѣятельности „никто собственноручно не написалъ столько, сколько написалъ Филаретъ“²⁾. Поэтому не однимъ лишь знавомъ вѣжливости, а точнымъ выраженіемъ истины были слова Высочайшаго рескрипта, при которомъ въ 1849 году Филаретъ награжденъ былъ алмазными знаками ордена св. апостола Андрея Первозваннаго: „Преосвященный митрополитъ Филаретъ! Неусыпныя попеченія ваши о ввѣренной вамъ епархіи, при многолѣтней опытности и назидательномъ проповѣданіи слова истины, являютъ въ васъ просвѣщенно-ревностнаго пастыря стада Христова. Уважая сіи отличныя достоинства и неутомимо совершаемые въ пользу православной Церкви и Отечества подвиги, Я призналъ за благо изъявить Мое особенное къ вашимъ заслугамъ вниманіе Всемиловитвѣйшимъ пожалованіемъ вамъ препровождаемыхъ при семъ алмазныхъ знаковъ ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. Поручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный *Николай*. Въ Москвѣ, 3-го Апрѣля 1849 года“³⁾.—Въ этомъ Высочайшемъ

¹⁾ *Письма Фил. къ Антонію II*, 464.

²⁾ *Приб. къ Твор.* 1883, XXXI, 277.

³⁾ Списокъ съ рескрипта см. въ *Письмахъ Фил. къ Ант. II*, 470.

рескриптѣ между различными видами одобряемой въ немъ неутомимой дѣятельности московскаго архипастыря упоминается и „назидательное проповѣданіе слова истины“. Какъ намъ извѣстно изъ прежнихъ нашихъ изслѣдованій о проповѣднической дѣятельности Филарета, собственно за эту дѣятельность, или отдѣльно или на ряду съ другими видами его дѣятельности, онъ награжденъ былъ только въ 1811 году (наперстнымъ крестомъ съ драгоценными камнями), въ 1813 году (орденомъ св. Владиміра 2-й степени) и въ 1823 году (орденомъ св. Александра Невскаго), въ семь послѣднемъ году, очевидно, уже на московской епархіи. Но не говоря о томъ, что въ семь 1823 году Филаретъ награжденъ былъ главнымъ образомъ за особыя заслуги ¹⁾, въ отношеніи же къ проповѣднической собственно дѣятельности, плодомъ коей предъ тѣмъ вышло первое собраніе поучительныхъ словъ его, онъ получилъ награду только, какъ выражено въ рескриптѣ, „за назидательные труды въ поученіе паствѣ“, хотя, какъ извѣстно, въ томъ собраніи напечатаны были его слова, относившіяся и не къ его паствѣ, если не считать особаго собранія словъ, говоренныхъ къ паствѣ московской за первый годъ управленія ею. Въ рескриптѣ же 1849 года указывается вообще на „назидательное проповѣданіе слова истины“. Этимъ самымъ, какъ намъ думается, имѣлось въ виду указать на болѣе обширное значеніе этого рода дѣятельности святителя, не ограничивая ее лишь паствою московскою. И подлинно такъ. Въ Николаевское царствованіе проповѣдническій талантъ Филарета достигъ высшей степени своего развитія и раскрытія, проповѣдническая дѣятельность Филарета завершилась въ своемъ универсальномъ направленіи и утвердилась въ своемъ строго определенномъ характерѣ, проповѣди Филарета окончательно вылились въ тѣ формы, которыя сдѣлались образцовыми для послѣдующихъ временъ. Этотъ-же періодъ времени есть и самый обильный плодами проповѣднической дѣятельности Филарета, доказательствомъ чего изъ пяти томовъ послѣд-

¹⁾ Ближе всего за составленіе Катихизиса.

няго изданія словъ и рѣчей его (1873—1885 гг.) служатъ два полныхъ (3-й и 4-й) и весьма значительная доля двухъ другихъ (2-го и особенно 5-го) томовъ этого изданія, при чемъ мы знаемъ навѣрное, что нѣкоторыя проповѣди разсматриваемаго періода еще и не вошли въ это изданіе, оставаясь доселѣ въ рукописномъ видѣ¹⁾. Обзорѣть все поле проповѣднической дѣятельности этого періода въ настоящій разъ намъ даже не возможно. И дѣлая такое обзорѣніе далѣе по частямъ, мы все-же значительную часть этого поля должны будемъ оставить разсмотрѣнію въ послѣдующихъ частяхъ нашего настоящаго изслѣдованія. Теперь мы только скажемъ, что будучи универсальною, какъ мы замѣтили, въ своемъ направленіи, проповѣдническая дѣятельность святителя московскаго въ разсматриваемый періодъ касалась всевозможныхъ предметовъ догматическаго, нравственнаго, историческаго и т. д. характера, затрогивала по возможности и нуждѣ всѣ событія того времени какъ со стороны внѣшней политики, такъ и со стороны внутренняго состоянія имперіи, Церкви и московской епархіи, самонамалѣйшія явленія жизни общественной и частной, церковной и гражданской, высшей духовной и низменной обыденной и т. д.; такъ что нужно было удивляться, какъ на все это хватало слабаго тѣломъ Филарета, при множествѣ другихъ видовъ и сторонъ его разнообразной дѣятельности. Не даромъ въ разсматриваемый именно періодъ утвердилось за Филаретомъ московскимъ названіе „Филарета мудраго“, также какъ за Филаретомъ кievскимъ названіе „Филарета благочестиваго“. Много, подлинно много нужно было мудрости, чтобы совершать всѣ роды и виды этой дѣятельности такъ, какъ совершалъ ихъ Филаретъ московскій, т. е. образцово. Но не менѣе нужно было мудрости, чтобы и проповѣдывать такъ, какъ онъ проповѣдывалъ. По-истинѣ онъ вполне заслужилъ

¹⁾ При этомъ мы имѣемъ въ виду упомянутый въ началѣ нашего настоящаго изслѣдованія рукописный сборникъ Е. В. Барсова. Указанія тамъ двѣ неизданныя проповѣди суть: 1. Въ день Благовѣщенія 1831 г.—въ Чудовѣ мон. и 2. Въ день Успенія того-же года—въ Усп. соборѣ.

имя учителя Церкви не только московской, но и русской, не только русской, но и вселенской. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя одинъ примѣръ изъ всего 30-лѣтняго періода. До 1842 года Филарету рѣдко приходилось говорить проповѣди въ день Благовѣщенія, такъ какъ въ это время онъ по большей части бывалъ въ Петербургѣ. Но оставшись, по случаю болѣзни и съ разрѣшенія Государя Императора, на зиму 1834—1835 года въ Москвѣ, онъ оказался въ возможности говорить проповѣдь и въ этотъ день. Побуждаемый между прочимъ къ проповѣданію и со стороны частнаго человѣка А. Н. Муравьева, онъ и сказалъ проповѣдь ¹⁾. Но что-же это была за проповѣдь? Эта проповѣдь, сказанная въ Чудовѣ монастырѣ на текстъ: *и исповѣдуемо велія есть благодѣстїя тайна, Богъ явился во плоти, оправдася въ Дусѣ, показася Ангеломъ, вѣровася въ мїръ, вознесеся во славу* (1 Тим. 3, 16) и трактующая „о потребности воплощенія Сына Божїя насъ ради человѣкъ, и нашего ради спасенія“, во всѣхъ отношенїяхъ вполне достойна учителя вселенской, а не только что русской или московской Церкви ²⁾. Не даромъ одна эта проповѣдь послужила основаніемъ и предметомъ обширной рецензїи для одного знатока дѣла въ *журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенїя* (за 1835 г. т. 7). Вотъ что говоритъ о ней рецензентъ: „приступая къ отдѣльному разсмотрѣнїю замѣчательныхъ книгъ, вышедшихъ въ Россїи въ нынѣшнемъ году, начнемъ съ произведенія пера знаменитаго нашего проповѣдника. Глубокій въ созерцанїи предмета, ясный въ его изложенїи, онъ отличается еще особеннымъ даромъ въ немногихъ словахъ изображать многія мысли и находить выраженїя для всѣхъ ихъ оттѣнковъ. Въ небольшой книжечкѣ, которая лежитъ предъ нами ³⁾, заключается, такъ сказать, цѣлое разсужденїе о необходимости воплощенія Спасителя; въ ней разрѣшены всѣ главнѣйшіе вопросы сомнѣ-

¹⁾ Письма Ф. къ Мур. стр. 27.

²⁾ См. Соч. Фил. III, 337—346.

³⁾ Проповѣдь была напечатана и въ отдѣльныхъ оттискахъ; кромѣ того она напечатана въ *Христ. Читенїи* за 1835 г. и въ собранїяхъ 1844 и 1848 гг.

вающихся и доказана непреложная основательность вѣрующихъ. Совѣтуемъ каждому любителю истины прочесть это Слово со вниманіемъ; но какъ не всѣ изъ нашихъ читателей могутъ его имѣть, то считаемъ полезнымъ представить имъ оное въ извлеченіи“¹⁾. И далѣе дѣлаетъ такое извлеченіе; а въ концѣ рецензіи или лучше,—извлеченія, говоритъ: „мы сдѣлали много выписокъ, стараясь соблюсти всю между ими связь; знаемъ однакожь, что онѣ не замѣнятъ чтенія цѣлаго Слова, которое есть плодъ глубокихъ ума соображеній. У насъ еще не было трактатовъ о семъ важномъ предметѣ, написанныхъ столь удовлетворительно для самаго высвѣтительнаго мыслителя“²⁾. Такова одна изъ проповѣдей разсматриваемаго періода, написанная, повидимому, случайно и по стороннему побужденію. Правда, она-же и нѣсколько длиннѣе другихъ, и „говоритъ“ ее проповѣднику, по его собственнымъ словамъ, „случилось довольно долго“³⁾. Однако все-же это опять лишь одна изъ нѣсколькихъ сотъ другихъ!⁴⁾ .. А между тѣмъ и всѣ эти другія, каждая въ своемъ родѣ и въ извѣстной степени, заслуживали-бы и такой-же похвалы и столь-же обширнаго разсмотрѣнія, какъ проповѣдь на Благовѣщеніе 1835 года. Поэтому въ настоящее время, соотвѣтственно ближайшей цѣли настоящей части нашего изслѣдованія (исторической), мы обратимся къ исторіи собранія проповѣдей Филарета, оставляя исторію отдѣльныхъ проповѣдей до дальнѣйшихъ отдѣловъ этого изслѣдованія.

Уже къ 1834 году проповѣдей Филарета собралось такъ много, что потребовалось новое совокупное ихъ изданіе. Такое изданіе, при живомъ участіи высокопреосвященнѣйша-

¹⁾ Жур. м. и. пр. 1835, VІІ, 403.

²⁾ Тамъ-же, стр. 411.

³⁾ Письма Ф. къ Ант. I, 146.

⁴⁾ При томъ любопытно видѣть, какъ и одна эта, несомнѣнно знаменитая проповѣдь Филарета, составлялась имъ. Объ этомъ онъ самъ упоминаетъ вскользь въ одномъ изъ писемъ своихъ отъ 21 апр. 1835 года: „проповѣдь Благовѣщенская еще не отдается ни въ чьи руки, въ ожиданіи досуга пересмотрѣть писанное наскоро о предметѣ догматическомъ“. См. *Чтенія въ общ. люб. дух. просв.* 1876, III, 98. Послѣ того остается только глубоко удивляться Филарету, какъ проповѣднику!...

го Исидора, нынѣ митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, а въ то время викарія Филарета, въ редактированіи онаго совершенное, съ дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, и вышло изъ печати въ московской синодальной типографіи въ 1835 году подъ заглавіемъ: *Слова и рѣчи, во время управленія московскою паствою говоренныя, и житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго и всея Россіи чудотворца изъ достоверныхъ источниковъ почерпнутое, Синодальнымъ членомъ Филаретомъ митрополитомъ московскимъ*. Но это изданіе, занимавшее 519 страницъ въ печати отдѣльною книгою, какъ очевидно изъ самаго заглавія его, обнимало только проповѣди московскаго періода проповѣднической дѣятельности нашего святителя, который годъ отъ году болѣе и болѣе возвышался по степенямъ учительства для Церкви, какъ мы говорили, не только московской, но и россійской, не только россійской, но и вселенской, по мѣрѣ приближенія къ старости все болѣе и болѣе становился учителемъ не только для пастырей, но и для архипастырей—архіереевъ. Поэтому, и въ видахъ самаго усмотрѣнія степеней развитія и формъ раскрытія его проповѣдническаго таланта требовалось такое изданіе его проповѣдей, которое, обнимая собою слова и рѣчи всѣхъ періодовъ его проповѣднической дѣятельности, въ то же время представляло бы собою собраніе подлинно образцовъ проповѣдничества, поучительныхъ для всякаго, т. е. какъ для пасомыхъ всякаго состоянія, такъ и для самихъ пастырей Церкви всѣхъ степеней до архіерейской включительно. И такое изданіе вышло изъ печати въ 1844—1845 годахъ въ трехъ томахъ, будучи совершенно участіемъ многихъ лицъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого первосвятителя-проповѣдника. Мысль о такомъ изданіи возникла еще раньше извѣстныхъ событій 1842 года. Еще отъ 19 января 1842 года Филаретъ Гумилевскій, бывшій въ то время на чредѣ священнослуженія въ Петербургѣ, писалъ профессору московской духовной академіи А. В. Горскому слѣдующее: „Владыка готовитъ къ печати всѣ московскія ¹⁾

¹⁾ Въ этомъ названіи очевидно нѣкоторое недоразумѣніе, такъ какъ москов-

проповѣди. И на мою долю досталось читать дѣла великана. Просилъ измѣрять шаги великана? Смѣшное дѣло! Съ моими-ли шагами спѣшить по слѣдамъ его? Да, другъ мой! Какъ у него скоро ходять ноги! Всѣ проповѣди писаны за одинъ разъ, въ нѣсколько часовъ. Это видно по подлинникамъ. Погодинъ вызвался ему напечатать ихъ. И съ сего-то получилъ онъ мысль печатать. Но успѣть-ли выполнить? У него такія вучи дѣлъ, такія громады бумагъ! Боже упаси!“¹⁾ И подлинно дѣла и бумаги, всею своею массою, задавили, если можно такъ выразиться, эту благую мысль; а затѣмъ вскорѣ послѣдовали вышеописанныя печальныя событія того-же 1842 года, при коихъ было уже не до занятія тою-же мыслию. Такимъ образомъ дѣло изданія отложилось до болѣе благопріятнаго времени. Этимъ-то объясняется то, что тотъ-же Филаретъ Гумилевскій, уже въ бытность свою епископомъ рижскимъ, отъ 12 ноябра 1842 года писалъ тому-же А. В. Горскому: „слышно-ли, что Владыка нашъ рѣшился издать свои проповѣди, или опять онъ отложилъ до времени свое благое намѣреніе?“²⁾ Дѣйствительно, только уже въ 1843 году, когда проповѣди другаго знаменитаго въ своемъ родѣ проповѣдника того времени Иннокентія (Борисова) архіепископа харьковскаго (въ то время) уже издавались въ Москвѣ, и владыка московскій рѣшился окончательно издать свои проповѣди, давъ сперва словесное приказаніе члену московскаго духовно-цензурнаго комитета, извѣстному профессору московской духовной академіи, протоіерю П. С. Делицыну привести ихъ въ хронологическій и предметный порядокъ³⁾. Однимъ изъ побудителей Филарета въ такому рѣшенію былъ А. Н. Муравьевъ⁴⁾. Издержки изданія добровольно, по любви и глубокому почтенію къ святителю московскому, принялъ

скія проповѣди Филарета собраны и изданы были, какъ мы знаемъ, незадолго предъ тѣмъ, въ 1835 году. Недоразумѣніе это, по сему, должно быть объясняемо въ пользу нашей мысли о болѣе широкихъ задачахъ и началахъ изданія.

¹⁾ *Приб. къ Твор.* 1883, XXXI, 233—234.

²⁾ *Приб. къ Твор.* 1884, XXXIII, 571.

³⁾ См. Дѣла архива моск. дух. ценз. комит. за 1843 г. № 105.

⁴⁾ *Письма Фил. къ Мур.* стр. 133.

на себя московскій купецъ А. И. Лобковъ ¹⁾). Въ началѣ 1844 года и приступлено было къ изданію, столь всѣми желанному ²⁾). Дѣло изданія началось такимъ образомъ частнымъ путемъ, а не чрезъ Св. Синодъ, какъ сдѣлалось прежде. Между тѣмъ тогда-то лишь спохватилась и контора московской синодальной типографіи, пославъ въ Синодъ бумагу о своемъ предположеніи издать вновь проповѣди святителя московскаго въ 1200 экземплярахъ. Св. Синодъ, указомъ отъ 9 декабря 1843 года, увѣдомилъ святителя о такомъ предположеніи конторы и требовалъ какъ его согласія на это предположеніе, такъ и указанія условій, на какихъ онъ былъ бы согласенъ на него. На этомъ указѣ святитель Филаретъ уже 15 іюля 1844 года далъ такую резолюцію: „донести Св. Синоду, что прежде не было мною предлагаемо Св. Синоду никакихъ условій при изданіи, а по благоволенію Св. Синода назначаемо было мнѣ отъ изданія по нѣкоторому числу экземпляровъ. Такъ поступилъ-бы я и нынѣ; но не властенъ сдѣлать сіе потому, что до полученія сего указа нѣкоторые изъ слушателей моихъ словъ неоднократно настояніями убѣдили меня предоставить имъ сдѣлать изданіе оныхъ на ихъ счетъ, и сего изданія значительная часть уже напечатана. Справедливость требуетъ оставить сіе изданіе внѣ состязанія съ другимъ современнымъ, дабы благорасположенные издатели не имѣли затрудненія въ возвращеніи своихъ издержекъ“ ³⁾). При наблюденіи за изданіемъ Филаретъ относился къ своимъ проповѣдямъ съ беспощадною строгостію. „У меня,—писалъ онъ отъ 30 марта 1844 года другу своему архіепископу тверскому Григорію (Постникову),—выпросили мои проповѣди напечатать въ совокупности. Хотѣлось браковать ихъ сильнѣе, а не всѣ печатать: но здѣшніе сотрудники мои были ко мнѣ очень снисходительны. Нѣкоторыя уничтожилъ я противъ ихъ снисходительнаго мнѣнія: но всѣхъ просмотрѣть хорошо не удалось. Не знаю,

¹⁾ Сушкова, *Зап. о жизни и врем. Фил.* стр. 99.

²⁾ См. о семъ *Письма Ф. къ Амт.* II, 126; *Письма Ф. къ А. Н. Мур.* стр. 133 и др.

³⁾ *Душеп. Читен.*, 1879, II, 246—247.

что будетъ. Изъ первой книги, напечатанной, когда я былъ еще на вашей кафедрѣ, откинулъ я около половины“ ¹⁾. И затѣмъ цѣль такой строгости самъ-же онъ въ письмѣ къ тому-же лицу отъ 23 апрѣля 1845 года, когда изданіе вышло изъ печати все уже, указываетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Не раскаяваюсь, что согласился на изданіе, по крайней мѣрѣ потому, что теперь сіе сдѣлано съ нѣкоторымъ разборомъ, вмѣсто того, что послѣ меня могло случиться изданіе безъ разбора“ ²⁾. Но не довѣря одному себѣ, Филаретъ поручалъ разсмотрѣніе своихъ рукописныхъ и уже напечатанныхъ раньше проповѣдей другимъ, въ томъ или иномъ отношеніи, по его крайнему мнѣнію и убѣжденію, компетентнымъ въ своихъ сужденіяхъ лицамъ, убѣдительно прося ихъ быть также какъ можно болѣе строгими въ дѣлѣ разсмотрѣнія оныхъ. Онъ руководился при этомъ, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, какое высказалъ гораздо позже въ письмѣ къ Евгенію (Казанцеву), архіепископу ярославскому отъ 3 января 1851 года по поводу изданія словъ сего послѣдняго: „видѣлъ я рукопись вашихъ словъ, одобренную цензурою, и ея предложеніе перемѣнить нѣкоторыя выраженія: и пожалѣлъ, что за словами остановили вы дѣло. Удивительноли, что мы, пиша проповѣди обыкновенно на-скоро, при развлеченіи другими дѣлами, употребимъ иногда выраженіе не точное, подающее случай къ иной мысли, мимо той, которую мы имѣли въ виду? Я въ такихъ случаяхъ охотно перемѣняю выраженія, сомнительныя для цензоровъ, и слѣдственно, вѣроятно, и для другихъ читателей, и ставлю другія болѣе точныя, или болѣе ясныя, не допускающія уклоненія въ иную мысль“ ³⁾. Сотрудниками Филарета въ изданіи его проповѣдей были: тогдашній ректоръ московской духовной академіи, архимандритъ Евсеій (Орлинскій) ⁴⁾, профессора протоіерей П. С. Делицынъ и Ѳ. А. Голубинскій и нѣкто-

¹⁾ Чтен. въ общ. л. дух. просв. 1877, III, 134.

²⁾ Тамъ-же, стр. 141.

³⁾ Тотъ-же журналъ за 1872 г. XI—XII, 250 „Матеріаловъ для Ист. русск. Церкви“.

⁴⁾ Скончавшійся въ санѣ архіепископа могилевскаго въ 1883 году.

рые другіе. Цензоровалъ-же изданіе ректоръ виеанской семинаріи, архимандритъ Филоеи¹⁾. Въ видахъ частнѣйшей характеристики дѣла сотрудничества ихъ въ этомъ важномъ предпріятіи мы укажемъ нѣкоторыя подробности его. Вотъ на примѣръ слова письма Филарета къ Евсеію отъ 10 апрѣля 1844 года: „благодарю, отецъ ректоръ, за разсмотрѣніе проповѣди. Ту, въ которой оказались сомнительныя выраженія, не отдаю въ Москвѣ по вашему указанію, а посылаю къ вамъ, чтобы цензоры видѣли, удовлетворительны ли исправленія. Когда дѣло шло о замѣнѣ неточнаго выраженія точнымъ: вы хорошо-бы сдѣлали, если-бы, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ, предложили проектъ выраженія, какое находите лучшимъ. Я лучше повялъ-бы силу замѣчанія, и дѣло кончилось-бы скорѣе, когда-бы я принялъ вашъ проектъ. Теперь мой проектъ надобно посылать къ вамъ: потому что я не хочу, чтобы подписью цензоровъ покрыто было слово, послѣ сомнѣнія имъ неизвѣстное. Говорю сіе для могущихъ встрѣтиться подобныхъ случаевъ“²⁾. Затѣмъ о Ѳ. А. Голубинскомъ по преданію сообщается, что „читая проповѣди Филарета какъ цензоръ, онъ дѣлалъ нерѣдко поправки, и тотъ всегда уступалъ. Извѣстна, на примѣръ, Филаретова проповѣдь на великій пятокъ, которая въ свое время произвела столько шума и приводится какъ образецъ духовнаго краснорѣчія въ учебныхъ хрестоматіяхъ и до нынѣ: „Чего теперь ожидаете вы отъ служителей слова? Нѣтъ болѣе слова. Слово, собезначальное Отцу и Духу, начало всякаго слова живаго и дѣйственаго, умолкло, скончалось, погребено и запечатано“. Голубинскій настаивалъ, чтобы эта проповѣдь совсѣмъ была исключена изъ собранія его словъ и рѣчей, какъ недостойная истины, такъ какъ въ ней игрѣ риторическаго тождесловія приносится въ жертву смѣшеніе высокихъ христіанскихъ понятій. Митрополитъ, говорятъ, уступалъ и этому требованію и если не уступилъ окончательно, то потому только,

¹⁾ Скончавшійся въ санѣ митрополита кіевскаго въ началѣ 1882 года.

²⁾ *Чтенія въ общ. люб. дух. просв.* 1882, III, 279 „Матеріаловъ для истор. рус. Церкви“.

что опасался смущенія умовъ, такъ какъ проповѣдь получила громкую извѣстность и пользовалась широкимъ общественнымъ вниманіемъ“¹⁾. Но кромѣ людей богословски-ученыхъ, просматривалъ проповѣди Филарета, по особому довѣрію послѣдняго, и провѣрялъ ихъ именно со стороны духовной намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній. Такъ наприимѣръ, посылая къ нему, при письмѣ отъ 31 марта 1844 года, двѣ изъ проповѣдей своихъ, святитель Филаретъ пишетъ ему о нихъ: „прочитайте вы, и всѣ, и скажите мнѣ, надобно-ли ту и другую отдать въ составъ предполагаемаго и начинающагося на сихъ дняхъ изданія, или лучше не отдавать“²⁾. Все изданіе, совершенное съ такимъ разборомъ и осторожностію, вышло изъ печати въ трехъ частяхъ въ началѣ слѣдующаго 1845 года³⁾, подъ заглавіемъ: *Слова и рѣчи синодальнаго члена Филарета, митрополита московскаго*. Ч. I и II. Москва, 1844; Ч. III. Москва, 1845 года. Еще въ теченіи времени печатанія этого капитальнаго въ своемъ родѣ изданія Филарету, чрезъ о. намѣстника лавры, подана была мысль о составленіи указателя къ этому изданію. Филаретъ по этому поводу въ письмѣ къ намѣстнику отъ 23 ноября 1844 года говорилъ слѣдующее: „за сообщеніе мнѣ мысли о указателѣ на проповѣди, какъ и за все, что говорите мнѣ откровенно, благодарю. Чтобы находить въ нихъ чего захотятъ искать, поможетъ частію данное имъ раздѣленіе, частію оглавленіе, въ которомъ содержаніе многихъ означено⁴⁾. Можетъ быть не излишне было-бы указаніе нѣкоторыхъ особыхъ предметовъ или изъясненій нѣкоторыхъ изреченій Свя-

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1873, I, 0852—0353. Статья Е. В. Барсова.

²⁾ *Письма Ф. къ Ант.* II, 126; срав. также 159—160 и др. м.

³⁾ См. *Письма Ф. къ Мурав.* стр. 155.

⁴⁾ Часть I-я обнимаетъ собою 1) Слова на праздники Господни; 2) Слова на воскресные дни и 3) Слова на Богородичные праздники. Ч. II-я: 4) Слова на дни святыхъ; 5) Слова при освященіи храмовъ и 6) Слова во время губительной болѣзни. Ч. III-я: 7) Слова на царскіе дни; 8) Слова на разные случаи; 9) Слова надгробныя; 10) Бесѣды о разныхъ изреченіяхъ Св. Писанія, и о разныхъ предметахъ ученія христіанскаго; 11) Рѣчи. При каждомъ томѣ въ концѣ находится подробное оглавленіе его, нерѣдко съ указаніемъ темы проповѣди той или другой.

щеннаго Писанія; но указатель сего рода дѣлать теперь некогда и не кому, и нельзя знать, заслужить-ли книга такое употребленіе, чтобы стоило труда составлять указатель“¹⁾. Хотя, конечно, изданіе вполне стоило того, чтобы приложенъ былъ этотъ трудъ, однако смиренный святитель даже по выходѣ его изъ печати, отъ 23 марта 1845 года, ректору академіи Евсевию писалъ: „не знаю, что сказать вамъ, отецъ ректоръ, на предложеніе ваше о составленіи указателя для моихъ словъ. Будетъ ли употребленіе ихъ таково, чтобы трудъ сей не былъ бесполезенъ? И если бы случилось, что онъ не будетъ излишенъ: то не желалъ бы я однако отягощать кого нибудь порученіемъ произвести оный. Иное дѣло, если бы кто на досугѣ занялся симъ по своему произволу. Если не будетъ сего: не будетъ то большая потеря“²⁾. И конечно, не смотря на столь смиренный, скромный взглядъ святителя на дѣлу своихъ проповѣдей, указатель былъ составленъ при московской духовной академіи бакалавромъ (послѣ ректоромъ, протоіереемъ) С. К. Смирновымъ и вышелъ изъ печати въ Москвѣ въ 1847 году подъ заглавіемъ: *Указатель мѣстъ св. Писанія и предметовъ, объясняемыхъ въ словахъ и рѣчахъ высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго. Составленъ при московской духовной академіи, по изданію въ трехъ томахъ. Москва, 1844—1845 года. Москва, 1847*³⁾. Затѣмъ, не смотря на тотъ же скромный взглядъ святителя—проповѣдника на свои проповѣди, изданіе сихъ послѣднихъ и предъ выходомъ изъ печати ожидалось съ нетерпѣніемъ и по выходѣ принято было восторженно многими. Такъ еще отъ 17 октября 1844 года Филаретъ Гумилевскій, епископъ рижскій, писалъ А. В. Горскому: „Правда ли, что Владыка рѣшился издать слова свои? Москвитянинъ возбудилъ ожиданія, и меня спрашиваютъ даже нѣмцы. Они глубоко уважаютъ его. А русскіе? Бросаютъ въ него грязью. Будетъ время, когда сильно будутъ каяться, но—безъ пользы для Церк-

¹⁾ Письма Ф. къ Ант. II, 177.

²⁾ Чтенія въ общ. люб. дух. прав. 1882, III, 287—288 „Матеріаловъ для исторіи русской Церкви.

³⁾ Это отдѣльная брошюра въ 54 стран.

ви“¹⁾. Подъ русскими Филаретъ рижскій здѣсь разумѣлъ, конечно, ближе всего партію графа Протасова, въ то время все еще продолжавшаго свое безосновательное неудовольствие на Филарета московскаго. Но истинные русскіе смотрѣли на послѣдняго далеко не такъ; а потому и изданіе его проповѣдей приняли съ восторгомъ и благоговѣніемъ, о чемъ свидѣлствуютъ многіе лестные о немъ отзывы лицъ разныхъ взглядовъ и положеній въ свѣтѣ не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, относящіеся къ 1845 и 1846 годамъ. Изъ нихъ отзывъ профессора московскаго университета Шевырева²⁾ мы еще приведемъ въ своемъ мѣстѣ. А теперь приведемъ лишь два отзыва, — одинъ со стороны духовнаго, а другой со стороны свѣтскаго лица. Преосвященный Евгеній (Казапцевъ), архіепископъ ярославскій, получивъ отъ самого митрополита Филарета въ даръ только что изданное собраніе словъ и рѣчей его, писалъ родственнику своему, — московскому священнику слѣдующее: „я положилъ читать по слову каждый день и сосчиталъ, что прочту въ полгода. Авторъ, при присылкѣ, пишетъ объ этомъ изданіи съ такимъ глубокимъ смиреніемъ, что и вообразить не можно. О, какъ высоко онъ совершенствуется въ духовной жизни!... Правда, что это изданіе важный подарокъ не московской только, но всероссійской Церкви, и не только современной, но и грядущей. Это пища, а не цвѣтки, жизнь, а не музыка... Вѣчная благодарность тому, кто издалъ ихъ. Онѣ будутъ несомнѣнно бессмертны, какъ творенія св. Григорія Богослова, къ коему онъ весьма приблизился. Какъ досадно, что никто не переводитъ ихъ на другіе языки³⁾! Европа увидѣла бы, что Россія имѣетъ богослововъ. О Иннокентіи⁴⁾ я всегда былъ тѣхъ мыслей, что онъ не выдержитъ славы Филарета. Конечно и онъ даровитъ, но этотъ геній“⁵⁾. А вотъ что писалъ

¹⁾ *Приб. къ Твор.* 1884, XXXIII, 643—644.

²⁾ Этотъ отзывъ напечатанъ въ *Москвитянинъ* (издав. М. П. Погодинымъ) за 1846 г. ч. I, стр. 181—224.

³⁾ О переводѣ проповѣдей Филарета на другіе языки у насъ еще будетъ рѣчь.

⁴⁾ Борясовъ, тогдашнемъ архіепископѣ харьковскомъ.

⁵⁾ *Душев. Чтеніе* 1869, I, 30 Изв. и Зам.

отъ 17 апрѣля 1845 года изъ Москвы князь М. А. Оболенскій къ В. А. Полѣнову: „вотъ пріятная новость къ празднику для всѣхъ москвичей: это новое изданіе назидательныхъ словъ и рѣчей нашего архипастыря, преосвященнѣйшаго митрополита Филарета, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ и большею частію выходившихъ отдѣльными книжками. Кто изъ насъ не слыхалъ его проповѣди и кто не увлекался его назидательными бесѣдами! Нѣтъ сомнѣнія, что и самая словесность сдѣлала въ нихъ значительное приобрѣтеніе“ ¹⁾. Не скрываются были, конечно, и нѣкоторыя несовершенства изданія, и болѣе всего сознавалъ ихъ опять самъ Филаретъ, который потому смиренно писалъ отъ 9 мая 1846 года къ рязанскому архіепископу Гавріилу (Городкову) слѣдующее: „что въ моихъ словахъ и рѣчахъ находятъ несовершенства, противъ того не имѣю ни малѣйшаго спора. И есть-ли въ нихъ внутренній недостатокъ овруженъ типографской каймою: то внутренній недостатокъ принадлежитъ мнѣ, но кайма отнюдь не мнѣ, а издателямъ, которымъ послѣ настоятельной прозбы отдалъ я рукопись безъ всякихъ условій, и хотъ потомъ, увидѣвъ образецъ изданія, говорилъ, что роскошное изданіе не обогатитъ содержанія книги, но они поставили на своемъ“ ²⁾. По смиренію же Филаретъ называлъ свои проповѣди „празднословіемъ“ ³⁾. По выходѣ изданія въ свѣтъ святитель московскій счелъ своимъ долгомъ раздать и разослать даровые экземпляры его какъ трудившимся въ изданіи, такъ и друзьямъ и почитателямъ, знакомымъ своимъ и т. д. ⁴⁾ Послалъ онъ экземпляръ изданія и въ академію наукъ, членомъ которой состоялъ, при письмѣ на имя пре-

¹⁾ *Русск. Архивъ* 1882, I, 281.

²⁾ *Письма Ф. къ Гавріилу*, стр. 72. Изд. Общ. исторіи и древн. Москва, 1868.

³⁾ См. напр. *Письма Ф. къ Мур.* стр. 133. 155; *Чт. въ об. люб. д. просв.* 1877, III, 140; *Душен. Чт.* 1883, I, 174 и др.

⁴⁾ Такъ именно послалъ онъ по экземпляру ректору моск. д. академіи и членамъ цензурнаго комитета (*Чт. въ об. л. д. пр.* 1882, III, 287), намѣстнику лавры и въ самую лавру (*П. Ф. къ Ант.* II, 193—194), Григорію архіеписк. Тверскому (*Чт. въ об. л. д. пр.* 1877, III, 140), А. Н. Муравьеву (*П. Ф. къ Мур.* 155) и др. между прочимъ и Иннокентію Борисову (*Хр. Чт.* 1884, I, 210), раньше приславшему ему экземпляръ своихъ проповѣдей.

видента ея графа С. С. Уварова ¹⁾. Но нѣкоторое время не рѣшался онъ и медлилъ посылать это изданіе высочайшимъ особамъ, такъ какъ въ это время еще продолжалось, хотя уже и сглаживалось мало по-малу, охлажденіе между нимъ и близкимъ ко двору графомъ Протасовымъ. „Когда напечатаны были мои слова и рѣчи,—писалъ отъ 14 и 15 іюня 1845 года самъ святитель Филаретъ одной придворной особѣ,—я колебался между нежеланіемъ занимать вниманіе Государя Императора и Государыни Императрицы моимъ ничтожнымъ дѣломъ, и между противоположнымъ движеніемъ вѣрноподданнической признательности“ ²⁾. Однако потомъ рѣшился и 17 апрѣля 1845 года послалъ экземпляръ Государю Императору чрезъ графа Протасова при письмѣ на имя послѣдняго и другой экземпляръ Государынѣ Императрицѣ чрезъ извѣстнаго московскаго вельможу князя С. М. Голицына. Но съ этою посылкою случилось несчастіе. Дорогой съ почтою, везшею книги Филарета, случился пожаръ, истребившій и эти книги, а почтдиректоръ только уже чрезъ два почти мѣсяца признался въ этомъ князю С. М. Голицыну и тогда уже посланы были новые экземпляры какъ Государю Императору съ Государынею Императрицею, такъ и другимъ высочайшимъ особамъ, вслѣдствіе изъявленнаго ими желанія имѣть слова и рѣчи Филарета ³⁾. При этомъ особеннаго вниманія заслуживаетъ письмо Филарета на имя графа Протасова, при коемъ препровождалось изданіе словъ и рѣчей для Государя Императора. „Сіятельнаѣйшій графъ, милостивый государь! писалъ Филаретъ отъ 17 апрѣля—17 іюня 1845 года ⁴⁾,—нѣкоторые любители церковнаго слова, настоятельными убѣжденіями истребовавъ мое согласіе, издали значительное число изъ говоренныхъ мною въ разныя

¹⁾ *Чт. въ об. ист. и древн.* 1880, II, 30 отд. Смѣст.

²⁾ *Чт. въ об. л. дух. просв.* 1883, III, 42—43 „Матер. для ист. р. Цер.“

³⁾ См. *Чт. въ общ. люб. дух. пр.* 1883, III, 42—44, 47; *Письма Ф. къ кн. С. М. Голицыну* стр. 48—49. Москва, 1884; *Письма Ф. къ Ант.* II, 206; *Письма Ф. къ Мур.* стр. 166..

⁴⁾ Два срока одного и того-же письма и зависѣли отъ упомянутаго выше пожара, случившагося съ почтою.

времена словъ и рѣчей, въ трехъ томахъ. Глубоко сознаю себя обязаннымъ Высокомонаршей милости и снисхожденію тѣмъ, что слабыя мои въ семь родѣ усилія не совсѣмъ остались безъ дѣйствія, и что мнѣ даровано иногда и о высокихъ царскихъ дѣяніяхъ Благочестивѣйшаго Государя Императора предъ Церковію бесѣдовать, и къ священному лицу Помазанника Божія возносить смиренный гласъ, для выраженія общихъ вѣрноподданическихъ чувствованій. Все сіе влагаетъ въ меня дерзновеніе желать, чтобы, во свидѣтельство глубочайшаго вѣрноподданическаго моего благоговѣнія, экземпляръ означенной книги принесенъ былъ къ подножію престола и удостоенъ былъ взора Его Императорскаго Величества. Въ упованіи на снисхожденіе Всемиловитѣйшаго Государя, рѣшаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство донести о семъ Его Величеству и, съ моими скудными словами, но съ полнымъ вѣрноподданическими чувствованіями сердцемъ, къ стопамъ Его Величества меня повергнуть“. На всеподданнѣйшемъ докладѣ, при коемъ были представлены слова и рѣчи Филарета, Государь Императоръ, въ 30-й день іюня того же года собственноручно написать изволилъ: „благодарить“ ¹⁾. Кромѣ того какъ Государь Императоръ и Государыня Императрица, такъ и другія особы царской фамиліи, которымъ Филаретъ посылалъ свои слова и рѣчи, благоволили, въ знакъ своего признательнаго къ нему вниманія, прислать ему свои портреты ²⁾.

Между тѣмъ не прошло и двухъ лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ разсмотрѣннаго изданія словъ и рѣчей Филарета, какъ уже потребовалось новое ихъ изданіе. Это изданіе опять принялъ на свое иждивеніе А. И. Лобковъ. „Предложите, отецъ ректоръ, — писалъ святитель московскій отъ 29 апрѣля 1847 года ректору московской духовной академіи архимандриту Алексію, — цензурному комитету препровождаемый при семъ первый томъ моихъ словъ и рѣчей, для втораго изданія, съ дополненіемъ. Здѣсь все уже цензуро-

¹⁾ *Собр. мн. и отв. Филар.* т. доп. стр. 150—151.

²⁾ *Ист. въ об. л. дух. просв.* 1883, III, 46—47.

важное: слѣдственно затрудненія не предвидится. Издатель желаетъ поскорѣе имѣть разрѣшеніе, чтобы приступить къ дѣлу. Впрочемъ прошу, требующее исправленія исправить, или указать для исправленія. Не надобно-ли иное слово совсѣмъ исключить? Есть-ли представится сія мысль: скажите мнѣ. Лучше не многимъ занять читателя, нежели многимъ наслушать ему. Слѣдующіе томы доставятся въ слѣдъ за симъ: и для нихъ менѣе нужна будетъ поспѣшность“¹⁾). Изданіе ведено было съ прежнею тщательностію. „Мнѣ кажется, отецъ ректоръ,—писалъ на примѣръ Филаретъ къ тому-же лицу отъ 12 сентября 1847 года по поводу одного изъ случаевъ выраженія сомнѣнія со стороны цензоровъ,—въ словахъ: *сіе есть Тѣло Мое, за вы ломимое, страждущее, умирающее, сія есть Кровь Моя, за вы изливаемая*, сказанныхъ на всѣ времена, *дондеже придетъ* Господь, заключается мысль о всегдашнемъ продолженіи и возобновленіи одной и той-же жертвы, такъ какъ и Тѣло Христово есть только одно. По уважаю сомнѣніе цензоровъ, и благодарю ихъ за осторожное дѣйствованіе, чтобы не было пропущено сомнительное. Предлагаю измѣненія выраженій. Есть-ли будутъ не по мысли цензоровъ: пусть они предложатъ свои“²⁾). Только одинъ случай, нѣсколько преувеличенно передавннй Филарету ректоромъ, встревожилъ перваго въ этомъ отношеніи. „Вы удивляете меня, отецъ ректоръ,—писалъ въ виду сего къ нему отъ 7 февраля 1848 года Филаретъ,—сказывая, что въ изданіи словъ и рѣчей есть вредныя опибки, и что данъ билетъ на выпускъ книги, безъ требованія перепечатанія листовъ.—Въ такомъ случаѣ мнѣ надобно будетъ судиться съ цензорами. Есть-ли я просилъ поспѣшить дѣломъ: то неужели съ тѣмъ, чтобы для поспѣшности пропущено было вредное? Прошу сказать отцамъ цензорамъ, что ихъ долгъ охранять изданія отъ вреднаго, и отвѣтствовать за неисполненіе сего. Мнѣ нѣтъ времени быть ни издателемъ, ни цензоромъ, ни корректоромъ: они, думаю, нашли-бы время, по

¹⁾ Письма Фил. къ Алексію архіеписк. твер. стр. 4. Москва, 1883.

²⁾ Тамъ-же, стр. 10.

знакомству, попейсись о моихъ книгахъ, когда имѣютъ много времени для нелѣпостей Пальмова, которыми безъ пользы затрудняютъ себя и начальство. Посмотрѣть вредныя мѣста изданія теперь совершенно не имѣю времени, и отвѣчаю на то, что вижу въ вашемъ письмѣ. Прошу не гнѣваться на меня“ ¹⁾. Однако потомъ святитель нашель-таки время просмотрѣть казавшіяся вреднымъ мѣста изданія, и послѣ того отъ 20 февраля писалъ уже въ болѣе успокоительномъ тонѣ слѣдующее: „есть-ли вы, отецъ ректоръ, и отцы цензоры гнѣваетесь на меня: то прошу прощенія. Услышавъ отъ васъ о погрѣшностяхъ *не безвредныхъ*, я полагалъ, что чрезъ опечатки произошли ложныя и вредныя мысли, которыми читающій возмутится. А всякій-ли всегда догадается заглянуть на конецъ книги въ листъ опечатокъ? Въ такомъ случаѣ надобно было-бы не выдавать билета, не потребовавъ перепечатанія листа, или осмушки. Посмотрѣвъ опечатки, нашель я, что въ одномъ мѣстѣ сдѣланный пропускъ даетъ рѣчи очень безтолковое значеніе, прочія неисправности не ведутъ къ худымъ толкамъ“ ²⁾. Въ видахъ устраненія этихъ опечатокъ въ немаловажномъ изданіи, и дѣйствительно „оказалась нужда перепечатать двѣ осмушки“ ³⁾, послѣ чего изданіе и вышло изъ печати въ 1848 году въ двухъ томахъ, какъ второе, дополненное изданіе словъ и рѣчей святителя московскаго ⁴⁾. Въ академіи хотѣли было и къ этому изданію составить указатель; но владыка писалъ ректору академіи: „О указателѣ не надобно заботиться, и затруднять издателя неудобно мнѣ, потому что онъ ни чѣмъ не обязанъ дѣлу“ ⁵⁾; и такимъ образомъ мысль объ указателѣ была оставлена. Между тѣмъ это изданіе, кромѣ того, что имѣло ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ упомянутое раньше на-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 26.

²⁾ Тамъ-же, стр. 27.

³⁾ См. дневникъ А. В. Горскаго въ *Приб. къ Твор.* 1884, XXXIV, 314; рав. 318.

⁴⁾ 3-й томъ къ этому изданію вышелъ уже въ 1861 г., о чемъ рѣчь у насъ еще будетъ въ свое время.

⁵⁾ *Письма Ф. къ Алексію*, стр. 27; срав. *Приб. къ Твор.* 1884, XXXIV, 310—311.

гражденіе Филарета высшимъ орденомъ отъ всемилостивѣйшаго Монарха въ 1849 г. какъ-бы совершенно изгладивъ такимъ образомъ непріятныя впечатлѣнія 1842 г., въ 1852 г. официально сдѣлано было обязательнымъ къ пріобрѣтенію въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній Россійской имперіи, при томъ безъ всякаго воздѣйствія на то со стороны самого Филарета ¹⁾. Такъ собраніе проповѣдей Филарета сдѣлалось учебною книгою проповѣдничества на Руси.

Но и не одна Русь должна была узнать своего витію знаменитаго; его должна была узнать и Европа, хвалившаяся своими Массильонами, Боссюэтами и т. д. То, о чемъ беспокоился и чего желалъ въ 1845 г. архіепископъ ярославскій Евгеній (Казанцевъ), совершилось какъ-бы естественно и само собою. Разумѣемъ переводъ проповѣдей Филарета на иностранныя языки. Еще въ 1816 году, какъ намъ извѣстно, А. С. Стурдза перевелъ нѣсколько проповѣдей Филарета на французскій языкъ. За тѣмъ и помимо сего было уже нѣсколько переводовъ отдѣльныхъ проповѣдей Филарета на тотъ же языкъ, какъ наиболѣе распространенный въ образованномъ мірѣ. Такъ намъ извѣстно изъ дѣлъ архива московскаго духовно-цензурнаго комитета нѣсколько случаевъ заботъ по сему дѣлу, предпринятыхъ однимъ изъ почитателей Филарета и отчасти сотрудникомъ его по тюремному комитету, хотя и римскимъ католикомъ по вѣроисповѣданію, Ѳ. П. Гаазомъ ²⁾. Переводчицею отдѣльныхъ проповѣдей Филарета была между прочимъ одна изъ почитательницъ его вдова генерала А. Б. Нейгардтъ и др. ³⁾. Но все это не могло производить особаго, цѣльнаго впечатлѣнія на иностранцевъ по самой отдѣльности переведеннаго. Когда-же въ 1844—1845 годахъ вышло изъ печати извѣстное намъ собраніе словъ и рѣчей святителя московскаго, тогда еще болѣе стала ощущаться необходимость восполнить пробѣлъ,

¹⁾ См. *Письма Ф. къ Алексію*, стр. 96; см. *Приб. къ Твор.* 1885, XXXVI, 433.

²⁾ См. № 26 дѣлъ архива моск. дух.—ценз. комитета за 1845 г. (начало дѣла относится еще къ 1843 году). Срав. № 28 дѣлъ того-же архива за 1846 г. и др.

³⁾ См. Сушкова, *Зап. о ж. и вр. Фил.* стр. 159. Срав. *Учен. въ общ. люб. д. просв.* 1874, IV, 22 „Матеріаловъ для ист. р. Церкви“.

существовавшей доселѣ. Упомянутый сейчасъ Стурдза въ 1846 году перевелъ на французскій языкъ и издалъ въ Парижѣ „Первую седмицу“ великаго поста—рядъ проповѣдей извѣстнаго русскаго вити — Иннокентія (Борисова), архіепископа харьковскаго. Отзвы иностранной печати объ этихъ проповѣдяхъ были блестящи. Тогда Иннокентій самъ посоветовалъ „Стурдзѣ,—какъ самъ-же и пишетъ отъ 30 октября 1846 года въ письмѣ къ архіепископу рязанскому Гавріилу (Городкову)—сдѣлать подобный переводъ съ проповѣдей преосвященнаго Филарета, и онъ далъ обѣщаніе“ ¹⁾. Обѣщаніе было исполнено, и въ слѣдующемъ (1847 году) появился сдѣланный Стурдзою французскій переводъ „избранныхъ словъ и рѣчей“ Филарета ²⁾. Переводъ этотъ повторенъ былъ изданіемъ въ 1849 году въ Парижѣ. Были переводы отдѣльныхъ проповѣдей Филарета и на нѣмецкій языкъ, сдѣланные по большей части въ Петербургѣ и появившіеся въ 1850 г. подъ №№ 3, 5 и 6-мъ сборника подъ заглавіемъ: „Beiträge zur näheren Kenntniss der Glaubenslehre der Orthodox-katholischen Kirche in Uebersetzungen und Auszügen vorzüglich aus russischen und slawischen Schriften“ ³⁾. Появлялись и болѣе или менѣе лестные отзвы иностранной печати о проповѣдяхъ святителя московскаго ⁴⁾.

Такъ „упованіе не посримило“ того, который и въ санѣ святителя и среди „мятежа дѣлъ“ жительствовавъ какъ истинный пустынножитель, какъ истинный рабъ Божій, всегда и всюду шедшій „съ послушаніемъ куда Господь велъ“. За такое послушаніе не лишаемый Божественнаго „руководства“ въ общемъ ходѣ своей жизнедѣтельности, не лишаемый „покрова“ въ скорбныхъ обстоятельствахъ своей жизни; онъ не лишенъ былъ и „утѣшенія“ видѣть благіе плоды и общее одобреніе своей дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ послѣдніе годы царствованія Николая Павловича

¹⁾ Чтен. въ общ. ист. и древн. 1869, I, 125—126.

²⁾ Сушкова, указ. соч. стр. 123.

³⁾ См. Систем. катал. кн. библиот. моск. дух. акад., составл. И. Корсунскимъ №№ 7366—7369 т. II (вып. 4). Москва, 1887.

⁴⁾ Сушкова, ук. соч. стр. 123 и дал.

святитель Филаретъ пользовался полнымъ, гораздо большимъ въ сравненіи съ прежнимъ, довѣріемъ и одобреніемъ со стороны какъ самого Государя, такъ и представителей высшей власти въ государствѣ, пользовался высокимъ и годъ отъ году все бѣльшимъ и бѣльшимъ уваженіемъ и любовью среди всѣхъ не только въ паствѣ московской, но и въ Россіи знавшихъ его или только слышавшихъ о немъ или-же имѣвшихъ тѣ или другія къ нему отношенія. Имя его гремѣло не только во всей Россіи, но и далеко за предѣлами ея.

И. Норсунскій.

(Продолженіе будетъ).

Сужденія о. Владиміра Геттэ

о новѣйшей дѣятельности г. В. Соловьева въ пользу единенія
Церкви восточной съ западною.

Газеты уже пзвѣстили насъ, что г. В. Соловьевъ, этотъ горячій проповѣдникъ единенія Церкви восточной съ западною на основахъ измышленныхъ имъ теософическихъ началъ, перенесъ свою проповѣдническую дѣятельность изъ Россіи во Францію. Читатели нашего журнала знаютъ также, что г. Соловьевъ предлагаетъ намъ церковное единеніе не во имя первоначальнаго, вселенскаго пониманія христіанства, а во имя послѣднихъ и даже, можно сказать, будущихъ толкованій христіанскаго ученія ненюгрѣшимымъ папою; и, слѣдовательно, во имя всеобщаго отрѣченія отъ вселенскаго пониманія христіанства. Само собою разумѣется, что это отрѣченіе ближайшимъ образомъ касается Церкви восточной и въ частности, русской; такъ какъ исключительно онѣ поставляютъ славу свою въ безусловной вѣрности вселенскому преданію и вселенскому пониманію христіанства. Эти же характеристическія черты проповѣдь г. Соловьева сохраняетъ и во Франціи. Въ № 271 „Московскихъ Вѣдомостей“ за настоящій годъ помѣщена прекрасная передовая статья, изображающая эту дѣятельность нашего теософа и опредѣляющая значеніе его проповѣди въ историческомъ ходѣ русской жизни. Статья составле-

на на основаніи сужденій о. Владимира Геттэ, изложенныхъ въ редактируемомъ имъ журналѣ „L'Union Chretienne“ за настоящій годъ, и въ сущности есть сокращенное изложеніе двухъ предварительныхъ статей, послѣдовательно помѣщенныхъ о. Геттэ въ своемъ журналѣ, къ которымъ редація „Московскихъ Вѣдомостей“ лишь присоединила свой взглядъ на новѣйшее развитіе дѣятельности г. Соловьева. Въ № 276 „Московскихъ Вѣдомостей“ помѣщено, затѣмъ, впрочемъ съ значительными пропусками и сокращеніями, почти буквальное изложеніе и третьей статьи о. Геттэ, тоже напечатанной имъ въ „L'Union Chretienne“ въ формѣ открытаго письма къ г. Соловьеву.

Намъ кажется однакоже, что характеристика заграничной дѣятельности г. Соловьева можетъ получить большую полноту и болѣе яркое освѣщеніе, если читатели наши прочтутъ статьи о. Владимира Геттэ въ возможно близкомъ переводѣ, въ ихъ послѣдовательной связи и безъ пропусковъ и сокращеній. „Московскія Вѣдомости“, справедливо порицая заграничную дѣятельность г. Соловьева, въ тоже время высоко ставятъ его философскій талантъ и его философскую подготовку, съ чѣмъ рѣшительно не соглашаются другіе органы русской печати. „Новое Время“ на примѣръ, касаясь этого-же вопроса, говоритъ, что философское развитіе г. Соловьева приняло за послѣднее время ложное направленіе, что оно вдалось въ мистицизмъ, въ религіозную мечтательность и можетъ оказывать вліяніе лишь на людей съ недостаточною научною подготовкою, чуждыхъ критическаго отношенія къ дѣлу и живущихъ преимущественно воображеніемъ и чувствомъ, каковы болѣею частію бывають женщины. Въ другихъ органахъ нашей печати тоже высказаны были сужденія болѣе или менѣе разногласныя съ указанными нами статьями „Московскихъ Вѣдомостей“. Намъ кажется, что всѣ эти разнообразныя газетныя толки должны быть провѣряемы сужденіями „L'Union Chretienne“, журнала строго православнаго, уже давно служащаго дѣлу примиренія церквей и чуткаго ко всякому замѣчательному труду въ этомъ направленіи. Въ виду всего этого, мы и

предлагаемъ возможно полный русскій переводъ статей о. Владимира Геттэ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Вотъ эти статьи.

Г. В. Соловьевъ въ Парижѣ.

Наши читатели безъ сомнѣнія помнятъ опроверженіе пресловутыхъ вопросовъ г. В. Соловьева, напечатанное нами въ „L'Union Chretienne“ ¹⁾. Мы не знаемъ, отвѣчалъ-ли онъ на наше опроверженіе ихъ; но въ чемъ нельзя сомнѣваться, такъ это въ томъ, что онъ продолжаетъ преслѣдовать свою цѣль, которая, по крайней мѣрѣ повидимости, состоитъ въ единеніи двухъ церквей, восточной и западной. Не достигши большихъ успѣховъ въ Россіи, г. В. Соловьевъ пытается распространить свои идеи во Франціи; посмотримъ, какихъ успѣховъ онъ достигнетъ здѣсь. Если бы дѣйствительно дѣло шло о *единеніи* двухъ церквей, то мы были-бы самымъ жаркимъ изъ приверженцевъ г. В. Соловьева; полагаемъ даже, что мы гораздо раньше его стали трудиться для этого единенія. Но г. Соловьевъ въ самомъ-ли дѣлѣ имѣетъ въ виду *единеніе*?

Вотъ вопросъ, который мы постараемся выяснить, подвергнувъ съ полнымъ безпристрастіемъ изслѣдованію все, что онъ сдѣлаетъ въ Парижѣ.

И прежде всего, мы нѣсколько сомнѣваемся въ его желаніи единенія; мы признаемъ въ этомъ безъ всякаго стѣсненія. Почему? Потому что, прибывши въ Парижъ, онъ вошелъ въ сношенія съ самыми злыми врагами православной Церкви. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ надобно только перепечатать статью, помѣщенную въ „Gaulois“. Эта статья озаглавлена слѣдующими большими буквами: „КАТОЛИЧЕСКАЯ РОССІЯ“ (LA RUSSIE CATHOLIQUE). Но очень притязательное заглавіе это не означаетъ однакоже ничего. Терминъ *католическая* для „Gaulois“ значитъ собственно *Россія романская* или *папистическая*; но мы не думаемъ, чтобы

¹⁾ Вопросы г. Соловьева и отвѣты на нихъ о. Владимира Геттэ были напечатаны и въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за прошлый годъ. *Примѣч. переводч.*

Россія въ настоящее время заслуживала этой клеветы. Вотъ одна-воже статья „Gaulois“, помѣщенная въ N отъ 24 мая за н. г.

„Вчера княгиня Сайнъ-Виттгенштейнъ, урожденная княжна Бартинская, собрала въ своемъ отелѣ на Университетской улицѣ нѣсколькихъ лицъ: герцогиню Девазъ, маркизу Сенъ-Шаманъ, маркизу Ла-Марима, княгиню Любомірскую, герцога Брольи, графа Рессежье (Resseguier), патера Пирлинга, патера Тондини, графа Лавдана, барона Д'Авриль, г. Анатоля Леруа Болье, г. Лудовика Теста и пр., чтобы доставить имъ удовольствіе выслушать бесѣду (conférence) г. Соловьева о соединеніи Церкви православной русской съ церковію католическою римскою“.

„Г. Соловьевъ сынъ знаменитаго русскаго историка; самъ-же онъ былъ профессоромъ философіи въ Московскомъ университетѣ. Проникнутый религіознымъ чувствомъ столько-же возвышеннымъ, сколько и глубокимъ и воодушевляемый идеей примиренія Церкви православной съ церковію католическою, онъ оставилъ свою кафедру, чтобы свободнѣе трудиться въ дѣлѣ распространенія этой идеи между своими соотечественниками, равно какъ и во Франціи, на которую онъ всегда смотрѣлъ, какъ на старшую дочь всей Церкви. Г. Соловьевъ обладаетъ удивительною головою Христа (...?), и его личность кажется соведена для принятаго имъ на себя апостольства“.

„Но какъ можно примирить Россію съ Римомъ? Конечно, показавши ей ея историческое призваніе. „Это призваніе или идея „народа состоитъ не въ томъ, что думаетъ самъ народъ о себѣ во времени, говоритъ г. Соловьевъ, но въ томъ, что думаетъ „Богъ о немъ отъ вѣчности“. На этой то прекрасной мысли онъ обосновалъ свою бесѣду. Россія непрестанно твердитъ о панславизмѣ и въ этомъ панславизмѣ видитъ свое историческое призваніе: но дѣло идетъ для нея о болѣе возвышенномъ призваніи, чѣмъ покровительство или присоединеніе Болгаріи, Сербіи и другихъ славянскихъ народностей; дѣло идетъ о вступленіи въ общество христіанское, чтобы прежде всего самой усилиться, а потомъ влить въ это общество свою благородную кровь; дѣ-

ло идетъ наконецъ о томъ, чтобы занять свое мѣсто среди католическихъ народовъ, чтобы своею тяжестью увлечь сто милліоновъ душъ въ католичество, чтобы служить для католичества соединительнымъ звѣномъ между Европою и Азіею, чтобы стать *воиномъ апостола Петра* въ христіанской побѣдѣ надъ міромъ“.

„Замѣтите, что подобнымъ образомъ говоритъ православный русскій человѣкъ и профессоръ философіи въ Москвѣ. Эту историческую миссію онъ видитъ въ несомнѣнно христіанскомъ характерѣ русскаго народа, который, не находя отрады въ своемъ православіи, уклоняется отъ православія *во множество сектъ*. Г. Соловьевъ видитъ то, „что думаетъ Богъ о Россіи отъ вѣчности“; и онъ утверждаетъ, что возвращеніе Россіи къ единенію обновитъ всѣ ея силы и укажетъ ей дѣйствительное назначеніе, состоящее въ распространеніи евангелія, благоуханіе котораго Россія должна разлить повсюду, подобно тому, какъ это сдѣлалъ міръ христіанскій въ IV столѣтіи“.

Позволяемъ себѣ прервать „Gaulois“. Мы подчеркнули нѣкоторыя выраженія его статьи, и эти выраженія стоятъ того, чтобы на нихъ обратить вниманіе. Мы не станемъ обращать вниманія на *удивительную голову Христа*, усвоеніемъ которой г. Соловьевъ почтенъ. Писатели первыхъ христіанскихъ столѣтій не согласны въ изображеніи головы Христа; и мы не знаемъ, откуда „Gaulois“ добылъ свои свѣдѣнія, чтобы при помощи ихъ наградить подобнымъ образомъ г. Соловьева. Но пойдемъ дальше.

По мнѣнію „Gaulois“, г. Соловьевъ имѣетъ цѣлію помочь Россіи войти въ *христіанское единеніе*, но выраженіе: *христіанское единеніе* очень неопредѣленное. Что означаетъ оно? Идетъ-ли дѣло при этомъ о церкви романской, составляющей собою отдѣльное *христіанское единство*? Тогда какимъ образомъ Россія можетъ войти въ эту церковь, такъ какъ Россія никогда не принадлежала къ ней? Идетъ-ли дѣло о *христіанскомъ единствѣ*, какимъ оно существовало въ періодъ семи вселенскихъ соборовъ? Но Россія всегда принадлежала къ этому единству, да и те-

перь принадлежить къ нему. А въ такомъ случаѣ какимъ образомъ могутъ думать о привлеченіи ея въ этому единству?

Что означаетъ выраженіе: *воинъ Петра*? Вѣроятно оно имѣетъ слѣдующій смыслъ: *воинъ папы* или *папства*, потому что по общераспространенному въ папистической церкви заблужденію папа представляетъ собою ап. Петра, котораго онъ есть преемникъ со всѣми преимуществами, совершенно произвольно усвоенными апостолу Петру, дабы тоже произвольно перенести ихъ на папу. Когда думаютъ, что Россія сдѣлается когда-либо воинемъ папы, то жестоко ошибаются. Предполагать, что Богъ возложилъ на Россію эту миссію, значитъ произносить хулу на Бога, приписывая Ему покровительство чудовищному заблужденію, производшему опустошеніе во всей церкви.

„Gaulois“ говорятъ о сектахъ, раздѣляющихъ русскую Церковь. А церковь римская развѣ не имѣетъ ихъ? Откуда-же возникъ протестантизмъ съ своими безчисленными сектами? Не есть ли онъ римская церковь, противъ которой протестовала цѣлая половина Европы и отъ которой она затѣмъ отдѣлялась? А въ нѣдрахъ самой римской церкви сколько существуетъ сектъ! Если эти секты постепенно исчезаютъ *по недостатку вѣры*, то это потому, что послѣдователи ихъ вступаютъ въ огромную секту свободныхъ мыслителей въ тысячу разъ многочислѣннѣйшую, чѣмъ сама римская церковь. Если-бы римская церковь захотѣла точно опредѣлить тѣхъ, которые принадлежатъ и которые не принадлежатъ ей, то она воскликнула-бы съ Массильономъ: „о, Боже! гдѣ Твои избранные и что осталось отъ Твоего наслѣдія?“ Если въ Россіи существуютъ секты, то это потому, что Россія сохраняетъ вѣру. Если-же секты мало по-малу исчезаютъ въ романизмѣ, то это потому, что въ романизмѣ уже не вѣрятъ ничему и всѣ члены его погружены въ безпредѣльное море невѣрія.

Но русскіе секты, болѣе или менѣе отличающіяся отъ православія, обнаруживаютъ-ли какое-либо расположеніе къ папистамъ? Чтобы сказать истину, надобно утверждать, что совершенно нѣтъ.

Продолжимъ однако-же статью „Gaulois“.

„Изъ этой бесѣды, предназначенной служить введеніемъ къ книгѣ, которую г. Соловьевъ издастъ ближайшею осенью по этому вопросу, столь интересному для всего христіанскаго міра, надобно замѣтить развитіе слѣдующей основной мысли: „идея „народа не есть то, что народъ думаетъ о себѣ во времени, но „то, что Богъ думаетъ о немъ отъ вѣчности“.

„Если вѣрно то, что человѣчество есть великій организмъ, то „надобно хорошо помнить, что этотъ организмъ не есть чисто „физическій или природный, но что члены или элементы, его „составляющіе,—народы и индивидуальныя личности—суть су- „щества нравственныя. Существенное-же свойство бытія нрав- „ственнаго состоитъ въ томъ, что частное дѣйствіе, которое „оно призвано выполнить въ жизни всеобщей, — идея, кото- „рая опредѣляетъ его представленіе въ мысли божественной,— „никогда не налагается на него, какъ необходимость матеріаль- „ная, но только какъ необходимость нравственная“.

„Мысль Божія, составляющая безусловную фатальность для „неодушевленныхъ предметовъ, становится долгомъ для бытія „нравственнаго“.

„А такъ какъ очевидно, что долгъ можетъ быть исполняемъ „или не исполняемъ, можетъ быть принимаемъ или отвергаемъ, „то съ другой стороны нельзя допустить, чтобы свобода нрав- „ственныхъ существъ могла измѣнить планъ, предопредѣляемый „провидѣніемъ или-же уничтожить его дѣйствительность при „существованіи закона нравственнаго. Нравственное дѣйствіе „Божіе не можетъ быть менѣе могущественнымъ, чѣмъ дѣйствіе „физическое. Итакъ надобно допустить, что въ нравственномъ „мірѣ тоже существуетъ необходимость, но только необходи- „мость непрямая и смежная“.

„Призваніе народа или собственно идея, которую мысль бо- „жественная отпечатлѣваетъ на каждомъ нравственномъ суще- „ствѣ — индивидуальномъ, или цѣломъ народѣ — и которая от- „крывается сознанію этого существа, какъ его верховный долгъ—

„эта идея обнаруживается во всѣхъ случаяхъ, какъ реальная
„сила, во всѣхъ случаяхъ она управляетъ жизнью нравственна-
„го существа, но оно выполняетъ это двумя противоположными
„способами: она обнаруживается закономъ жизни, когда долгъ
„исполняется, и закономъ смерти, когда нѣтъ этого исполненія
„долга. Нравственное существо никогда не можетъ уйдти отъ
„божественной идеи, которая составляетъ причину его жизни;
„уже отъ самаго существа этого зависить хранить въ себѣ эту
„идею, какъ свое благословеніе, или какъ свое проклятiе“.

„Надобно привести еще страницу касательно сопротивленія Церк-
ви православной, или лучше оффиціальной Россіи, примиренію
восточной Церкви съ церковію римскою, которая конечно липитъ
царизмъ одной изъ самыхъ дорогихъ для него прерогативъ“.

„Въ Россіи боятся истины потому, что истина есть католическая
т. е. всемірная, а потому во что-бы то ни стало хотятъ имѣть „ис-
тину лишь частную, вѣру лишь русскую, Церковь императорскую“.

„Такимъ образомъ имѣютъ въ виду не самую церковь, а толь-
„ко сохраненіе ея какъ орудія и какъ освященія исключитель-
„наго націонализма. Но народъ, не желающій жертвовать своимъ
„національнымъ эгоизмомъ въ пользу всемірной истины, не мо-
„жетъ и не долженъ называться народомъ христіанскимъ“.

„У насъ готовятся къ торжественному празднованію девяти-
„сотлѣтія христіанства въ Россіи, но кажется, что крещеніе св.
„Владимира, столь дѣйствительное для самаго этого князя, было
„только воднымъ крещеніемъ для его народа и что мы имѣемъ
„надобность быть крещенными во второй разъ духомъ истины
„и огнемъ любви“.

„Намъ надобно отказаться отъ новаго идолопоклонства менѣе
„грубаго, но не менѣе безразсуднаго, какъ и идолопоклонство на-
„шихъ язычествовавшихъ предковъ, которое отвергнуто было
„св. Владиміромъ; намъ надобно отказаться отъ новаго идо-
„поклонства предъ націонализмомъ, который вынуждаетъ на-
„родъ чтить свой собственный образъ вмѣсто того, чтобы почи-
„тать верховнаго Бога“.

„Приведенныя нами выдержки даютъ только недостаточную идею бесѣды г. Соловьева, которая возвышалась надъ политическую, чтобы воспарить къ философіи; изложеніе этой идеи читатели найдутъ *in extenso* (въ извлеченіи) въ началѣ книги автора. Но то обстоятельство, что среди всѣхъ противорѣчивъ присущихъ русскому народу, православный русскій философъ, проповѣдуетъ въ Парижѣ возвращеніе своей родины къ христіанскому единенію, къ *римской церкви*, это обстоятельство производитъ дѣйствіе очень оригинальное, а вмѣстѣ съ тѣмъ—очень благородное и очень величественное“.

Мы могли-бы возражать противъ большей части положеній содержащихся въ этомъ изложеніи бесѣды г. Соловьева. Очевидно это мистицизмъ, а мистицизмомъ проповѣдникъ не много выиграетъ на Западѣ.

Но мы подчеркнули лишь одно выраженіе въ послѣднихъ словахъ статьи „Gaulois“.

По мнѣнію этого журнала, г. Соловьевъ подъ христіанскимъ единеніемъ, къ которому хотѣлъ-бы привести Россію, разумѣетъ *церковь римскую*, единеніе съ нею. Мы въ этомъ сомнѣваемся; по крайней мѣрѣ намъ хотѣлось-бы, чтобы это выражено было болѣе ясно.

Если-же это такъ, то мы скажемъ г. Соловьеву: вотъ двѣ церкви—восточная и западная—стоятъ въ отношеніи другъ къ другу лицомъ къ лицу; вы хотите привести ихъ къ единству. Что же должно лежать въ основѣ того единенія, котораго вы домогаетесь? Не *христіанская-ли истина*? Установите-же самымъ яснымъ образомъ, посредствомъ изложенія ученія обѣихъ церквей и посредствомъ ихъ исторіи, которая изъ двухъ церквей лучше всего сохранила христіанскую истину? Если это римская церковь, тогда заключите отсюда, что Церковь восточная, которой Церковь русская составляетъ только часть, должна сдѣлать первый шагъ къ Риму, для достиженія единенія съ нимъ. Но если Церковь восточная лучше сохранила *христіанскую истину*, тогда уже римская церковь должна просить единенія съ Церковію восточной.

Не будетъ-ли это справедливо?

Вотъ уже около тридцати лѣтъ, какъ я принялъ православіе и выполняю тотъ трудъ, къ которому призываю г. Соловьева. Если я оставилъ римскую церковь, то потому, что мое изслѣдованіе привело меня къ восточному православію. Я доказалъ затѣмъ множествомъ сочиненій, и богословскихъ и историческихъ, что римская церковь уклонилась отъ христіанской истины. Я привелъ факты ея нововведеній и ея новыхъ догматовъ. Пусть-же она откажется отъ всего этого и единеніе совершится тогда само собою.

Что-же касается Церкви православной восточной и въ частности Церкви русской, то въ ихъ исторіи нельзя найти никакого нововведенія; онѣ сохранили неповрежденнымъ ученіе Церкви первоначальной, утвержденное на семи вселенскихъ соборахъ. Обязана-ли Церковь отречься отъ этого ученія для усвоенія себѣ ложныхъ доктринъ романизма?

Къ этому вопросу сводится весь споръ о *единеніи* двухъ церквей.

Мы увидимъ, въ этомъ-ли смыслѣ рѣшенъ онъ въ томъ сочиненіи, которое намъ обѣщаютъ отъ имени г. Соловьева. Если онъ не касается этого вопроса, то мы приведемъ его къ нему. Мы обяжемъ его оставить пошлости (*banalités*) и свой мистицизмъ, или, по крайней мѣрѣ, предпочесть всему этому молчаніе!

Къ несчастію мы рѣшительно не имѣемъ никакой надежды свести его съ ложнаго пути, на который онъ вступилъ. Общество, среди котораго онъ держалъ свою бесѣду, быть можетъ очень благородно, если считать благороднымъ и графа (*графъ-ли онъ?*) Лавдана; но этотъ напудренный кружокъ (*блос*) не говорятъ намъ ничего, что стоило-бы вниманія. Княгиня Сайнъ-Виттгенштейнъ, урожденная княжна Бярянская, есть русская дама, оставившая православіе и обращенная въ папизмъ отцемъ Ирлингомъ, іезуитомъ; другія дамы, безъ сомнѣнія, тоже суть богословствующія дамы, но мы не имѣемъ чести ихъ знать. Герцогиня Деказь должно быть имѣетъ очень глубокія свѣдѣнія въ богословіи, если

только она стоитъ на высотѣ герцога Деказа, бывшаго министра. Что-же касается патера Тондини, то онъ очень хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ своимъ анти-православнымъ и своимъ анти-русскимъ фанатизмомъ; но его сочиненія, которыя мы подвергли критикѣ, не даютъ намъ высокой идеи объ его учености. Герцогъ Брольи, графъ Рессежье, графъ (*графъ-ли?*) Лавданъ принадлежатъ къ сектѣ *либеральныхъ католиковъ*, Баронъ Д'Авриль и г. Анатолий Леруа Больше имѣютъ по крайней мѣрѣ то достоинство, что писали о славянахъ и русскихъ; первый оказался въ своихъ сочиненіяхъ фанатикомъ панизма, второй оказывается болѣе серьезнымъ и старается даже быть безпристрастнымъ, хотя это и не всегда ему удается. Что-же касается патера Пирлинга, то онъ іезуитъ,—а этимъ словомъ сказано уже все.

Вотъ общество, принявшее г. Соловьева подъ свое покровительство.

Но прежде чѣмъ мы скажемъ о г. Соловьевѣ подробнѣе, пождемъ общаго намъ сочиненія, предварительную бесѣду по поводу котораго излагаетъ намъ „Gaulois“. Мы увидимъ тогда, можетъ-ли держаться скромный богословъ, уже издавшій около сорока томовъ о двухъ церквахъ, восточной и папистической,—можетъ-ли держаться тѣхъ-же воззрѣній на бесѣду г. Соловьева, какихъ держатся высокія и сильныя лица, принявшія г. Соловьева подъ свое покровительство.

Г. Соловьевъ и „L'Univers“.

Мы только что привели въ изложеніи статью „Gaulois“ о г. Соловьевѣ. „L'Univers“ тоже рѣшился заговорить по поводу пресловутой бесѣды его; но такъ какъ онъ не присутствовалъ на этой бесѣдѣ, то ограничился лишь общими соображеніями и напечаталъ статью, величаво раздѣленную на четыре главы подъ однимъ общимъ названіемъ: *Русская идея* (L'idée russe). Что-же такое эта *русская идея*? Быть можетъ, мы поймемъ это, когда прочитаемъ всю статью этого самаго благочестиваго католи-

ческаго журнала. Подвергнемъ-же анализу прежде всего первую главу, пользуясь выраженіями автора статьи г. Евгенія Тавернье.

„Ученые и мечтательные революціонеры не знаютъ Россіи, утверждаетъ онъ. Это колоссъ, въ нѣдрахъ котораго встрѣчаются всякаго рода противорѣчія; предполагать, что этотъ колоссъ самъ можетъ понять свою миссію, значитъ впадать въ химерическія представленія. Онъ не знаетъ своего призванія въ такой-же степени, какъ не знаемъ этого и мы. И кто откроетъ колоссу это, когда самъ колоссъ не обращаетъ вниманія на безчисленные признаки, свидѣтельствующіе объ его неестественномъ состояніи. Если-же существуетъ столько признаковъ неестественности его состоянія; то откуда происходитъ то, что онъ не можетъ понять себя, и какимъ образомъ можетъ совершиться то, что онъ наконецъ разгадаетъ себя? „Пусть колоссъ продолжаетъ пока стонать въ тишинѣ и хаосѣ ночи, продолжаетъ г. Тавернье, и міръ увидитъ наконецъ неслыханное зрѣлище, увидитъ перерожденіе этого исполина“. Вотъ, безспорно, высокій слогъ; къ несчастію только онъ облакаетъ собою однѣ лишь недѣлости. Но авторъ продолжаетъ съ равною величавостію: „Пусть-же слово, соответствующее душевному расположенію этого колосса, пронесется эхомъ до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ: быть можетъ, колоссъ возстанетъ тогда съ крикомъ радости и безконечной надежды, прекрасный и сильный, любящій добро и славу, и завладѣвшій своимъ будущимъ, какъ принадлежащею ему добычою“.

Безъ сомнѣнія, прекрасно будетъ то время, когда совершится возрожденіе этого исполина.

И вотъ г. Соловьевъ призванъ совершить *подвигъ интеллектуальной эмансипаціи* этого возрождающагося исполина. А для эмансипированія его разума, г. Соловьевъ предпринялъ уничтоженіе самаго разума его посредствомъ внушенія ему повинненія приказаніямъ, такъ называемаго непогрѣшимаго итальянскаго старика, котораго обыкновенно признаютъ папою. Не правда-ли, средство оригинальное?

Въ ожиданіи-же успѣха отъ этого предпріятія, „L'Univers“

прославляетъ г. Соловьева, *этого русскаго и христіанскаго философа и свѣтскаго богослова* Какъ легко однакоже „L'Univers“ расточаетъ свои прославленія!

Г. Тавернье тоже знаетъ девять вопросовъ г. Соловьева, признаетъ ихъ *неопровержимыми*, и думаетъ, что они *облетѣли весь міръ*. Мы не можемъ подтвердить того, будто они облетѣли весь міръ; но мы утверждаемъ, и г. Тавернье хорошо знаетъ это, что мы опровергли ихъ безъ особеннаго труда. Вмѣстѣ съ этимъ мы доказали, что вопросы эти не могутъ быть признаны *неопровержимыми тезисами, долженствующими убѣдить всѣхъ расположенныхъ къ вѣрованіямъ*. Можно имѣть расположенность къ этимъ вѣрованіямъ, но надобно также, чтобы вѣрованія эти были разумны и сообразны съ истиною. А этого послѣдняго характера безусловно нѣтъ въ вопросахъ г. Соловьева.

Положенія эти, формулированныя г. Соловьевымъ, прибавляетъ г. Тавернье, содержатъ лишь очевидный выводъ того, что состояніе русскаго народа въ отношеніи къ учительной власти противорѣчитъ правиламъ вѣры. Но этотъ послѣдній выводъ совершенно не вытекаетъ изъ девяти вопросовъ г. Соловьева, который даже не касался учительной власти, будто-бы желательной для русскаго народа, и который формулировалъ свои вопросы, указывая лишь на начало наиболѣе опровержимое и наиболѣе подпадавшее опроверженію.

Г. Тавернье даетъ понять, будто-бы русское правительство помышало г. Соловьеву въ его пропагандѣ и что онъ прибылъ во Францію, чтобы здѣсь трудиться на свободѣ. Мы же думаемъ, что русское правительство немного интересуется всѣмъ этимъ; но что онъ уже самъ, видя Россію невнимательною къ его проповѣди, прибылъ въ Парижъ, чтобы здѣсь немножко пошумѣть съ помощію враговъ православія.

„L'Univers“ касается и бесѣды, о которой мы говорили въ нашей первой статьѣ; онъ находитъ, что эта бесѣда внушена началами философіи солидной и богословія православнаго въ истинномъ смыслѣ этого слова; и онъ тоже рѣшается представить анализъ

этой бесѣды, въ ожиданіи пока самъ авторъ разовѣетъ ее въ сочиненіи, написанномъ на французскомъ языкѣ.

Посмотримъ же на анализъ „L'Univers“.

„Что такое идея расы?“—спрашиваетъ г. Тавернье, начиная свою вторую главу. Кинэ, Мпшле и другіе писатели высказывали только глупости, отвѣчая на этотъ вопросъ. Одинъ только г. Соловьевъ даетъ слѣдующій прекрасный отвѣтъ на него: „идея народа не есть то, что народъ этотъ думаетъ о самомъ себѣ во времени, но то, что думаетъ о немъ Богъ отъ вѣчности“. Затѣмъ слѣдуетъ развитіе этого положенія, при которомъ писатель „L'Univers“ воображаетъ себя высоко поднявшимся въ божественныя сферы и въ сферы философско-богословскія.

Мы должны сознаться однакоже, что остаемся совершенно равнодушными къ мистическимъ изреченіямъ г. Соловьева. Если идея народа не есть то, что народъ думаетъ о самомъ себѣ, но то, что Богъ думаетъ о немъ: то какимъ образомъ могутъ узнать идею народа? Богъ открылъ ли г. Соловьеву то, что Онъ думаетъ о Россіи? Мы въ этомъ сомнѣваемся. Итакъ, какимъ же образомъ могутъ говорить во имя Божіе? Не безразумно-ли, и даже мы могли бы сказать, не нечестиво-ли приписывать Богу свои собственныя идеи? Г. Соловьевъ уединяется отъ своего народа; онъ изучаетъ болѣе или менѣе правильно его исторію, его дѣянія, его стремленія и затѣмъ говоритъ: „вотъ что думаетъ Богъ объ этомъ народѣ“. Очевидно надобно пожелать г. Соловьеву немножко больше скромности, равно какъ надобно пожелать ему побольше скромности и въ отношеніи ко всему тому, что онъ очень часто выдаетъ за божественное откровеніе.

Нельзя допытываться у народа русскаго того, что думаетъ Богъ объ этомъ народѣ, продолжаетъ писатель „L'Univers“, а и нельзя допытываться преимущественно теперь, когда народъ этотъ управляется *политиканами и авантюристами*. Подобныя похвалы, возсылаемыя въ отношеніи къ тѣмъ людямъ, которые управляютъ теперь Россіею, очень мало льстили-бы имъ, если-бы происходили не отъ г. Тавернье. Къ счастью этотъ господинъ

принадлежить къ той фалангѣ, которой клеветы дѣлаютъ лишь честь людямъ, въ отношеніи къ которымъ фаланга эта распространяетъ самыя грубыя порицанія.

Если нельзя спрашивать у народа русскаго о томъ, что онъ думаетъ о себѣ, то къ кому-же надобно обратиться для открытія правильной идеи о немъ? Надобно обратиться къ Богу, Который указываетъ всѣмъ народамъ, равно какъ и всѣмъ отдѣльнымъ личностямъ путь ихъ непогрѣшимаго шествія. Такъ, наприимѣръ, Богъ открылъ вѣрный путь народу еврейскому. Народъ русскій тоже имѣетъ свой, ясно указанный ему Провидѣніемъ путь. Но довольно. Мы не будемъ слѣдовать за г. Соловьевымъ въ отношеніи ко всему тому, что онъ говоритъ о первоначальной исторіи Россіи. Мы ограничимся лишь предложеніемъ слѣдующаго вопроса: дѣйствительно-ли въ фактахъ первоначальной исторіи народа русскаго ясно выразилась та самая идея, которую г. Соловьевъ выдаетъ за божественную? Такимъ образомъ, мы снова возвращаемся къ вопросу: по какому праву онъ усвоитъ Богу свои собственные идеи?

Третья глава статьи г. Тавернье содержитъ въ себѣ сильныя порицанія, направленныя противъ панславизма и противъ русскаго націонализма; потому что единство рода человѣческаго существуетъ лишь въ Иисусѣ Христѣ и каждый народъ долженъ жить жизнью обще-человѣческой. Иисусъ-же Христосъ живетъ въ Церкви; поэтому Церковь должна обладать живою властію, служащею центромъ для человѣчества, какимъ центромъ и долженъ быть Христосъ. Итакъ Россія должна преклонить колѣна предъ панію. Вотъ та идея, которую Богъ имѣетъ отъ вѣчности о народѣ русскомъ.

Но можно спросить, какъ спрашивали объ этомъ величайшіе мыслители, начиная отъ ученаго и святаго Фотія и до Ньютона,—возможно-ли допустить, чтобы Богъ предопредѣлялъ великому христіанскому народу простираться предъ идоломъ, котораго создала себѣ меньшая часть Запада? Не значитъ-ли это хулить Бога, усвоивъ ему подобную идею?

Но вотъ четвертая глава. Приведемъ изъ ней нѣсколько точныхъ выраженій: „Церковь, возникшая во время раздѣленія и сама увлеченная въ греческую схизму съ тѣмъ, чтобы застыть въ формѣ политическаго организма, можетъ-ли быть Церковію всемірною?“ Сколько словъ, столько-же и безсмыслія! Церковь русская возникла не во время раздѣленія, потому что въ тотъ моментъ, когда христіанство было проповѣдуемо русскимъ, схизма еще не существовала. Патріархи константинопольскіе, свидѣтели первыхъ римскихъ нововведеній, уже апеллировали тогда во имя древней традиціонной вѣры противъ этихъ нововведеній, но еще не разрывали общенія съ римскою церковію. Схизма возникла только въ эпоху, когда папа Иннокентій III-й, воспользовавшись завоеваніемъ Константинополя крестоносцами, изгналъ православныхъ епископовъ восточныхъ, преемниковъ апостоловъ съ ихъ кафедръ, чтобы замѣстить ихъ самозванцами западными. Вотъ та страшная эпоха схизмы, которой творцомъ былъ папа. Церковь русская, принявши евангеліе отъ греческихъ проповѣдниковъ, осталась въ единеніи съ первоначальною греческою Церковію и остается въ этомъ единеніи до сихъ поръ. Это однако-же не мѣшаетъ ей въ тоже время быть Церковію національною. Церковь французская не составляла-ли національной церкви до самыхъ послѣднихъ временъ? Не усвоила-ли она французскимъ королямъ большіхъ духовныхъ правъ, чѣмъ усвоетъ ихъ царю Церковь русская? И однако-же папскій Римъ всегда признавалъ французскую церковь своею старшею дочерью и самую блестящею областію въ царствѣ Іисуса Христа.

По словамъ писателя „L'Univers“, г. Соловьевъ очень строго возстаетъ противъ царской власти въ дѣлахъ религіозныхъ. Но если-бы онъ бросилъ самый поверхностный взглядъ на исторію западныхъ церквей, то онъ узналъ-бы, что во всѣхъ этихъ церквахъ, даже съ согласія самихъ папъ, государи усвоили себѣ духовныя права, какихъ ни одинъ царь никогда не усвоилъ себѣ; онъ зналъ-бы, что сами папы заявляли притязанія давать эти права государямъ съ цѣлію этимъ путемъ легче подчинить

нѣкоторыя церкви папской власти, при посредствѣ подобныхъ небольшихъ дипломатическихъ сдѣлокъ. Онъ зналъ-бы, что низшій клиръ на западѣ всегда былъ многочисленною толпою рабовъ, что церковныя имущества были разоряемы бенефициями, служившими поводомъ къ невоздержанію; онъ зналъ-бы, что современные католическіе епископы, будучи рабами въ отношеніи къ папѣ, суть тираны въ отношеніи къ своему клиру, и что даже въ церкви французской нѣтъ теперь человѣка, который-бы заботился объ улучшеніи этого положенія, нѣтъ ни закона, ни правды; что для католическаго епископа нѣтъ другаго правила, кромѣ своего произвола, признаваемаго имъ *благою совѣстію*.

Если-бы г. Соловьевъ зналъ западныя церкви въ отношеніи къ ихъ ученію, равно какъ и въ отношеніи къ ихъ нравственности, то онъ не прибылъ-бы въ Парижъ для униженія церкви своей родины предъ тѣми людьми, которые почитаютъ себя счастливыми, когда слышатъ злословіе противъ ней.

Г. Соловьевъ свою бесѣду окончилъ, высказавшись въ пользу поляковъ; если онъ думалъ оказать этимъ русскимъ людямъ нѣчто пріятное и такимъ образомъ побудить ихъ колонизироваться съ точки зрѣнія религіозной, то полагаемъ, что онъ ошибся.

С—въ.

(Окончаніе будетъ).

РУССКАЯ И НѢМЕЦКАЯ ШКОЛА.

(Продолженіе *).

Теперь перейдемъ къ постановкѣ женскаго образованія во Франціи, такъ какъ, съ точки зрѣнія проповѣдниковъ высшаго женскаго образованія, французы относятся къ женщинѣ и ея образованію сочувственнѣе нѣмцевъ¹⁾. Впрочемъ, какъ воспитаніе, такъ и образованіе женщины во Франціи никогда не было поставлено на твердыхъ началахъ. Въ этомъ однако же виноваты сами французскія женщины. Правда, съ оффиціальной стороны во Франціи дѣло женскаго образованія находится, повидимому, въ удовлетворительномъ положеніи. Такъ, во Франціи еще въ 1843 году насчитывалось 16,585 женскихъ училищъ (8,755 частныхъ и 7,830 общественныхъ). Законъ 1850 года уже настаивалъ на увеличеніи женскихъ школъ; учреждено даже было двѣнадцать семинарій для приготовленія хорошихъ учительницъ и сверхъ того еще такъ называемые приготовительные курсы. Въ 1854 году въ Парижѣ было основано особое общество Société de protection maternelle, — усердно хлопотало о женскомъ образованіи католическое духовенство; много открыто женскихъ училищъ съ обученіемъ ремесламъ — часовому, фортепیانному, перчаточному, переплетному,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 21.

¹⁾ О постановкѣ во Франціи школьнаго дѣла особенно въ повѣдшее время можно читать у Хр. Шрёдера — Das Schulwesen in Frankreich. 1884. Köln. К. Шмидта „Исторія Педагогика“ т. IV. Ч. 2, стр. 249—271.

цвѣточному и т. п. И при всемъ томъ женское воспитаніе во Франціи все еще очень неудовлетворительно. Легкомысленныя французженки занимаются болѣе собою, чѣмъ воспитаніемъ дѣтей. Дѣти мѣшаютъ имъ посѣщать балы, театры, вечера, а потому онѣ и стараются сбыть ихъ поскорѣе съ своихъ рукъ, сначала—кормилицамъ, а потомъ—въ пансіоны. И такъ какъ въ пансіонахъ, по убѣжденію французенокъ, дѣло воспитанія должно быть поставлено въ наилучшія условія, то онѣ чувствуютъ себя совершенно спокойными за дѣтей. „Я долженъ сознаться въ горькой истинѣ, говоритъ, напр., епископъ орлеанскій Дюпанлу, что даже религиозное воспитаніе у насъ почти не внушаетъ нашимъ женщинамъ никакой любви къ труду. Это удаленіе ихъ отъ дѣятельной жизни я приписываю тому легкому, фривольному, поверхностному и въ большинствѣ случаевъ фальшивому воспитанію, которое дается нашимъ женщинамъ, а затѣмъ—той роли, которая отводится имъ въ свѣтѣ и семьѣ, даже самой христіанской. Общество настаиваетъ на томъ, чтобы женщины ничему не учились, и онѣ съ своей стороны не стремятся къ тому, чтобы вокругъ нихъ происходили учебныя занятія. Общество хочетъ, чтобы женщины ничего не дѣлали и онѣ съ своей стороны не поддерживаютъ любви къ труду ни въ мужьяхъ, ни въ дѣтяхъ“. (О. Пиллеръ, Итоги женскаго образованія. Спб. 1888. стр. 128). Что же касается низшихъ сословій, то они обыкновенно такъ бывають завалены черною, физическою работою, что имъ не до женскаго образованія. Остается, слѣдовательно, одно среднее сословіе—горожане, дочери которыхъ дѣйствительно и получаютъ свое образованіе въ общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 70-хъ годахъ Викторъ Дюруи учредилъ и во Франціи женскіе университетскіе курсы. Впрочемъ, французскіе законы никогда не воспрещали женщинамъ слушать лекціи въ университетскихъ аудиторіяхъ. Но здѣсь повторяется ежегодно та же самая исторія, что и въ Швейцаріи: университетскія аудиторіи посѣщаются преимущественно только иностранками и очень мало—французженками. Такъ, въ 1887 году, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить ¹⁾, въ парижскомъ

¹⁾ Срав. „Вѣра и Разумъ“ 1888. № 3. стр. 186.

медицинскомъ факультетѣ числилось 108 студентокъ, въ числѣ которыхъ 83 было изъ Россіи, 11—изъ Англіи, 3—изъ Америки, 2—изъ Австріи, 1—изъ Румыніи, 1—изъ Турціи и только 7—изъ Франціи ¹⁾. Конечно, причина этого явленія здѣсь уже другая, чѣмъ въ Швейцаріи: не образцовое общее образованіе, а напротивъ, отсутствіе его и свойственное французкамъ легкомысліе заставили французскихъ профессоровъ читать лекціи только для русскихъ любознательницъ. Впрочемъ, нужно сказать еще и то, что запрещенный плодъ (для женщины—въ особенности) всегда интереснѣе дозволеннаго, что многія вещи имѣютъ для насъ всю свою прелесть только тогда, когда мы смотримъ на нихъ издали, что чужое всегда кажется гораздо лучше своего и что, наконецъ, парижское образованіе, хотя, впрочемъ, и въ совершенно другомъ родѣ, для русской женщины имѣетъ еще и традиціонное значеніе...

Англійскій народъ не всегда относился одинаково къ дѣлу школьнаго образованія. До XIX вѣка въ Англіи почти не было общественныхъ народныхъ училищъ. Обученіе чтенію и письму признавалось приличнымъ лишь для дѣтей высшихъ сословій и лицъ, готовившихъ себя къ духовному званію. Въ то время народъ англійскій не ожидалъ отъ науки никакой пользы. О существованіи особыхъ женскихъ школъ до XIX вѣка не можетъ быть и рѣчи. Роберту Рекву, издателю Глостерскаго журнала, принадлежитъ честь возбужденія въ обществѣ интереса къ вопросу о воспитаніи низшаго класса народа. Это была любимая мысль, которую онъ проводилъ въ своемъ журналѣ. Кромѣ того, ему-же принадлежитъ и честь открытія воскресныхъ школъ для обученія народа грамотѣ. Послѣ этого школьное дѣло въ Англіи пошло довольно быстро. Этому не мало содѣйствовалъ выдающійся англійскій педагогъ начала нашего столѣтія,—д-ръ Андрей Белль. Въ 1811 году почитатели и послѣдователи Белля основали даже національное общество, поставившее своею цѣлію—содѣйствовать раз-

¹⁾ Въ текущемъ году число женщинъ, изучающихъ медицину въ парижскомъ университетѣ, 114. Въ томъ числѣ—12 французенокъ, 1 американка, 8 англичанокъ, 1 австріячка, 1 гречанка, 1 турчанка и 90 русскихъ. Срв. „Свѣтъ“, 29 сент., 1888. № 217.

витію народныхъ школъ на началахъ господствующей церкви. Впрочемъ, не мало пользы школьному дѣлу въ то-же время принесъ и квакеръ *Иосифъ Ланкастеръ*, основавшій въ Лондонѣ особую бесплатную школу и введшій въ ней особый методъ обученія; а его сестры, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, основали первое въ Англіи женское училище, съ самаго начала своего существованія пріютившее у себя до 200 ученицъ. Съ этого времени ланкастерскія школы стали пользоваться большою популярностію и распространенностію. Въ какомъ положеніи находилось въ Англіи школьное дѣло въ первой половинѣ текущаго столѣтія, — можно судить по слѣдующимъ даннымъ: до 1801 года всѣхъ англійскихъ народныхъ школъ было 756, съ 1801 г. по 1821 г.—1289; съ 1821 г. по 1831 г.—1020; съ 1831 г. по 1841 г.—2417; съ 1841 г. по 1851 г.—4604; а въ 1851 году англійскихъ народныхъ училищъ было уже 10,595 съ 1.050,025 учениками. Въ это-же время въ англійскомъ обществѣ возникаетъ интересъ и къ серьезной постановкѣ женскаго образованія. Этому несомнѣнно много содѣйствовалъ извѣстный англійскій мыслитель Джонъ Стюартъ Милль, который въ своей книгѣ „О подчиненности женщинъ“ уже настойчиво требовалъ для женщинъ равныхъ правъ съ мужчинами какъ на трудъ, такъ и на образованіе. Подъ вліяніемъ воззрѣній Милля въ 1878 году въ Англіи было основано общество („Ladies Educational Association“), поставившее своею задачею—содѣйствовать развитію женскаго образованія. Въ это же время англійскія женщины стали не только свободно посѣщать публичныя лекціи профессоровъ въ университетскихъ залахъ, но и университетскіе колледжи (Colleges—это обширныя и богато обставленныя студенческія общежитія; такихъ колледжей при оксфордскомъ университетѣ 24, при кембриджскомъ—17). Само собою понятно, дѣло не обошлось безъ скандаловъ. И скандалы эти были такого рода, что правительство вынуждено было сдѣлать распоряженіе о воспрещеніи женщинамъ посѣщать не только студенческія колледжи, но и публичныя лекціи университетскихъ профессоровъ. Между защитниками и противниками женскаго образованія и равноправности вспыхнула оже-

сточенная борьба; періодическія изданія раздѣлились на два враждебныхъ лагеря; въ парламентѣ постоянно возбуждаемы были бурныя пренія. Наконецъ, въ 1870 году парламентъ рѣшилъ споръ въ пользу женщинъ. Университеты кембриджскій, дублинскій и эдинбургскій стали снова допускать женщинъ къ слушанію лекцій на правахъ студентовъ; но оксфордскій и лондонскій отказались на-отрѣзъ удовлетворить претензіямъ женщинъ. Впрочемъ, скоро должны были сдѣлать уступку и эти университеты: оксфордскій университетъ сталъ допускать женщинъ въ свои аудиторіи въ 1875 года, а лондонскій—съ 1878 года. Въ 1874 году при кембриджскомъ университетѣ была учреждена даже особая женская коллегія по примѣру студенческихъ колледжей—мужскихъ. Мало того, правительство дозволило учреждать еще особыя женскія медицинскія школы: въ Лондонѣ одна такая школа была учреждена въ 1872 году, другая—въ 1874 году. На такой шагъ правительство рѣшилось, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы отвлечь женщинъ отъ посѣщенія мужскихъ университетовъ. Но само собою понятно, что мужскіе университеты болѣе интересовали любознательныхъ женщинъ, чѣмъ женскія медицинскія школы, хотя свои симпатіи къ мужскимъ университетамъ женщины и мотивировали лишь болѣе серьезною постановкою науки. Прошлый годъ 30-го іюня открытъ еще особый женскій университетъ ¹⁾, очевидно съ тою-же самою цѣлію, съ какою были открыты и женскія медицинскія школы. Что выйдетъ изъ этой затѣи, предусмотрѣть пока мудрено,—тѣмъ болѣе что правительство хочетъ, чтобы женщины заняли здѣсь и всѣ должности—ректора, профессоровъ и даже прислуги.

Если правительство и университетскіе совѣты долго вели себя нерѣшительно относительно дозволенія женщинамъ посѣщать университеты, то еще болѣе чувствовали себя въ затруднительномъ положеніи относительно признанія за женщинами права врачебной практики. Между тѣмъ женщины настойчи-

¹⁾ The Halloway Royal college. На устройство одного зданія для этого университета употреблено 800,000 фунт. стерлинговъ, на наши деньги, по прошлогоднему курсу до 8 милліоновъ рублей.

во требовали для себя этого права. Въ 1871 году 956 женщинъ, проживавшихъ въ Единбургѣ, подали правительству коллективное заявленіе о необходимости разрѣшить женщинамъ; окончившимъ курсъ по медицинскому факультету, врачебную практику наравнѣ съ обыкновенными врачами—мужчинами. Это заявленіе было оставлено безъ послѣдствій; такая-же участь постигла и заявленіе 1300 женщинъ, поданное вскорѣ послѣ единбургскаго. Тѣмъ не менѣе настойчивость женщинъ взяла верхъ. Въ 1872 году правительство было вынуждено дозволить женщинамъ врачебную практику, какъ это было вынуждено дозволить имъ и право участія въ муниципальныхъ дѣлахъ. И теперь, подобно американкамъ, англійскимъ женщинамъ открыты всѣ ступени общественной дѣятельности. Въ Англии существуетъ довольно много женскихъ литературныхъ клубовъ, хотя англичанки еще съ большимъ удовольствіемъ любятъ посѣщать мужскіе клубы какъ литературные, такъ и политическіе,—и въ тѣ и другіе имъ объявленъ свободный доступъ.

Низшія и среднія женскія учебныя заведенія въ Англии нѣмъ не отличаются отъ мужскихъ учебныхъ заведеній того же рода. Наконецъ, для женщинъ низшихъ сословій въ Англии существуетъ множество ремесленныхъ школъ, въ которыхъ женщины изучаютъ различныя ремесла и искусства, какъ, напр., резьбу на деревѣ, шлифовку стеколъ, фотографію, типографію, литографію, стенографію и т. п.

Но спрашивается: при такой широкой постановкѣ женскаго образованія, женскаго труда и женскихъ правъ, создала-ли англійская женщина что-либо соответствующее своему образованію, своимъ правамъ, бывшему изъ-за нея шуму, борьбѣ и торжествамъ, громаднымъ затратамъ, произведеннымъ и производимымъ на ея высшее спеціальное образованіе? Больше-ли, и лучше-ли она сдѣлала что-либо для своей семьи, общества, цивилизаціи, чѣмъ сколько сдѣлали другія женщины, напр., немки, или русскія?—Признаться, мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи совершенно никакихъ данныхъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Впрочемъ, же защитники образованія англійскихъ женщинъ говорятъ,

что женщины—врачи нерѣдко, по выходѣ въ замужество, совершенно оставляютъ свою врачебную практику. Въ Англіи г. Овцынъ знаетъ *восемь* женщинъ—врачей, вышедшихъ въ замужество и прекратившихъ свою медицинскую практику ¹⁾. Ясно, что предъ природою искусство ничего не значитъ. Женщинѣ въ большинствѣ случаевъ нужна высшая наука только до тѣхъ поръ, пока ей дѣлать нечего. Выдайте ее замужъ,—и вся блажь пройдетъ. Широкая постановка женскаго образованія какъ въ Англіи, такъ и въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ несомнѣнно стоитъ въ тѣсной связи съ поведеніемъ мужчинъ, которые все больше и больше сторонятся отъ семьи, боятся стѣснять себя „брачными узами“, заботами семейными, и предпочитаютъ жизнь холостяка и внѣбрачныя сожителства. Такимъ образомъ, когда женщина стремится къ высшему профессиональному образованію, къ свободѣ и правамъ,—это есть не болѣе, какъ призывъ времени, это—отвѣтъ мужчинамъ, пренебрегающимъ, или стѣсняющимся семейною жизнью.

Въ *Италіи*, какъ мы упоминали уже, женщины (напр., Гаццедины) стали получать докторскіе дипломы еще въ средніе вѣка, начиная съ XIII столѣтія. Впрочемъ, впоследствии школьное образованіе итальянскаго юношества постепенно падало все ниже и ниже; а въ половинѣ текущаго столѣтія оно находилось уже въ положительномъ упадкѣ. Въ 1863 году, т. е., вскорѣ послѣ объединенія Италіи, король Викторъ-Эммануиль обратилъ серьезное вниманіе на положеніе народнаго образованія въ своемъ государствѣ и поручилъ бывшему тогда итальянскому министру народнаго просвѣщенія К. Маттеучи произвести коренныя реформы, чтобы, насколько возможно, поднять школьное дѣло. Число университетовъ было поразительное—19—для такой маленькой территоріи, какъ Италія; за то низшія и среднія учебныя заведенія едва владели свое существованіе: хорошихъ преподавателей не было, дисциплина находилась въ ужасномъ упадкѣ. О женскомъ образованіи почти не было и рѣчи. Считалось достаточнымъ, если дома

¹⁾ Развитие женскаго образованія, стр. 17.

или въ школахъ вмѣстѣ съ мальчиками дѣвушка научалась читать, писать и первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариметики. Только въ 70-хъ годахъ на женское образованіе итальянцы начали обращать свое вниманіе. Въ 1867 году король дозволилъ пятнадцати итальянскимъ университетамъ допускать женщинъ въ свои аудиторіи для слушанія лекцій. Но за недостаткомъ надлежащей подготовки немногія изъ итальянскихъ женщинъ воспользовались такою королевскою милостію. Въ настоящее время вопросъ о женскомъ профессиональномъ образованіи въ Италіи, какъ говорятъ, „стоитъ на очереди“.

Въ Австріи женское образованіе находится, кажется, на томъ-же самомъ уровнѣ своего развитія, какъ и въ Италіи; по крайней мѣрѣ, и здѣсь, какъ и въ Италіи, на образованіе женщины стали обращать вниманіе лишь въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія. Въ 1866 году въ Австріи было учреждено „Общество содѣйствія женскому труду“, чрезъ два года послѣ своего учрежденія открывшее цѣлыхъ тринадцать профессиональныхъ женскихъ школъ. Затѣмъ примѣру Вѣны послѣдовалъ Готенбергъ, учредившій такое-же общество, и другіе города. Врачей-женщинъ въ Австріи немного, но есть. Въ концѣ 1885 года въ Вѣнѣ одна женщина-врачъ, по словамъ нашего женскаго эманципатора—Овцына ¹⁾, будто-бы получила даже званіе придворнаго врача королевы. Но австрійскія ученныя женщины главнымъ образомъ предпочитаютъ для своей общественной дѣятельности школу. Въ этой области ихъ однако-же набралось уже такъ много, что учительницъ скоро, пожалуй, будетъ больше, чѣмъ самыхъ учениковъ. Инспекторы народныхъ училищъ не знаютъ, что съ ними дѣлать, и куда ихъ дѣвать. Это хорошо понимаютъ и сами австрійскія народныя просвѣтительницы, начинающія уже теперь грызть другъ друга. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе съѣздъ учительницъ, бывшій въ прошломъ году въ Вѣнѣ. На этомъ съѣздѣ главный вопросъ, предложенный для разрѣшенія, былъ вопросъ о безбрачїи, только—не католическаго уже духовенства, а . . . австрійскихъ учительницъ. Засѣданія

¹⁾ Развитие женскаго образованія, стр. 21.

были бурныя; ораторши въ своемъ воодушевленіи доходили почти до площадной ругани; ясно было для всѣхъ, что рѣшался вопросъ о существованіи, вопросъ—гамлетовскій. Приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ этой учено-парламентской женской перебранки. Первою взошла на ораторскую трибуну нѣкая учительница—Боржицкая. Она была за безбрачіе учительницъ,—и вотъ ея рѣчь: „Мм. Гг.! Насъ ставятъ здѣсь предъ роковымъ вопросомъ:—учительница, или супруга! И я думаю,—справедливо. Я считаю учительницу существомъ настолько возвышающимся надъ мелкими человѣческими чувствами ¹⁾, что она должна отказаться отъ радостей брака, чтобы жить для школы! Я не понимаю, отчего-бы мы не могли принести школѣ такой жертвы. Мм. Гг.! Я спрашиваю васъ, неужели такъ трудно отречься отъ брака? Я не хочу вообще говорить противъ брака, но я говорю вмѣстѣ съ Каролиною Пихлеръ: нужно чтить бракъ, но можно въ немъ и не нуждаться!“ Боржицкой отвѣчала замужняя учительница Лянгъ такую рѣчью: „Я думаю, что учительницы были людьми до своего испытанія на учительскую должность, были людьми послѣ него, и всегда будутъ только людьми. Изъ ста молодыхъ женщинъ, поставленныхъ предъ выборомъ—учительница или супруга,—девяносто девять предпочтутъ школѣ мужа. Сословіе учительницъ тогда постепенно исчезло-бы и скоро можно было-бы сказать: смотрите, вотъ—послѣдняя учительница! Неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, вы хотите довести до того, чтобы каждая молодая дѣвушка, при своемъ вступленіи въ заведеніе, подготовляющее учительницъ, отрекалась отъ міра, подобно тому, какъ будто-бы она поступала въ монастырь?“ (общее оживленное одобреніе). Учительницу Лянгъ поддерживала въ своей рѣчи учительница графиня фонъ-Рессугуаръ (замужняя), причемъ она особенно возмущалась мнѣніемъ, будто-бы замужество учительницы недозволительно съ нравственной точки зрѣнія, и нападала на учительницъ—пезамужнихъ. „Нравственное опасеніе, говорила она, напротивъ должно-бы имѣть мѣсто только относительно незамужней учительницы, потому честь

¹⁾ Эти мелкія человѣческія чувства,—очевидно, чувства матери и жены!..

молодой учительницы легче можетъ быть заятнана, чѣмъ заужней;—молодая учительница можетъ сдѣлать ложный шагъ“... и т. д. Говорили и кричали еще многія ораторши, но дѣло кончилось тѣмъ, что по большинству голосовъ общее собраніе учительницъ рѣшило: „внести петицію противъ безбрачія учительницъ“ ¹⁾. Читая отчетъ объ этомъ бурномъ засѣданіи австрійскихъ учительницъ, невольно хочется сказать: „Эхъ, губушки, горькій вы хлѣбъ ѣдите!“

Въ другихъ европейскихъ государствахъ—Испаніи, Голландіи, Швеціи и Даніи правительства также обратили уже болѣе ли менѣе серьезное вниманіе на женскій трудъ и женское воспитаніе какъ среднее, такъ и высшее.

Весьма интересно прослѣдить отношеніе *нѣмцевъ* къ вопросу о женскомъ образованіи. Въ принципѣ нѣмцы ничого не мѣютъ противъ того, чтобы женщина получала высшее образованіе; мало того, они даже жестоко порицаютъ тѣ страны, гдѣ женское образованіе находится въ упадкѣ. Извѣстный педагогъ Карлъ Шмидтъ съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ говоритъ о необходимости для женщины высшаго, серьезнаго, научнаго образованія, по нему онъ судитъ даже вообще объ истинномъ развитіи того или другого народа; для женщины онъ признаетъ образованіе даже болѣе нужнымъ, чѣмъ для мужчины, и осуждаетъ тѣ правительства, которыя стѣсняють женщинъ въ достиженіи высшаго образованія. Такъ, говоря о постановкѣ женскаго образованія въ Швейцаріи и упомянувъ томъ, что главный контингентъ слушательницъ цюрихскаго университета составляли русскія женщины, онъ осуждаетъ русское правительство за то, что оно „недавно пріостановило этотъ токъ“ ²⁾. „Утверждать, говоритъ онъ ³⁾, что женщина должна для семьи и слѣдовательно должна быть подготовлена неей—ни къ чему не ведетъ, такъ какъ вслѣдствіе напора вѣчныхъ условій безбрачіе усиливается изъ года въ годъ. Необходимо открыть женщинамъ средства и пути къ самостоятельному существованію даже внѣ семьи и подготовить ихъ со-

¹⁾ Echo, 1887. 9-го іюня № 249.

²⁾ Ист. Педаг. т. IV. Ч. 1, стр. 577.

³⁾ Ibid.

гласно съ этимъ“. Такъ—повторяемъ—говорить нѣмецъ о женскомъ образованіи, когда онъ разсуждаетъ о немъ *по принципу*, или когда онъ говоритъ о томъ, какъ должно быть поставлено образованіе женщины въ странахъ внѣ Германіи. Но совершенно другимъ языкомъ и въ другомъ тонѣ заводитъ онъ рѣчь, когда ставится вопросъ объ образованіи *германской* женщины. Для нѣмки высшее профессиональное образованіе оказывается совершенно ненужнымъ; о равноправіи нѣмки съ нѣмцемъ въ Германіи и слушать не хотятъ. Почему-же? Потому, говорятъ нѣмцы, что у женщины сама природа не такова, какъ у мужчины. Вотъ, послушайте, читатель, что говоритъ объ этомъ тотъ-же самый Карлъ Шмидтъ, который осуждаетъ наше правительство за стѣсненіе женщинъ, стремящихся въ цюрихскій университетъ, который не соглашается съ мнѣніемъ, что женщина создана для семьи, который требуетъ для женщинъ полной самостоятельности и т. д. „Мужчина и женщина,—говоритъ онъ по поводу разсужденій о постановкѣ женскаго образованія въ Германіи ¹⁾),—это двѣ восполняющія другъ друга половины человѣческаго рода, въ каждой изъ которыхъ преобладаетъ именно то, что въ другой отходитъ на задній планъ. Каждая изъ нихъ и стремится поэтому сдѣлаться цѣльнымъ человѣкомъ, мужемъ-женою или женою-мужемъ. Оттого-то любовь, проявляясь и встрѣчаясь въ мужѣ и женѣ, и составляютъ мировидительную силу. Оттого-то сочетаніе мужчины и женщины на нѣмецкомъ языкѣ и называется прекраснымъ словомъ „Ehe“ („бракъ“), происходящимъ отъ древнегерманскаго ê, êa, т. е. законъ, такъ какъ сочетаніе мужа и жены, т. е., бракъ, есть жизненный законъ человечества. Существо мужчины склонно къ самостоятельности, а женщины—зависимости. Вѣдь даже электричество на поверхности тѣла у мужчинъ большею частію—положительное, а у женщинъ—отрицательное; Рейхенбахъ наблюдалъ также, что мужчина и женщина находятся въ однополярной противоположности другъ къ другу. Сравните весь наружный видъ, жесткое, суровое, угловатое и грубое, крѣпкое и рѣзкое въ костяхъ и мускульномъ

¹⁾ Ист. Педаг. т. IV. Ч. 2, стр. 489 и дал.

построеніи тѣло мужчины, и нѣжное, мягкое, волнообразное, округленное въ очертаніяхъ тѣло женщины; сильныя и широкія плечи, продолговатую грудь, развитыя черты лица мужчины и узкія плечи, узкую грудную клѣтку, широкія бедра, округленное какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ лицо женщины,—и вы по наружности можете уже убѣдиться въ истинѣ, что мужчина предопредѣленъ къ самости и силѣ, а женщина—къ преданности и привязанности... Женскій мозгъ абсолютно меньше и легче, но относительно тѣла больше, нежели мужской. Средняя и верхняя часть мозга болѣе и тяжелѣе у женщины, а лобная—у мужчины. Органы чувствъ у женщины тоньше и движенія ея граціознѣе, тогда какъ мужчина выступаетъ съ большею силою. Онъ большею частію желчнаго и нервическаго сложенія и холерическаго, или меланхолическаго темперамента: въ немъ самодѣятельность преобладаетъ надъ воспримчивостію. Женщина бываетъ либо полнокровная и сангвиническая, либо лимфатическая и флегматическая: въ ней воспримчивость господствуетъ надъ самодѣятельностію“. Не мало также разницы между мужчиною и женщиною находитъ этотъ нѣмецкій педагогъ и въ психическомъ отношеніи. „Мужъ да выходитъ на борьбу съ жизнію, да подвизается и ратуетъ“: этими словами, говоритъ Шмидтъ ¹⁾, Шиллеръ указалъ на коренное свойство мужскаго духа и назначеніе его. У мужчины преобладаютъ умственныя способности и сила воли: мышленіе и хотѣніе—вотъ въ какихъ мірахъ живетъ его духъ. Съ своимъ подручнымъ инструментомъ—понятіемъ, сужденіемъ и умозаключеніемъ—онъ добивается истины настойчиво и основательно, трезво и безпристрастно, но также гордо, пылко и властолюбиво спускается онъ въ нѣдра земли и поднимается за облака, чтобы достигъ ея. А эти добываемыя имъ истины въ свою очередь именно тѣ, „правила“, по которымъ, и „тѣ цѣли“, для осуществленія которыхъ онъ дѣйствуетъ ревностно, отважно и безъ оглядки. Все поступательное движеніе во всемірной исторіи исходитъ отъ мужчинъ. Они только и являлись по-истинѣ творческими во всѣхъ

¹⁾ Ibid стр. 490.

областяхъ духа,—въ наукѣ и искусствѣ, въ политикѣ и религіи. Міръ мужчины это—весь міръ: духомъ своимъ онъ достигаетъ до туманныхъ пятенъ на небѣ и разлагаетъ ихъ на звѣздные міры; онъ всматривается въ каплю воды и находитъ въ ней міръ для 1,687,000,000 инфузорій. Духъ его шевелится вездѣ, гдѣ только сможетъ искать и находить истины, понятія и идеи. Понятія и идеи значатъ для него все, они для него дороже личностей,—и личности въ глазахъ его имѣютъ значенія лишь настолько, насколько онѣ — носители понятій и идей,—искусства и науки, религіи, отечества и проч. Къ нимъ-же обращается и любовь его: мужъ любить не только свою жену и своихъ дѣтей, но сверхъ того также науку, отчизну и проч. Онъ пріобрѣтаетъ и охраняетъ, мыслить и дѣйствуетъ. А у очага властвуетъ цѣломудренная жена, мать дѣтей,—вотъ очеркъ женскаго духа и его жизни. Чувствованіе выражаетъ духъ женщины, оно господствуетъ въ женской душѣ. По чувствованіямъ судить и рѣшаетъ, мыслить и дѣйствуетъ женщина. Она живетъ ими. Не предаваясь разладу мысли и думы, она погружается въ искренность и задушевность чувства,—она рождена ненавистницей холодно и строго осуждающаго закона. Въ неразрывномъ согласіи съ природою, отдаваясь мимолетнымъ впечатлѣніямъ, она живетъ все тою-же жизнью земли, все еще вкушаетъ отъ чувственной поверхности бытія и чуткимъ тактомъ угадываетъ по наружнымъ приемамъ (особенно мужчине) внутренніе помыслы. Въ религіозной области женщинѣ всего привольнѣе, потому что истина выступаетъ тутъ въ видѣ чувствованія и въ чувствительной формѣ, въ видѣ вѣры. Ей сродни также искусство, проявляющее прекрасное въ образѣ, особенно музыка. *Но наука съ ея строгостью и разсудочною точностью ей чужда*, потому что женщина, какъ само чувство, находитъ истину не въ понятіяхъ, а въ личностяхъ. Личности для нея дороже понятій, а понятія и идеи имѣютъ для нея цѣну лишь настолько, насколько они воплощаются въ личностяхъ. Оттого-то она въ сужденіяхъ своихъ пристрастна вслѣдствіе лицепріятія, а съ логической точки зрѣнія—близорука и поверхностна. Любовь, личная любовь—вотъ суть ея существа и жизнь ея жизни. Она любитъ, бла-

гоговѣть, жертвуетъ собою молча: однѣ только жены умираютъ вслѣдъ за своими мужьями. Она вся истрачивается въ любви къ мужу и дѣтямъ. *Семья—ея царство.* Здѣсь все существо ея вполнѣ распускается прекраснымъ цвѣткомъ,—ея кроткая, охраняющая, преданная, терпѣливая, смиренная, сговорчивая, благочестивая, цѣломудренная и скромная, нѣжная и вѣжливая природа, но здѣсь также открывается поприще для ея раздражительности и прихоти, для болтливости и кокетства¹⁾. Отсюда Шмидтъ дѣлаетъ прямое заключеніе, что различная и особенная какъ тѣлесная, такъ и духовная жизнь мужчины и женщины требуетъ точнаго опредѣленія общихъ законовъ жизни и воспитанія, отвѣчающихъ различію и особенности того и другой. И вотъ „въ духовномъ отношеніи, говоритъ онъ ¹⁾, въ мужчинѣ должны быть развиты главнымъ образомъ мышленіе и воля, чтобы онъ привыкъ дѣйствовать и дѣйствовалъ въ мірѣ какъ самосознательный членъ... У женщины развитіе чувствованія составляетъ главную потребность. Если она вполнѣ хочетъ удовлетворить своему призванію, то да украшаютъ ее всякія религіозныя и нравственныя добродѣтели, особенно покорность Господу, вѣра, любовь, преданность, кротость и смиреніе. Однако умственныя способности должны сопровождать чувствованія, какъ вѣрные охранители ихъ, и хотѣніе при посредствѣ дѣлъ должно ввести ихъ въ дѣйствительную, семейную жизнь, чтобы женщина не впала въ сантиментальность и такимъ образомъ не отрѣшилась отъ своего существа, точно также, какъ еслибъ она попрадала ногами свою природу и эманципировалась, т. е., если-бы вздумала стать на мѣсто мужчины. Когда женщина въ чувствованіяхъ вполнѣ сохраняетъ свою природу, когда просвѣтляетъ ихъ мышленіемъ и осуществляетъ въ практическомъ домашнемъ быту, только тогда становится она прекрасною женою, очеловѣченною природою и по-истинѣ другою половиною мужа, этого олицетворенія всемірной исторіи. Женщина чувствуетъ для того, чтобы мыслить, а мужчина мыслить, для того, чтобы чувствовать; она любитъ съ тѣмъ, чтобы жить, а онъ живетъ, чтобы любить:

¹⁾ Ibid стр 492.

такимъ образомъ оба вмѣстѣ, въ двойственности ихъ, составляютъ единство. А если такъ,—то женщины не сдѣлаются мужчинами, но будутъ рождаютъ мужей; а мужчины не будутъ женщинами, но сдѣлаютъ женъ счастливыми“.

За немногими исключеніями (разумѣемъ, напр., Морица Мюллера), всѣ нѣмецкіе педагоги говорятъ почти тоже, что и Шмидтъ, когда дѣло идетъ о постановкѣ женскаго образованія въ Германіи. Л. Визе, напр., въ своемъ разсужденіи „О женскомъ воспитаніи и образованіи“ (Берлинъ, 1865 г.) настойчиво указываетъ на то, что всѣ женщины безъ исключенія, даже и не вступившія еще въ бракъ, по преимуществу призваны быть лишь матерями; а потому и жизненное поприще женщинъ, для котораго ихъ слѣдуетъ готовить воспитаніемъ и образованіемъ, это—семья, общее-же призваніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы быть полезными прежде всего въ самой семьѣ, а потомъ уже и за ея предѣлами—въ обществѣ. Въ дѣвичьей душѣ, по словамъ Визе, преобладаетъ непосредственность, воспріимчивость и возбужденность чувства, а такому преобладающему строю жизни отвѣчаетъ болѣе пониманіе единичной личности, нежели человѣка вообще, болѣе зависимость отъ симпатій и антипатій, нежели отъ логическихъ мотивовъ, наконецъ болѣе живая склонность къ формѣ и явленіямъ, чѣмъ къ отвлеченнымъ понятіямъ сухой науки. Вотъ почему Визе прямо утверждаетъ, „что усилѣхъ женскаго воспитанія лишь въ весьма незначительной степени зависитъ отъ общественныхъ школъ, но что оно скорѣе составляетъ естественное право и обязанность домашняго очага и семьи, той самой области, которая уклоняется отъ непосредственнаго вліянія правительства“. Правительство поэтому прекрасно сдѣлало-бы, думаетъ Визе, если-бы вовсе не заводило женскихъ школъ, если-бы оно вовсе не вмѣшивалось въ постановку женскаго воспитанія и образованія, а всецѣло предоставило это дѣло семьѣ, которой оно принадлежитъ по самой природѣ своей. „Женскія учебныя заведенія, говоритъ Визе, никогда не могутъ вполне замѣнить собою ни домашняго очага, ни матеря“. Но такъ какъ въ дѣйствительности женскія учебныя заведенія существуютъ и, по всей вѣроятности, будутъ существо-

вать и въ будущемъ, то Визе желаетъ по крайней мѣрѣ одного, — чтобы женская школа по своему устройству была не болѣе, какъ обширною семьею, чтобы въ дѣлѣ воспитанія въ ней преобладали начала семейной и домашней жизни.

Песталлоцци, какъ и *Дистервегъ*, вполне раздѣляли взглядъ Визе на природу женщины и на основной характеръ приличествующаго ей воспитанія. *Дистервегъ* не соглашается съ мнѣніемъ Визе лишь относительно того, какое участіе въ дѣлѣ женскаго воспитанія должно принимать правительство. Въ противоположность Визе онъ желалъ-бы, чтобы это дѣло всецѣло находилось въ рукахъ правительства. Къ такому заключенію *Дистервегъ* пришелъ, впрочемъ, лишь потому, что признавалъ ненормальными современныя ему условія домашней жизни и домашняго воспитанія, которое, по его убѣжденію, могло только нравственно искалѣчивать дѣтей. „Домашнее воспитаніе родителей, говоритъ онъ ¹⁾, лишено надлежащей строгости, а потому дѣти не питаютъ ни почтенія, ни уваженія къ родителямъ. Родители шутятъ и играютъ съ дѣтьми, цѣлуютъ ихъ (какъ прежде, бывало, молились) утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, веселятся съ ними, по крайней мѣрѣ, хотятъ веселиться. Вслѣдствіе этого дѣти обходятся съ родителями, какъ съ равными, и нисколько не стѣсняются съ ними, хотя-бы даже пришлось сказать родителямъ, что они имъ надоѣли... А вѣдь безъ уваженія къ родителямъ вовсе немислимо уваженіе ни къ людямъ, ни къ наукамъ, ни къ человѣческимъ, ни къ божескимъ дѣламъ. Безъ этого свойства невозможны ни величіе характера, ни глубина души, ни идеальное направленіе и т. п... Въ общественномъ быту взрослые мужчины не сохраняютъ надлежащаго достоинства относительно достигшихъ зрѣлаго возраста дѣвицъ, а потому послѣднія бываютъ поставлены въ ложное положеніе. Кому не случалось видѣть, что даже достойные, заслуженные, занимающіе высокое положеніе мужчины ломаются предъ взрослыми дѣвушками, и юницами, словно щеголи, разливаются въ лстивыхъ рѣчахъ и строятъ имъ куры! Бывало, дѣвушка считала за честь и отличіе, если

¹⁾ К. Шмидтъ, *Ист. Педаг.* т. IV, ч. 1. стр. 565.

почтенный мужчина удостоить ее нѣкотораго вниманія, напр., разговора. А теперь!.. У насъ нѣтъ настоящихъ жепъ, потому что нѣтъ настоящихъ мужей, а нѣтъ настоящихъ мужей оттого, что нѣтъ настоящихъ матерей. Вездѣ ощущается недостатокъ въ силѣ, энергій, характерѣ. Оттого-то и публичная жизнь наша такъ неудовлетворительна; а вмѣстѣ съ тѣмъ и домашняя, и общественная. Кто изъ мужей доволенъ своимъ положеніемъ, кто можетъ быть довольнымъ?.. Самоотверженіе, преданность и истинная любовь естественно порождаютъ въ томъ, кто причастенъ этимъ человѣчески-божескимъ вліяніямъ, такія-же свойства и относительно того, отъ кого они исходятъ. Потому-то недостатокъ уваженія къ родителямъ и составляетъ одно изъ самыхъ противоестественныхъ явленій“...

Такихъ-же возрѣвій на воспитаніе и образованіе женщинъ придерживаются и всѣ другіе нѣмецкіе педагоги-теоретики: Каролина Рудольфи, Бетти Глеймъ, Карлъ Фрѣбель, Берта Альвеби, Эмилія Вюстевфельдъ и др. Всѣ они желали-бы, чтобы нѣмецкая дѣвушка обучалась немногому: Закону Божію, нѣмецкому языку, исторіи, географіи, музыкѣ, пожалуй, французскому языку, а главное,—чтобы она не разрывала связей съ семьей, съ домомъ, хозяйствомъ, женскими рукодѣльями.

И нужно сказать, что дѣйствительность не слишкомъ расходилась съ теоретическими требованіями нѣмецкихъ педагоговъ. Образованіе нѣмецкихъ женщинъ никогда не достигало той степени, на какой-бы его хотѣли видѣть женскіе эманципаторы. До 70-хъ годовъ текущаго столѣтія у нѣмцевъ было, собственно говоря, только два типа женскихъ учебныхъ заведеній: *низшее* и *высшее*. Въ первое поступали дѣти низшихъ сословій—мѣщанъ, купцовъ и разночинцевъ; въ послѣднее—дѣти привилегированныхъ сословій и высшихъ чиновниковъ; въ первомъ было отъ 1 до 4 классовъ; въ послѣднемъ— 6 классовъ; въ первомъ были преподаваемы слѣдующіе учебные предметы: Законъ Божій, счетъ въ особенности умственный, чистописаніе, нѣмецкій языкъ, рисованіе, швейное и женскія рукодѣлія; въ послѣднемъ—Законъ Божій, изящная литература, чистописаніе, правописаніе, нѣмецкая грамматика, нѣмецкій

стиль, французскій и англійскій языки, ариѳметика, исторія, географія, естественная исторія, физика, пѣніе, рисованіе и женскія рукодѣлія. Это, впрочемъ, была программа, которая не во всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ была выполняема въ точности. Во многихъ училищахъ не были преподаваемы, напр., языки—англійскій и французскій, въ другихъ они были предметами необязательными. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣвочки занимались 29 часовъ въ недѣлю (по пяти часовъ въ день); большинство учебныхъ часовъ (8 часовъ въ недѣлю) полагалось на урокъ женскаго рукодѣлья¹⁾; въ высшихъ шестиклассныхъ училищахъ дѣвицы занимались 181 часъ въ недѣлю²⁾. Наименованіе классовъ было тождественно съ тѣмъ, какого въ настоящее время придерживаются въ нашихъ институтахъ благородныхъ дѣвиць; самый старшій классъ назывался первымъ, самый младшій—шестымъ. Въ высшее училище принимались дѣвицы, имѣвшія одиннадцать лѣтъ отъ роду; классный комплектъ не былъ ограниченъ опредѣленнымъ количествомъ учениць и зависѣлъ исключительно отъ „благоусмотрѣнія“ училищнаго начальства. Правительственнаго контроля надъ ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла почти не существовало; точно опредѣленныхъ учебныхъ программъ также не было: какъ и что преподавать по тому или другому учебному предмету—всецѣло зависѣло отъ учителя, руководившаго обыкновенно или собственнымъ соображеніемъ или школьными традиціями.

Свящ. М. Бункевичъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ На обученіе Закону Божію полагалось 3 часа въ недѣлю, на чтеніе—6 часовъ, счетъ—3 часа, чистописаніе—3 часа, нѣмецкій языкъ—2 часа, умственныя упражненія—2 часа, рисованіе—одинъ часъ, пѣніе одинъ часъ и рукодѣліе—8 часовъ.

²⁾ Въ первомъ классѣ было 22 урока въ недѣлю, во 2-мъ—28, въ 3-мъ—35, въ 4-мъ—35, въ 5-мъ—34 и въ 6-мъ—32.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Окончаніе *).

XLIII.

Общее сужденіе о позитивизмѣ.—Близость позитивизма къ матеріализму.—Факты и идеи.—Почему позитивизмъ возвышаетъ значеніе фактовъ въ ущербъ значенія идей?—Необходимость изслѣдованія идей. Къ необходимости этой приводитъ самъ позитивизмъ.—Практическое значеніе знанія, или иначе, единство науки и жизни.—Главная идея позитивизма. Отсюда *теорія познанія* (наука о наукѣ) и *соціологія*—двѣ составныя части позитивной философіи.—Представляютъ-ли эти философскія науки, которыми ограничиваетъ себя позитивизмъ, дѣйствительно новое содержаніе, или это только другія названія для совокупности вопросовъ и различныхъ частей системы всегда входившихъ въ область философіи?

Съ перваго взгляда на позитивизмъ представляется главною въ немъ чертою—отсутствіе единства, системы. Можно подумать, что позитивизмъ, желая избѣгнуть участи прежнихъ системъ, которыя послѣдовательно одна другую вытѣсняли, рѣшилъ отвергнуть всякія попытки къ построецію системы въ самомъ ихъ основаніи. Для построенія системы необходимо установить, если не одно безусловное начало, то нѣсколько зависимыхъ одно отъ другаго началъ. Позитивизмъ же начинается съ того, что отрицаетъ всякія начала. Познаніе наше ограничено явленіями; между тѣмъ всякая попытка установить какое-либо начало есть уже выходъ изъ области явленій. Никакія положительныя начала для насъ невозмож-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 20.

ны, такъ какъ основанія вещей для насъ непознаваемы; возможенъ только отрицательный принципъ, который заключается въ требованіи, чтобы первыхъ причинъ не искать, ничего безусловнаго не полагать, а ограничивать изслѣдованіе областью относительнаго, въ отношеніи-же практическомъ довольствоваться настоящимъ міромъ. Такимъ образомъ позитивизмъ, не смотря на свое названіе, въ сущности опирается на принципъ отрицательномъ, и въ этомъ онъ соприкасается съ матеріализмомъ, который, призывая основнымъ началомъ всего матерію, поэтому самому, если не прямо отрицаетъ: то склоненъ отрицать все, чего нельзя вывести и изъяснить изъ основныхъ свойствъ и элементовъ матеріи. Мало того: позитивизмъ даже прямо ведетъ къ матеріализму. Отрицать всякія начала въ *равной мѣрѣ* невозможно; отрицаніе необходимо направляется противъ одного начала болѣе чѣмъ противъ другаго и то, которое менѣе отрицается, рѣшительный перевѣсъ получаетъ надъ другими, даже противъ воли отрицателей; ибо начавъ свое движеніе съ извѣстнаго пункта, мысль неуклонно продолжаетъ его далѣе, пока не достигнетъ крайняго предѣла, который и получаетъ для нея значеніе послѣдняго основанія или начала. Но само собою понятно, что именно въ томъ направленіи мысль устремляется до послѣдняго его основанія, въ какомъ наименѣе преграждается ей путь отрицаніемъ. Противъ очевидности нельзя спорить. А очевидность—свойство прежде всего принадлежащее чувственному наблюденію. Отсюда сенсуализмъ всегда служилъ прибѣжищемъ и опорною точкою для философскаго отрицанія. А начавъ признаніемъ внѣшнихъ чувствъ единственною основою всякой достовѣрности, мысль безъ всякаго труда приходитъ къ матеріализму. Правда, матерія какъ и всѣ абсолютныя начала, по ученію позитивизма, непознаваема, слѣдовательно, есть неизвѣстное въ сущности, и какъ неизвѣстное, не можетъ служить основаніемъ для изъясненія познаваемыхъ вещей. Но о непознаваемости матеріи можно говорить лишь въ смыслѣ философскомъ, она не можетъ быть предметомъ такого познанія, какового ищетъ философія, но она познаваема эмпирически какъ феноменъ, какъ нѣчто наполня-

ющее собою пространство и ощущаемое посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Философъ не удовлетворится такимъ познаніемъ, но коль скоро позитивизмъ утверждаетъ непознаваемость всякихъ сущностей и ограничиваетъ познаніе явленіями, то что мѣшаетъ послѣ этого феноменъ принимать за самую сущность. Притомъ-же въ практическомъ отношеніи безразлично, есть-ли то, что мы называемъ матеріею—феноменъ или сущность. Матеріальныя наслажденія и матеріальныя блага для человѣка ищущаго ихъ ничего не теряютъ отъ того, что имъ свойственно бытіе только феноменальное. Не таково отношеніе къ благамъ идеальнымъ. Тогда какъ, за отрицаніемъ познаваемости матеріи по сущности, остается еще эмпирическое познаніе матеріи, которая такимъ образомъ, представляется намъ какъ-бы существующею двоякимъ образомъ, какъ сущность и какъ феноменъ, объекты идеальныя постижимы только для мысли, а въ явленіи, т. е. чувственнымъ образомъ, не даны; поэтому отрицаніе познаваемости таковыхъ объектовъ означаетъ, что они никакимъ образомъ для насъ не даны, иначе сказать, не существуютъ для насъ. И такъ, не смотря на кажущееся безпристрастіе, съ какимъ позитивисты всѣ основныя начала, всѣ сущности, о которыхъ спорили и учили прежніе философы, относятъ къ области непознаваемаго,—преимущество оказывается при этомъ все-же на сторонѣ матеріальныхъ началъ.

Отрицая всякія начала, какъ относящіяся къ области непознаваемаго, позитивизмъ, вмѣсто принциповъ, рѣшающее значеніе придаетъ *фактамъ*. Но факты имѣютъ далеко не равное значеніе. Усвоеніе фактамъ непринадлежащаго имъ значенія безспорно является въ позитивизмѣ послѣдствіемъ того, что онъ операется главнымъ образомъ на науки опытныхъ. Однако позитивизмъ не хочетъ ограничивать себя тою областью, которая подлежитъ разсмотрѣнію наукъ опытныхъ, и гдѣ дѣйствительно факты имѣютъ важнѣйшее значеніе уже потому, что здѣсь всякій фактъ есть выраженіе закона. Позитивизмъ устанавливаетъ извѣстный образъ мышленія и уже поэтому самому простираетъ свое господство и на жизнь практическую; здѣсь-же факты не всегда служатъ

выраженіемъ закона, но иногда являются выраженіемъ беззаконія; поэтому признаніе рѣшающаго значенія фактовъ, въ области естествознанія необходимое и вполнѣ понятное, перенесенное на явленія практической жизни, переходитъ въ возвеличеніе насилія и беззаконія на степень права и закона. Впрочемъ слѣдуетъ различать двоякое отношеніе къ явленіямъ практической жизни: *теоретическое*, когда они обращаются въ предметъ наблюденія и изученія, и отношеніе *практическое*, когда данные факты обращаются въ средство достиженія извѣстныхъ цѣлей, или когда для противодѣйствія однимъ фактамъ производится рядъ другихъ фактовъ. Теоретическое отношеніе къ фактамъ практической жизни, устанавливаемое позитивизмомъ, таково: въ области, подлежащей изученію естествознанія, важное значеніе фактовъ основывается на томъ, что при тѣхъ-же условіяхъ и обстоятельствахъ обыкновенно происходятъ тѣ-же явленія; на этомъ основаніи отдѣльные факты служатъ показателями закономѣрныхъ отношеній между отдѣльными явленіями и цѣлыми рядами явленій. Въ жизни практической, гдѣ важное значеніе принадлежитъ волѣ человѣческой, никакой фактъ не имѣетъ столь всеобщаго значенія самъ по себѣ, а потому здѣсь берется во вниманіе *количество* ¹⁾ одинаковыхъ фактовъ (статистика); напримѣръ, о просвѣщеніи судятъ не потому, какія книги выходятъ и распространяются, а сколько ихъ появляется въ извѣстный промежутокъ времени; такому взгляду на явленія жизни соотвѣтствуетъ то практическое къ нимъ отношеніе, которое придаетъ рѣшающее значеніе количеству голосовъ и возводитъ на степень закона волю относительнаго большинства. Подобный способъ рѣшенія вопросовъ практической жизни мало способствуетъ развитію важнѣйшаго въ практической жизни качества — предусмотрительности. Кто довольствуется простымъ исчисленіемъ фактовъ, вмѣсто того, чтобы впикать въ ихъ смыслъ, или иными сло-

¹⁾ Количественныя понятія (математическія) въ естествознаніи важное значеніе имѣютъ. Отсюда позитивизмъ стремится качественныя различія, въ психологіи напр. свести къ количественнымъ разностямъ.

вами, кто смыслъ фактовъ опредѣляетъ ихъ числомъ и никакой иной мѣрки не допускаетъ, тотъ всегда легко можетъ ошибиться въ своихъ расчетахъ и предположеніяхъ.

Не можетъ быть и рѣчи о томъ, что факты величайшее значеніе имѣютъ, но только при условіи, если надлежащимъ образомъ ими пользуются, т. е. съ разумѣніемъ предмета или той области явленій, къ которой они относятся. Съ точки зрѣнія сенсуализма, которому въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ позитивизмъ,—разумѣніе есть необходимое послѣдствіе постепеннаго суммированія или накопленія въ нашемъ умѣ фактическихъ свѣдѣній. Не въ томъ-ли различіе знанія или и пониманія отъ вымысловъ, что первое утверждается на фактахъ, между тѣмъ, какъ вымыслы происходятъ отъ пренебреженія къ фактамъ и предоставленія полной свободы воображенію? Но для того, чтобы явилась у насъ внимательность къ фактамъ, наблюдательность, для сего очевидно должна быть напередъ извѣстная цѣль, задача, вообще руководящая идея. И хотя-бы самая идея и была внушена извѣстными фактами, однако нельзя на этомъ основаніи полагать, что идея не что иное, какъ копія, простое отображеніе факта въ нашемъ сознаніи. Легко было-бы тогда имѣть идеи. Кому не извѣстно, что опытъ не всякаго научаетъ? Мы говоримъ, что факты внушаютъ идеи только по аналогіи, перенося таковую отъ людей на вещи; въ собственномъ и первоначальномъ смыслѣ только человекъ человеку можетъ внушать идеи, а первому человеку онѣ сообщены Богомъ, что и называется врожденностію. Что позитивизмъ въ образованіи нашего міросозерцапія или умонастроенія усвоетъ исключительное значеніе фактамъ, а участіе идей оставляетъ безъ вниманія,—объяснить это не трудно. Значеніе фактовъ съ большею ясностію и легкостію представляется чѣмъ значеніе идей; при томъ-же факты не зависятъ отъ нашего произвола, ибо если даже мы и участвуемъ въ совершеніи фактовъ, то разъ происшедшее въ значительной степени отрѣшается отъ нашей воли, между тѣмъ какъ идеи остаются постоянно въ зависимости отъ нея. (Мы можемъ принимать ихъ или не принимать, значительнымъ образомъ видоизмѣ-

нять), и этою чертою близко соприкасаются съ вымыслами, нерѣдко и смѣшиваются съ ними. Но сверхъ этихъ общихъ причинъ умаленія позитивизмомъ истиннаго значенія идей и даже пренебреженія къ нимъ, есть еще особыя причины наиболѣе характеризующія позитивизмъ. Для приверженцевъ идеи равенства долженъ представляться непріятнымъ фактъ неравенства умственныхъ дарованій. А въ чемъ-же именно и проявляется прежде всего это неравенство, какъ не въ скудости или обиліи? Чтобы по возможности умалить значеніе этого неравенства, съ одной стороны самыя идеи низводятъ на степень простыхъ копій, или малозначущихъ вымысловъ, а съ другой—и способность къ произведенію идей, что называется геніальностію, рассматривается какъ продуктъ ненормальной болѣзненной организаціи, слѣдовательно, какъ такое качество, которое не только не должно возбуждать зависти, а напротивъ достойно сожалѣнія. Стремленіе къ уравненію всякихъ интеллектуальныхъ развитій лежитъ въ существѣ эмпиризма и сенсуализма. Еще Бэконъ веруламскій замышлялъ создать такой инструментъ, пользуясь которымъ всякій могъ-бы сдѣлаться изобрѣтателемъ; такимъ инструментомъ казался ему индуктивный методъ. Позитивизмъ, полагая, что обязательное значеніе имѣютъ или должны имѣть только такія требованія и условія, которыя могутъ быть оправданы научнымъ образомъ, что научное знаніе единственный двигатель общественнаго прогресса, по этому самому стремится сдѣлать науку по возможности общедоступною, для всѣхъ одинаковою. Идея равенства выражается и въ томъ, что хотятъ основать общественную жизнь на такихъ началахъ, которыя повсюду были-ли одинаковы, имѣли-бы общечеловѣческой характеръ; установить и разяснить таковыя начала общественнаго устройства, равныя повсюду — задача соціологіи. Такъ идея равенства ведетъ къ космополитизму; съ другой-же стороны изъ идеи равенства вытекаетъ также требованіе и личной свободы и національной независимости. Такимъ образомъ и космополитизмъ и націонализмъ одинаково могутъ исходить изъ идеи равенства. Поэтому не сами по себѣ идеи національности и общечеловѣчности опредѣ-

ляютъ достоинство и характеръ дѣйствій и стремленій, но лишь то даетъ тѣмъ идеямъ такое или иное значеніе, что служить для нихъ подкладкою, или иначе, составляетъ ихъ содержаніе, безъ чего обращаются они въ пустыя слова. Говоря иначе, противоположность идеализма и реализма отражается также и на различномъ пониманіи какъ идеи національности, такъ равно и идеи человѣчности. Что общаго между либеральнымъ космополитизмомъ, въ основѣ котораго лежитъ натурализмъ, и братствомъ всѣхъ людей во Христѣ? Последнее есть *идеальная* цѣль, тогда какъ единство общечеловѣческое, подразумеваемое космополитизмомъ, есть единство *реальное*, единство, такъ сказать, зоологическое, а не нравственное. То-же должно сказать и о принципѣ національности. Идея національности получаетъ возвышенный нравственный характеръ, когда является символомъ духовныхъ благъ и преимуществъ, осуществляемыхъ чрезъ свободное развитіе дѣятельности въ религіозной, общественной и государственной жизни, въ области искусствъ и наукъ, въ такомъ направленіи и видѣ, чтобы плоды столь разнообразной дѣятельности могли возбуждать повсюду лишь невольное признаніе и уваженіе и достигать такимъ образомъ міроваго значенія. Но та-же идея національности можетъ служить выраженіемъ своекорыстія, жестокости, властолюбія и иныхъ пивменныхъ побужденій. Такимъ образомъ хотя позитивизмъ и отрицаетъ важное значеніе идей, противопоставляя идеямъ факты, однако скрытымъ основаніемъ такого отрицанія служитъ не что иное какъ *идея*, именно идея равенства.

Несомнѣнно, что для полноты познанія и разумѣнія необходимо ясное представленіе сколько фактическаго положенія вещей, столько же и тѣхъ законовъ или отношеній между ними, выраженіемъ которыхъ служитъ это положеніе. Фактическое положеніе вещей само по себѣ представляетъ задачу, разрѣшеніе которой можетъ дать лишь ясное пониманіе его причинъ и послѣдствій или цѣлей. Пониманіе же условій и цѣлей, или причинъ и послѣдствій возможно для насъ только тогда, если мы обладаемъ необходимыми для того идеями, именно относящимися къ той дѣйствительности,

которую въ означенныхъ отношеніяхъ требуется разъяснить. И если важно собирать фактическія свѣдѣнія, приводить ихъ въ порядокъ, распредѣлять, то почему же вмѣстѣ съ тѣмъ не изслѣдовать точно такимъ же образомъ и самыя идеи, и не это ли именно всегда было главнымъ дѣломъ философіи въ отличіе отъ наукъ эмпирическихъ? Теперь полагаютъ, что именно путемъ собиранія и распредѣленія фактическихъ свѣдѣній мы добываемъ идеи; ибо идея, мысль, вѣдь не что иное какъ обобщеніе, нѣкоторымъ образомъ сводъ въ одно цѣлое многихъ сходныхъ фактовъ представляемыхъ въ ихъ совокупности. Теперь говорятъ о коллективномъ (т. е. общественномъ) сознаніи. Что такое это коллективное сознаніе, какъ не обобщеніе или сведеніе въ одинъ общій типъ отдѣльныхъ личныхъ сознаній, или просто собраніе таковыхъ сознаній; подобнымъ же образомъ всякая общая идея есть собраніе сходныхъ эмпирическихъ представленій. А потому если предметъ философіи идеи, то задача ея должна состоять въ классификаціи частныхъ знаній, дабы, посредствомъ обобщенія ихъ, она могла добывать идеи, составляющія предметъ ея изслѣдованія. Но такъ ли именно добываются идеи, или же инымъ способомъ,—это еще требуется рѣшить, и такъ какъ объ этомъ могутъ быть, и дѣйствительно есть, различныя рѣшенія, то, слѣдовательно, необходимъ анализъ этихъ различныхъ рѣшеній; т. е. необходимо подвергнуть изслѣдованію различныя взгляды на познаніе, чѣмъ сразу философія принуждена войти въ область идей. Иное дѣло, если бы возможно было экспериментальное изслѣдованіе этого предмета, тогда, оставивъ безъ вниманія всякіе на него взгляды, надлежало-бы прямо обратиться къ изслѣдованію его. Между тѣмъ именно въ настоящемъ случаѣ невозможенъ такой вполне объективный, опытный методъ изслѣдованія, какимъ пользуются опытыя науки; возможно лишь внутреннее самонаблюденіе, отъ котораго совершенно неотдѣлимы и тѣ различныя взгляды на происхожденіе и значеніе идей.

Вопросъ о происхожденіи и взаимномъ отношеніи главныхъ, основныхъ идей имѣетъ чрезвычайную важность, какъ это видно уже изъ того, что позитивизмъ, не смотря

на явную въ немъ тенденцію—умалить значеніе идеальныхъ понятій, или разложить ихъ на фактическія данныя,—самъ, собственными основаніями, даетъ ясно видѣть необходимость изслѣдованія вопросовъ, которыми всегда занималась философія, вопросовъ, далеко уносящихъ нашу мысль за предѣлы эмпирической дѣйствительности. Нѣтъ сомнѣнія, что позитивизмъ не былъ бы столь распространеннымъ, если бы не было къ тому основаній въ самомъ духѣ нашего времени. Однако же этотъ духъ въ сущности представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе принципа уже давно утвердившагося въ общемъ сознаніи. Какъ извѣстно, въ эпоху среднихъ вѣковъ мало было соприкосновенія между жизнью практической и тогдашнею наукою. Новое время провозгласило тотъ принципъ, что наука должна развиваться въ постоянномъ живомъ взаимодействіи съ практической жизнью. Съ тѣхъ поръ мало по-малу развилось и утвердилось въ общественномъ сознаніи то убѣжденіе, что наука должна обнимать всѣ стороны жизни; всѣ потребности жизни общественной и государственной должны удовлетворяться не иначе какъ при посредствѣ науки—т. е. способами, которые должны быть прямо опредѣлены наукою или выработаны на основаніи научныхъ знаній; наука призвана служить нуждамъ жизни добываемыми ею знаніями; съ другой стороны и сама жизнь, производя все новыя и новыя потребности, расширяетъ чрезъ то вліяніе науки и открываетъ для нея новыя виды употребленія и приложенія ея знаній. А такъ какъ въ жизни приходится постоянно имѣть дѣло съ частными случаями, съ отношеніями вполне опредѣленными, то послѣдствіемъ этого является спеціализація знаній. Спеціализація знаній въ свою очередь рождаетъ потребность упорядоченія знаній, потребность установленія взаимной связи между ними и единства. Чтобы наука могла дѣйствительно овладѣть, такъ сказать, теченіемъ жизни, сдѣлаться для ней господствующею силою, для этого прежде всего сама она должна овладѣть собою; если бы она не была въ силахъ самое себя привести въ порядокъ, то какъ она можетъ сдѣлаться организующею силою въ практической жизни? Позитивизмъ именно и бе-

реть на себя эту задачу—установить классификацію знаній, привести науки въ порядокъ, такъ чтобы можно было смотрѣть на нихъ, какъ на единый организмъ, какъ на благоустроенную, по выраженію Бэкона,—республику. До сихъ поръ однако нѣтъ общепринятой классификаціи наукъ. Въ республикѣ знаній такъ же мало строгаго порядка и единства, какъ и въ республикахъ народныхъ. Во всякомъ государствѣ, хотя-бы то было государство республиканское, необходимы основные законы, относящіеся не къ частнымъ отношеніямъ и особымъ спеціальнымъ формамъ, входящимъ въ составъ государства, но къ самому государству, опредѣляющіе его устройство. Поэтому и въ республикѣ знаній не должна-ли быть наука основная,—и таковою можетъ быть только наука о самой наукѣ, или иначе, теорія познанія, ибо въ познаніи заключается существо науки. Такимъ образомъ послѣ неоднократныхъ, но тщетныхъ усилій создать классификацію знаній, пришли къ тому, что главною задачею философіи признали разъясненіе самого познанія. Съ перваго взгляда очевидно, что какъ и всякое сложное и важное дѣло, познавательная дѣятельность требуетъ извѣстной организаціи, и это называется методомъ. И такъ теорія познанія должна быть ничѣмъ инымъ, какъ методологіею. Она должна разъяснить методы практикуемые въ разныхъ наукахъ. Но извѣстно далѣе, что всякая организація только тогда будетъ жизненною и прочною, если имѣетъ для себя естественныя основанія, заключающіяся въ существѣ самаго дѣла. И не въ томъ-ли должны заключаться естественныя основанія всякихъ научныхъ методовъ, какъ умъ напѣ дѣйствуетъ, когда ищетъ познанія и что-либо познаетъ дѣйствительно, т. е. въ формахъ и законахъ познавательной дѣятельности ума. А разъясненіе таковыхъ формъ и законовъ всегда было дѣломъ логики. Такимъ образомъ и логика должна войти въ науку о познаніи. Правда, Тэнъ сдѣлалъ такую попытку построить теорію естественныхъ дѣйствій нашего ума и законовъ этихъ дѣйствій, которая могла-бы замѣнитъ старую логику, но мы видѣли насколько состоятельна эта теорія. Теорія Тэна объ умѣ такова, что самаго ума и не ока

зывается. Въмѣсто живой организующей силы, которая есть первообразъ всякихъ организмовъ и всякой организаціи, эта теорія подъ именемъ ума предлагаетъ какой-то механизмъ, котораго понять невозможно, въ которомъ ни какой умъ узнать себя не можетъ. Но въ чему направлены дѣйствія ума? Когда умъ ищетъ знанія, то объектомъ, на который направлены его дѣйствія, служитъ, говоря вообще, *бытіе*, все то, что мы представляемъ и притомъ необходимо представляемъ какъ существующее. Имѣя въ виду познать бытіе, умъ съ этою цѣлью и сообразуетъ свои дѣйствія. Но познаваемо ли бытіе вещей, и если познаваемо, то въ какой мѣрѣ,—во всемъ объемѣ или отчасти,—и что должно признать основаніемъ самого бытія вещей. Все это такіе вопросы, которыми всегда занималась метафизика. И такъ неужели и метафизику приходится отнести къ теоріи познанія. Позитивизмъ правда не хочетъ и знать никакой метафизики, однако на самомъ дѣлѣ, какъ оказывается, не возможно обойтись и безъ метафизики. Новая метафизика быть можетъ иначе будетъ рѣшать изслѣдуемые ею вопросы и иначе будетъ къ нимъ относиться чѣмъ старая, но все-же метафизика въ томъ или иномъ видѣ неминуема. Когда-же умъ вмѣсто познанія стремится къ произведенію переменъ въ существующемъ мірѣ ради осуществленія того, что представляется ему какъ благо, тогда объектомъ его дѣйствій служитъ не существующее, но могущее или долженствующее существовать. Прикладныя науки имѣютъ своею задачею способствовать произведенію цѣлесообразныхъ переменъ въ мірѣ физическомъ, пользуясь для этого силами и законами природы, по мѣрѣ того, какъ тѣ и другіе познаются; не только въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ нравственномъ, именно въ человѣческомъ обществѣ, еще болѣе необходимо совершеніе цѣлесообразныхъ переменъ, которыя способствовали-бы осуществленію наилучшаго устройства. И такъ какъ для этого необходимо познаніе натурального устройства общества и законовъ управляющихъ имъ, то должна быть спеціальная наука объ *обществѣ* (соціологія). Но прежде чѣмъ ставить такую задачу, слѣдовало-бы уяснить напередъ отношеніе между обществомъ и отдѣльною

личностию. Дѣло въ томъ, что физическая природа не измѣнится отъ того, какъ мы будемъ на нее смотрѣть и, потому можно изучать ее помимо всякихъ на нее взглядовъ. Общество-же человѣческое мы не можемъ отдѣлять отъ себя; мы входимъ въ него, дѣйствуемъ въ немъ, и своими взглядами на него, понятіями о немъ, мы вносимъ въ него такія или иныя переменныя, слѣдовательно, такъ или иначе образуемъ его. Поэтому, если мы хотимъ изучать общество, то прежде всего должны дать себѣ отчетъ въ томъ, что мы сами въ него вносимъ; и такъ какъ несомнѣнно всякое человѣческое общество зависитъ прежде всего отъ свойствъ человѣческой природы и главнымъ образомъ свойствъ духовныхъ,—ибо общество и жизнь общественная произведеніе духовныхъ свойствъ человѣка,—то, слѣдовательно, необходимо изученіе природы человѣка, которую каждый заключаетъ въ самомъ себѣ; отсюда науки: психологія, этика и др. Далѣе, такъ какъ изученіе общества человѣческаго должно служить только средствомъ къ управленію имъ, средствомъ къ созданію искусства руководить его къ достиженію высшей его цѣли, то надобно также знать какова цѣль общества, но помимо всякаго изученія общества, очевидно, что всегда преслѣдуются имъ цѣли многоразличныя, что эти цѣли предопредѣляются главнымъ образомъ исторією, но могутъ быть опредѣляемы и произвольно и даже иногда также произвольно навязываются ему. И чтобы общество могло съ успѣхомъ выполнять свое предназначеніе, достаточно-ли для этого одного знанія, или же кромѣ знанія необходима еще вѣра? Общество жило и живетъ несравненно въ большей степени вѣрою, чѣмъ знаніемъ; посему, какъ скоро знаніе является важнѣйшею изъ силъ общественныхъ, то необходимо очевидно установить правильный взглядъ на отношеніе между знаніемъ и вѣрою. По Спенсеру вѣра, какъ противоположность знанія, есть *незнаніе*, но очевидно, что это отрицательное опредѣленіе вѣры ничего не опредѣляетъ, не даетъ никакого объ ней понятія. Спенсеръ раздѣляетъ познаваемое отъ непознаваемаго, смотря на послѣднее, какъ на границу перваго. И такъ, если познаніе соотвѣтствуетъ познаваемому какъ своему объекту, то вѣрѣ

соотвѣтствуетъ непознаваемое; иначе сказать, — непознаваемое есть объектъ познанія; но вѣдь незнаніе можетъ также относиться и къ познаваемому. Чѣмъ-же различается то незнаніе, которое подъ именемъ вѣры имѣетъ своимъ предметомъ непознаваемое, — отъ незнанія, которое бываетъ и въ отношеніи къ предметамъ познаваемымъ. Важно разумѣется это различіе, и имъ только можетъ опредѣляться вѣра, а не тѣмъ, что она есть незнаніе. Противоположность вѣры и знанія, такимъ образомъ, не совпадаетъ съ противоположностію знанія и незнанія и есть иная, отличная отъ этой послѣдней. Въ одномъ случаѣ положительному понятію противопоставляется отрицательное; въ другомъ-же случаѣ оба противоположные члена одинаково положительны.

Итакъ мы снова наталкиваемся на вопросъ старый, который, пожалуй, многіе готовы признать давно уже отжившимъ свое время. Нѣтъ, не самый вопросъ, если только онъ принадлежитъ къ числу коренныхъ, а таковъ безспорно вопросъ о вѣрѣ и знаніи, но только формы вопроса измѣняются дѣйствительно сообразно со вновь нарождающимися условіями и потребностями времени.

Такимъ образомъ и общее обозрѣніе позитивизма несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что ничего новаго въ сущности онъ не представляетъ; напротивъ, все тѣ-же вопросы, которыми занималась философія, и въ позитивизмѣ имѣютъ мѣсто; и хотя позитивизмъ, вмѣсто прежней философіи, повидимому, создалъ новыя спеціальныя науки, — науку о познаніи и науку объ обществѣ (соціологія), но ближайшее разсмотрѣніе задачъ, подлежащихъ изслѣдованію этихъ наукъ, показываетъ, что эти науки безъ остатка распадаются на отдѣльныя составныя части философскихъ системъ прежняго времени, или пожалуй на отдѣльныя философскія науки, по такія, которыя всегда существовали.

П. Липицкій.

ОНТОЛОГІЯ

или

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О БЫТИИ ВООБЩЕ.

(По В. Вовне'у).

— — — — —
(Продолженіе *).

V.

О ВЗАИМОДѢЙСТВІИ.

1. Какъ возможно взаимодействіе? Отличіе этого вопроса отъ проблемы касательно имманентнаго дѣйствія.—2. Популярныя объясненія взаимодействія. Мнѣніе о томъ, что вещь можетъ переносить свои состоянія на другія вещи.—3. Ученіе о переходящемъ вліяніи однихъ вещей на другія.—4. Взглядъ физиковъ.—5. Попытки устранить понятіе о взаимодействіи. Окказіонализмъ.—6. Позитивизмъ.—7. Нигилистическій сенсуализмъ.—8. „Предустановка гармонія“ Лейбница.—9. Необходимость признать существованіе между вещами абсолютной и всеобъемлющей гармоніи.—10. Невозможность взаимодействія между независимыми вещами. Необходимость единой основы міра.

1. Относительно взаимодействія мы не имѣемъ никакого опыта въ собственномъ смыслѣ. Что оно возможно, это—не фактъ опыта, а необходимый выводъ нашего ума. Можно было бы подумать, что въ хотѣніи, производящемъ мускульное движеніе, мы имѣемъ непосредственный опытъ между душею и гѣломъ; но это заблужденіе. Все, что мы здѣсь узнаемъ, состоитъ въ томъ, что по случаю какого-нибудь хотѣнія происходятъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 19.

извѣстныя физическія измѣненія; но о природѣ этой связи мы не знаемъ ровно ничего. Конечно, физическое состояніе наступаетъ лишь какъ слѣдствіе душевнаго состоянія; но почему одно должно сопровождаться другимъ, или какова можетъ быть природа этой связи, это такъ-же неизвѣстно, какъ, напримѣръ, сущность тяготѣнія. Мы часто вводимся въ заблужденіе въ этомъ пунктѣ нашимъ чувственнымъ опытомъ. Мы воображаемъ, что чувствуемъ, какъ наша собственная сила переходитъ на тѣло и управляетъ имъ. Является извѣстное чувство усилія, и мы, повидимому, такъ провидаемъ тѣло, что наша собственная духовная сила приходитъ въ соприкосновеніе съ реальностію. Но чувство напряженія и усилія въ мускулахъ въ такихъ случаяхъ есть только реакція организма на хотѣвіе и имѣетъ своей функціей единственно указать намъ, какъ намъ соразмѣрять свою дѣятельность. Сама въ себѣ воля такъ-же неограниченна и безстрастна, какъ и представленіе, и когда бывають достигнуты предѣлы физической возможности, препятствіе оказывается не въ волѣ, но въ машинѣ. Мы должны сказать, такимъ образомъ, что мы не имѣемъ собственно опыта взаимодѣйствія, но только опытъ предшествованія и слѣдованія. Оно остается скорѣе проблемой мысли, чѣмъ даннымъ опыта.

Это приводитъ насъ къ вопросу: какъ возможно взаимодѣйствіе? На первый взглядъ казалось-бы, что этотъ вопросъ такъ-же неразрѣшимъ, какъ и вопросъ о томъ, какъ возможно имманентное дѣйствіе? И если мы признаемъ, что никакого отвѣта нельзя дать на послѣдній вопросъ, то есть-ли какое-нибудь основаніе для надежды получить его въ отношеніи взаимодѣйствія? Мы думаемъ, что есть различіе между этими проблемами, которое дѣлаетъ необходимымъ различное къ нимъ отношеніе. Понятіе взаимодѣйствія, въ частности, заключаетъ въ себѣ одну трудность, которая не существуетъ въ вопросѣ объ имманентномъ дѣйствіи. Каждая вещь, которая должна дѣйствовать на какую-нибудь другую вещь, должна выходить сама изъ себя или выходить за предѣлы себя самой. Но какъ можетъ вещь переходить за предѣлы самой себя и дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ? Далѣе, обычнымъ понятіемъ о вещи

подразумѣвается, что она самососредоточена и имѣетъ основаніе своего существованія въ самой себѣ. Но если вещь должна воспринимать на себя дѣйствіе со стороны какой-нибудь другой вещи, то существованіе ея должно быть опредѣляемо не только изнутри, но и извнѣ. Основаніе ея бытія, слѣдовательно, заключается не въ ней самой только, но также и въ другихъ вещахъ. Мы видѣли въ изслѣдованіи объ измѣненіи, что каждое опредѣленное обнаруженіе предполагаетъ опредѣленную форму бытія; и такъ какъ въ системѣ взаимодействія каждая вещь дѣлаетъ то, что она дѣлаетъ, вслѣдствіе ея отношенія къ другимъ вещамъ, то слѣдуетъ отсюда, что въ такой системѣ каждая вещь есть то, что она есть, только въ отношеніи къ другимъ вещамъ. Здѣсь индивидуальность, которую признаетъ обычная мысль, приходитъ въ столкновеніе съ общностью, которую устанавливаетъ взаимодействие. Эти трудности не существуютъ въ отношеніи имманентнаго дѣйствія, и онѣ то дѣлаютъ вопросъ о взаимодействіи отдѣльной особенной проблемой.

2. Отвѣты, даваемые на этотъ вопросъ популярною мыслию, суть мнимые отвѣты. Напр., говорится, что одна вещь переноситъ свое состояніе на другую вещь, составляющую предметъ дѣйствія, и это перенесеніе есть дѣйствіе. Но это мнѣніе обязано своимъ существованіемъ крайнему поработенію ума чувствамъ. Оно просто есть одна изъ произвольныхъ гипотезъ здраваго смысла и приноситъ мало пользы воображенію. Дѣйствіе понимается, какъ вещь, которая можетъ быть переносима съ чего-нибудь одного на что-нибудь другое. Но когда этотъ взглядъ принимается въ строгомъ смыслѣ, онъ сразу встрѣчаетъ роковое возраженіе, что состоянія, положенія и атрибуты суть ничто отдѣльно отъ субъекта. Какъ такия, они не допускаютъ никакого перенесенія. Прилагательное не имѣетъ значенія безъ существительнаго и было-бы невозможно безъ него. Но человѣческій умъ имѣетъ упорное стремленіе олицетворять свои абстракціи; въ особенности легко могутъ быть принимаемы за вещи тѣ абстрактныя существительныя, которыя наиболѣе часто употребляются. Такъ эмпирики отрываютъ ощущенія, которыя всегда познаются только какъ

состоянія духовнаго субъекта, отъ единственной связи, въ которой они имѣютъ какой-нибудь смыслъ, и потомъ выставляють ихъ, какъ источникъ самаго духа. Факты, которые привели къ этому понятію о перенесеніи состояній, суть преимущественно явленія тепла и движенія. Здѣсь мы видимъ дѣйствія, которыя могутъ быть довольно хорошо описаны, какъ перенесеніе или передача состоянія. Движущееся тѣло приводитъ другое тѣло въ движеніе и теряетъ свое собственное. Горячее тѣло нагрѣваетъ другое тѣло и остываетъ само въ той же степени. Магнитъ приводитъ другое тѣло въ магнетическое состояніе и кажется сообщившимъ ему свое собственное состояніе. Это—факты, давные для объясненія. Обычною мыслию принимается, что дѣятель въ такомъ случаѣ переноситъ свое состояніе; но это—только описаніе, а не объясненіе. И даже какъ описаніе, это—не точно; потому что то, что мы дѣйствительно видимъ, есть распространеніе даннаго состоянія, а не передача или перенесеніе его. Состояніе не можетъ быть передаваемо или переносимо, потому что понятіе о состояніи или положеніи безъ субъекта невозможно въ мысли. Фактъ въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что движущееся, или нагрѣтое, или магнетическое тѣло нѣкоторымъ, совершенно таинственнымъ, образомъ распространяетъ свое состояніе на другое тѣло. О внутренней природѣ этого процесса мы ничего не знаемъ, и мнимое его объясненіе есть только простое описаніе. Даже въ случаяхъ прикосновенія процессъ одинаково таинственъ. Мы видимъ результаты и воображаемъ, что понимаемъ способъ его происхожденія; но ничто въ пространственномъ соприкасаніи не можетъ объяснить результатовъ прикосновенія, кромѣ глубокаго онтологическаго отношенія между тѣлами, которое производитъ притяженіе или отталкиваніе между ними. Къ этимъ соображеніямъ нужно прибавить далѣе тотъ фактъ, что взаимодействіемъ не предполагается, чтобы дѣйствіе было непременно подобно своей причинѣ; напротивъ, въ большей части случаевъ взаимодействія дѣйствіе совершенно не похоже на причину. Въ вещи, подвергающейся дѣйствію, вызывается новое состояніе, но состояніе совершенно не похожее на состояніе самаго дѣятеля.

Какъ ни кажется пустымъ этотъ взглядъ на перенесеніе состояній, если внимательно разсмотрѣть его, онъ однако-же имѣлъ большое вліяніе въ исторіи философіи. Пресловутая фраза, что „только подобное можетъ дѣйствовать на подобное“, есть тотъ-же самый взглядъ въ другой формѣ. Этотъ ложный принципъ нашелъ свое преимущественное примѣненіе въ изслѣдованіи взаимодѣйствія между душою и тѣломъ, и какъ идеалистическія, такъ и матеріалистическія заключенія основывались на немъ. Если выходили изъ реальности тѣла, то душа выводима была до матеріальнаго существованія. Если душу дѣлали исходнымъ пунктомъ, то, естественно, было невозможно получить реальнаго тѣла иначе, какъ актомъ вѣры. Отсюда окказіонализмъ картезіанцевъ и Мальбраншева теорія видѣнія всѣхъ вещей въ Богѣ. Но это положеніе, что „подобное можетъ дѣйствовать только на подобное“, главнымъ образомъ основано на мысли, что во взаимодѣйствіи вѣчто оставляетъ дѣятеля и переходитъ на предметъ дѣйствія. При этомъ предположеніи мы видимъ необходимость такого утвержденія; потому что какъ могло-бы матеріальное состояніе перейти на духовное существо? И какъ-бы могло духовное состояніе перейти на матеріальную вещь? Матеріальное состояніе должно быть причастнымъ природѣ духа, и духовное состояніе должно быть причастнымъ природѣ матеріи. Оба однако-же должны быть несходными. Отсюда сдѣлано было заключеніе, что тѣло и душа не могутъ воздѣйствовать другъ на друга, точно также какъ не могутъ дѣйствовать другъ на друга какія-нибудь другія двѣ вещи, насколько онѣ не сходны между собою. Единственная истина въ этомъ ученіи состоитъ въ томъ, что вещи, совершенно и существенно не соотносящіяся между собою, никогда не могутъ вступать въ отношенія взаимодѣйствія, и что, поэтому, всякое истинное бытіе должно составлять рядъ, безъ всякихъ абсолютныхъ противоположностей. Дѣйствительная трудность состоитъ не въ томъ, какъ подобное можетъ дѣйствовать на неподобное, но въ томъ, какъ вообще какія-нибудь двѣ вещи могутъ дѣйствовать одна на другую. Почему состояніе одной вещи должно опредѣлять собою состояніе иной вещи?

3. Другое вербальное рѣшеніе данной проблемы содержится въ понятіи о переходящемъ вліяніи, которое, переходя, дѣйствуетъ на предметъ. Но противъ этого взгляда существуетъ то-же самое возраженіе, что и противъ предыдущаго. Если подъ вліяніемъ мы разумѣемъ единственно дѣйствіе, мы только другими словами выражаемъ проблему; если-же мы разумѣемъ нѣчто большее, мы дѣлаемъ вліяніе вещью; и потому мы должны показать: 1) что такое вещь, которая переходитъ; 2) чѣмъ эта переходящая вещь отличается отъ вещей, между которыми она переходитъ; 3) каково отношеніе переходящей вещи къ той вещи, отъ которой она переходитъ; 4) гдѣ дѣйствующая вещь достаетъ запасъ вещей, которыя она выдѣляетъ изъ себя; и 5) какъ переходящая вещь могла-бы дѣлать что нибудь большее, чѣмъ первоначальная вещь, отъ которой она происходитъ. Попытка отвѣтить на эти вопросы обнаружить чисто вербальный характеръ этого объясненія посредствомъ переходящихъ вліяній. Главная трудность, по мнѣнію многихъ мыслителей, состоитъ въ томъ, чтобы понять, какъ вещь можетъ дѣйствовать черезъ пустое пространство; поэтому, они думаютъ, что если-бы что-нибудь могло проходить чрезъ пустоту и занимать мѣсто возлѣ вещи, служащей предметомъ дѣйствія, то вся трудность исчезла-бы. Они представляютъ дѣйствіе на разстояніи настоящимъ затрудненіемъ въ вопросѣ о взаимодѣйствіи. Но, по-истинѣ, трудность состоитъ не въ дѣйствіи черезъ пустое пространство, а во взаимодѣйствіи между индивидуальностями. Если мы представимъ себѣ двѣ вещи, разсматриваемыя, какъ независимыя и самососредоточенныя, занимающими даже одинъ и тотъ-же пунктъ въ пространствѣ, мы ни на шагъ не подвинемся въ уразумѣніи того, почему онѣ не должны оставаться столь-же безразличными одна къ другой, какъ и прежде. Смежность въ пространствѣ помогаетъ воображенію, а не разуму. Очевидно, что это понятіе о переходящемъ вліяніи есть только уловка воображенія, не проливающая никакого свѣта на вопросъ, если внимательно разсмотримъ ее.

4. Съ этимъ взглядомъ сходенъ обычный взглядъ физиковъ, по которому между вещами существуетъ игра силъ, произво-

дящихъ дѣйствій. Но этотъ взглядъ также не болѣе, какъ уловка воображенія и ничего не объясняетъ. Фактъ, подлежащій объясненію, состоитъ въ слѣдующемъ, если свести его къ простѣйшему его выраженію: когда А измѣняется, В, С и т. д. также измѣняются въ опредѣленномъ порядкѣ и степени. Чтобы объяснить этотъ фактъ, говорятъ, что между А, В, С и т. д. дѣйствуютъ извѣстныя силы. Но здѣсь, какъ и по теоріи переходящаго вліянія, сила должна быть или просто названіемъ формы дѣятельности, или вещью; а ни та, ни другая альтернатива не допустима. Если сила—простое названіе формы дѣятельности, она ничего не объясняетъ; если-же она—вещь, то это еще болѣе осложняетъ вопросъ. Всѣ выше поставленные вопросы о вліяніи возникаютъ и относительно силы. Такимъ образомъ, наши затрудненія возрастаютъ и никакого объясненія не получается. Кромѣ того, мы видимъ, что сила есть только отвлеченіе отъ формы дѣятельности вещи. Вещи дѣйствуютъ не потому, что онѣ имѣютъ силы; но онѣ сами дѣйствуютъ, и на основаніи этой дѣятельности умъ образуетъ абстракцію силы. Сказать, что вещи держатся одна возлѣ другой вслѣдствіе своего притяженія, значитъ только описать фактъ. Между вещами нѣтъ притяженія, которое, подобно тонкимъ нитямъ, связывало-бы ихъ между собою. Оно есть только отвлеченіе отъ того факта, что сосуществующія матеріальныя вещи при извѣстныхъ условіяхъ стремятся одна къ другой. Оно не даетъ никакого объясненія самаго факта или его возможности. Далѣе, о вещахъ часто говорится, что онѣ имѣютъ сферу силы около себя; но это также есть только описаніе фактовъ. Единственная реальность—это вещи, и между ними и за ними нѣтъ ничего; но вещи не безразличны одна къ другой, а причастны измѣненіямъ одна другой. Это отношеніе можно иллюстрировать слѣдующимъ образомъ: если мы представимъ себѣ совершенно эластичную систему въ равновѣсіи, то каждое перемѣщеніе одной какой-нибудь части системы потребовало-бы приспособленія или соотвѣтственнаго перемѣщенія всѣхъ другихъ частей, такъ чтобы равновѣсіе вновь возстановилось. Такимъ образомъ, измѣненіе въ одной какой-нибудь части влечетъ за собою измѣненіе во всѣхъ частяхъ.

Существующая система вещей предполагаетъ именно такую общность бытія, обозначаемую Or. Коетомъ *consensus univèrsel*, другими мыслителями—*consensus communis*. Положеніе и состояніе каждой вещи имѣетъ значеніе для цѣлаго, и каждому измѣненію въ одной какой-нибудь части соотвѣтствуетъ какое-нибудь измѣненіе во всѣхъ остальныхъ частяхъ. Но какъ могутъ независимыя вещи находиться въ такихъ отношеніяхъ общности и взаимодѣйствія? Теорія силъ, которыя дѣйствуютъ между вещами, только описываетъ самый фактъ; въ качествѣ объясненія, она несостоятельна до смѣшного. Въ самомъ дѣлѣ, допущеніе того, что эти силы, служація посредницами между вещами, суть только отвлеченія отъ факта, подлежащаго объясненію, сводитъ физическую теорію на представленную гармонію Лейбница. Каждая вещь предполагается индивидуальной и ни даетъ, ни получаетъ ничего. Вещи движутся въ параллельныхъ линіяхъ. Но въ этомъ существенно и состоитъ теорія Лейбница.

5. Такъ какъ понятіе о взаимодѣйствіи столь темно и исполнено трудностей, то нѣкоторые мыслители считали нужнымъ совсѣмъ устранить его изъ системы. Попытка такого рода разнообразна. Физики, придерживающіеся механическаго міровоззрѣнія, болъшею частію старались всякое взаимодѣйствіе свести на механическое прикосновеніе, въ надеждѣ устранить трудность его объясненія. Въ частности, они воображали, что вопросъ о тяготѣніи былъ-бы очень упрощенъ, если-бы притяженіе было выведено изъ соприкосновенія. Но эта попытка неудачна въ физикѣ и еще болѣе неудачна въ метафизикѣ. Мы уже указывали на то, что прикосновеніе не имѣло бы никакого результата внѣ системы взаимодѣйствія. Философскія попытки устранить понятіе о взаимодѣйствіи суть: 1) окказіонализмъ, 2) позитивизмъ, 3) нигилистическій сенсуализмъ и 4) представленная гармонія Лейбница. Мы рассмотримъ ихъ по порядку.

Теорія окказіонализма явилась спеціально по поводу трудности уразумѣнія взаимодѣйствія между тѣломъ и душой. Декартъ сдѣлалъ противоположность между духомъ и матеріей столь рѣшительной, что не оставалось болѣе никакой возмож-

ности для ихъ соединенія. Но такъ какъ они кажутся находящимися во взаимодѣйствіи, то его ученики изобрѣли теорію случайныхъ причинъ для объясненія этого взаимодѣйствія. По этому взгляду, измѣненіе въ вещи А ни коимъ образомъ не составляетъ причины измѣненія въ вещи В, а только его поводъ. Раздраженіе нерва не причиняетъ ощущенія, но по поводу раздраженія чувствительнаго (сенсорнаго) нерва возникаетъ ощущеніе. Обратное, хотѣніе не причиняетъ никакого физическаго движенія, но по поводу хотѣнія происходитъ соотвѣтствующее мускульное движеніе. Этотъ взглядъ, если принять его за полное и окончательное рѣшеніе вопроса, совершенно неудовлетворителенъ. Онъ сразу ведетъ къ идеализму. Внѣшній міръ полагается нами только какъ объясненіе нашего внутренняго опыта; и такъ какъ, по предположенію, внѣшній міръ не дѣйствуетъ на насъ, то нѣтъ болѣе никакого раціональнаго основанія для утвержденія его существованія. Мы можемъ достигнуть внѣшняго міра только актомъ липенной основанія вѣры или-же, какъ Мальбраншъ, опираясь на откровеніе. Но даже если мы удержимся отъ этой крайности, разсматриваемая теорія все-таки несостоятельна; потому что измѣненіе въ вещи А не можетъ быть собственно поводомъ къ измѣненію въ вещи В безъ взаимодѣйствія между ними. Если измѣненіе въ В не опредѣляется измѣненіемъ въ А, и оба измѣненія не причиняются взаимно, но ихъ совмѣстное происхожденіе есть безпричинное совпаденіе. Въ такомъ случаѣ міръ представляетъ безусловный плюрализмъ. А, В, С, D и т. д. всѣ взаимно независимы, и всѣ ихъ измѣненія также взаимно независимы. Какая-бы система ни существовала въ мірѣ, она была-бы чистымъ совпаденіемъ, безъ причины и безъ всякой устойчивости. Сами картезіанцы не доводили разсматриваемаго взгляда до такихъ предѣловъ. Они принимали реального дѣятеля, но считали такимъ дѣятелемъ Бога. И даже этотъ взглядъ ведетъ прямо къ идеализму. Дѣятельности матеріи обыкновенно понимаются, какъ чисто внѣшнія; и, по предположенію, эти внѣшнія дѣятельности суть дѣятельности не матеріи, а Бога. Если теперь смотрѣть на матерію, какъ на лишнюю своего субъекта, то она не имѣетъ никакой

дѣятельности и становится несуществующей. Она ничего не дѣлаетъ и сама есть ничто. Окказіонализмъ возможенъ какъ состоятельная система, только между конечными духами; и даже тогда онъ не устранилъ-бы общей проблемы касательно взаимодѣйствія, потому что было-бы необходимо признать взаимодѣйствіе между конечнымъ и безковечнымъ.

6. Другой взглядъ, взглядъ позитивизма, признаетъ всякое изслѣдованіе о причинахъ и бесполезнымъ, и безнадежнымъ. Этотъ взглядъ ограничиваетъ научное знаніе только изслѣдованіемъ феноменовъ. Когда мы имѣемъ ряды сосуществованія и послѣдовательности между феноменами, мы имѣемъ все, что практически цѣнно въ научномъ изслѣдованіи. Мы можемъ тогда угадывать прошедшее и предвидѣть будущее. Всякое другое знаніе не доступно, и доискиваться его есть только напрасная потеря времени. Мы можемъ наблюдать, что $A + B$ сопровождаются C , и этимъ наблюденіемъ исчерпывается все, что цѣнно на дѣлѣ.

Какъ правило для практическаго знанія, этотъ взглядъ не лишенъ значенія. Практически безразлично, смотримъ-ли мы на испорченный воздухъ, какъ на поводъ, причину или неизмѣнное предшествующее головной боли. Главное дѣло—знать, что это такъ, и дѣйствовать согласно съ этимъ. Равнымъ образомъ безразлично, смотримъ-ли мы на данное лекарство, какъ на поводъ, предыдущее, или причину возстановленія здоровья; важно знать, что употребленіе его сопровождается излеченіемъ, даже если мы не знаемъ, какъ или почему. Тѣ-же самыя соображенія прилагаются ко всѣмъ вопросамъ практическаго знанія. Ученые такъ часто были отвлекаемы отъ практическихъ изслѣдованій пустыми изысканіями касательно метафизическихъ причинъ, что можно вполне сочувствовать О. Контю въ его порицаніи ноуменальнаго изслѣдованія и можно также вполне повимать тотъ энтузіазмъ, съ какимъ было принято и проповѣдуемо новое философское евангеліе. Но позитивисты не удовольствовались провозглашеніемъ недоступности метафизическихъ причинъ: они не логично перешли къ отрицанію этихъ причинъ и, такимъ образомъ, сами сдѣлались метафизиками. Хотя мы отдаемъ всю справедливость позитивизму, какъ ме-

тому практическаго изслѣдованія, мы должны все-таки настаивать, что метафизически онъ совершенно несостоятеленъ; потому что въ томъ, что $A+B$ должны сопровождаться C , а не X , $A+B$ должны опредѣлять собою C и исключать X . Безъ этого предположенія каждая вещь могла-бы сопровождаться всякою другою вещію или ничѣмъ. Каждый феноменъ былъ-бы независимъ; онъ не былъ-бы опредѣленъ ни предыдущими, ни сосуществующими съ нимъ феноменами. Всякая связь бытія исчезла-бы, и остался-бы одинъ только магическій или безпричинный рядъ явленій. Сегодня не зависѣло-бы отъ вчера и не имѣло-бы вліянія на завтра. Позитивизмъ дѣлается возможнымъ, какъ крайняя теорія, только благодаря не критическому вліянію здраваго смысла, который, мало заботясь о философскомъ изслѣдованіи даннаго предмета и еще менѣе понимая его, всегда покровительствуетъ увлекающемуся въ крайность мыслителю, давая ему убѣжище отъ его собственныхъ мнѣній.

7. Такое-же сужденіе должно быть высказано и относительно нигилистическаго сенсуализма. Эта школа, выходящая изъ того предположенія, что ощущеніе есть единственный источникъ познанія, утверждаетъ, что чувственный опытъ никогда не можетъ дать знанія о причинности, и что, поэтому, нѣтъ ничего такого въ природѣ. Если мы согласимся съ посылкою, естественно, должны признать и заключеніе, вытекающее изъ этой посылки; такъ какъ вполне очевидно, что причинность не можетъ быть наблюдаема. Все, что мы можемъ видѣть, есть рядъ перемѣнъ; опредѣляющая ихъ дѣятельность есть умственная прибавка; и если духъ признается ничего не прибавляющимъ къ званію, то мы должны отвергнуть причинныя сужденія со всѣми слѣдствіями, которыя оно въ себѣ заключаетъ. Но послѣ того, какъ мы дошли до этого пункта, является реакція; и эмпиризмъ падаетъ въ попыткѣ объяснить наше убѣжденіе въ причинности. Если-бы это ученіе было вѣрно, то всѣ, претендующія что-либо объяснить, убѣжденія, такъ-же, какъ и всѣ внѣшнія явленія, должны были-бы прекратиться. Но начиная съ Юма, всѣ эмпирики заботливо старались уничтожить свою собственную систему, пользуясь понятіемъ причинности для оправданія своего собствен-

наго дѣла разрушенія. Ихъ объясненіе неизмѣнно состоитъ въ олицетвореніи ощущеній и приписываніи имъ притяженій и отталкиваній между собою; эмпирики утверждаютъ, что эти олицетворенныя ощущенія своими взаимодействіями опредѣляютъ и объясняютъ убѣжденіе въ причинности. Такимъ образомъ, очевидно, что эмпиризмъ подрываетъ причинность при помощи самой-же причинности.

Несостоятельность эмпиризма очевидна во всѣхъ его теоріяхъ духа. Одна изъ странностей, наблюдаемыхъ въ исторіи философіи, состоитъ въ томъ, что ни одинъ изъ другихъ мыслителей не былъ такимъ крайнимъ детерминистомъ въ наукѣ о духѣ, какъ эмпирики, между тѣмъ какъ ихъ собственная теорія именно и исключаетъ детерминизмъ. Они объясняютъ все въ духѣ его обстоятельствами и не желаютъ оставить ничего необъясненнымъ. Когда-же дѣло доходитъ до свободы, они обыкновенно объявляютъ себя детерминистами. Въ доказательство истинности своего убѣжденія, они постоянно ссылаются на законъ причинности, и тотъ-же самый законъ превращаютъ въ чистый фатализмъ. Школа, которая въ физической области отрицаетъ всякую необходимость, всякую общую истину и всякое опредѣленіе, всякій разъ, когда дѣло касается свободы воли, держится ученія о строгой необходимости. По принципамъ эмпиризма, свобода не болѣе невѣроятна, чѣмъ необходимость; единообразіе не болѣе вѣроятно, чѣмъ неединообразіе. Чтò вѣрно, и то и другое можетъ-ли быть вѣрнымъ въ различныхъ областяхъ, это — вопросъ, который эмпирики, болѣе всѣхъ другихъ людей, должны были-бы предоставить опыту; между тѣмъ какъ они, одни изъ всѣхъ людей, рѣшаютъ этотъ вопросъ путемъ апріорной интуиціи. Но эмпиризмъ — это хамелеонъ философіи и живетъ только подъ условіемъ возможности измѣнять своимъ собственнымъ принципамъ, сообразно съ обстоятельствами.

Наконецъ, мы можемъ сказать, что независимо отъ всякаго вопроса о реальности взаимодействія, все-таки опредѣлить его условія, когда оно предполагается возможнымъ, составляетъ интересную философскую проблему. Реальность его безъ колебанія можетъ быть допущена, чтобы сдѣлать возможнымъ

познаваніе самаго эмпиризма. Непослѣдовательный эмпиризмъ не заслуживаетъ никакого вниманія; а послѣдовательный эмпиризмъ, который отрицаетъ всякое опредѣленіе какого-бы то ни было рода, можетъ быть предоставленъ самому себѣ; потому что если взаимодѣйствіе невозможно, то невозможно и узнать о существованіи самаго эмпиризма. Всякое познаніе предполагаетъ взаимодѣйствіе между познающимъ и познаваемымъ.

8. Послѣдній изъ упомянутыхъ взглядовъ—это „предустановленная гармонія“ Лейбница. Въ предыдущемъ изслѣдованіи было указано, что взаимодѣйствіе должно примирить индивидуальность съ общностью бытія. Вещи, которыя должны дѣйствовать одна на другую, не могутъ имѣть основанія своего бытія вполнѣ сами въ себѣ, но только въ системѣ цѣлаго. Никто не скажетъ, что онѣ имѣютъ бытіе сами въ себѣ, а основаніе своей дѣятельности въ системѣ; потому что, какъ мы видѣли, бытіе состоитъ въ дѣятельности. Бытіе есть агентъ, который дѣйствуетъ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ образомъ; а чтобы быть дѣятелемъ, т. е. чтобы быть самимъ собой, онъ нуждается въ содѣйствіи другихъ вещей. Лейбницевъ взглядъ основывается на самомъ крайнемъ утвержденіи индивидуальности. Тогда какъ окказіоналисты находили трудность только въ пониманіи взаимодѣйствія между душой и тѣломъ, Лейбницъ отрицалъ возможность взаимодѣйствія между двумя какими-нибудь индивидуальностями, какъ-бы онѣ ни были сходны по своей природѣ. По словамъ Лейбница, монады не имѣютъ оконъ, чрезъ которыя онѣ могли-бы что-нибудь принимать или отдавать. Каждая монада, слѣдовательно, существуетъ въ абсолютной самодовлѣемости, ничего не получая и ничего не давая, не дѣйствуя и не воспринимая на себя дѣйствія. Каждая монада основаніе всего своего развитія имѣетъ въ самой себѣ и развивается по своему собственному внутреннему закону. Конечно, является вопросъ: какъ можетъ быть какая-нибудь система съ такимъ множествомъ независимыхъ и взаимно безразличныхъ элементовъ? Лейбницъ отвѣчаетъ, что монады созданы и свойства каждой изъ нихъ опредѣлены сообразно со свойствами всѣхъ остальныхъ; а свойства всѣхъ ихъ были опредѣлены сообразно съ цѣлію системы. Планъ архитектора заключаетъ въ

себѣ основаніе формы и положенія каждой части зданія; точно также планъ вселенной заключаетъ въ себѣ основаніе того, почему что-нибудь существуетъ, что оно такое, гдѣ и когда оно существуетъ. Каждая вещь, такимъ образомъ, логически опредѣляетъ каждую другую вещь въ мысли или планѣ системы; но въ дѣйствительно существующей системѣ міра нѣтъ никакой динамической связи. Каждая вещь существуетъ сама по себѣ. Это логическое опредѣленіе каждой вещи каждую другую вещь и цѣлымъ не моментально только: оно проходитъ чрезъ всю исторію монадъ. Онѣ вполне гармонируютъ между собою съ самаго начала; и ходъ ихъ развитія такъ опредѣленъ, что онѣ всегда напередъ уже гармонируютъ между собою. Состояніе каждой монады въ каждый моментъ таково именно, какого требуетъ состояніе цѣлаго. Лейбницъ называетъ это взаимное соотвѣтствіе между монадами предустановленной гармоніей и иллюстрируетъ ее, приводя въ примѣръ двое часовъ, которые идутъ одинаково, хотя взаимно независимы. Слѣдовательно, взаимодействіе существуетъ только видимому. Что кажется взаимодействіемъ, то на самомъ дѣлѣ есть только самопроизвольное развитіе монадъ. Далѣе, система, какъ такая, существуетъ только въ мысли. Реальность представляетъ множество независимыхъ вещей, изъ которыхъ каждая существуетъ въ совершенномъ самотождествѣ и не испытываетъ никакого вліянія со стороны внѣшняго міра. Здѣсь собственно нѣтъ никакой системы.

Этотъ взглядъ обыкновенно считается устарѣлымъ; тѣмъ не менѣе въ принципѣ онъ служитъ основаніемъ многихъ изъ нашихъ философскихъ воззрѣній, въ особенности же нашихъ теорій воспріятія. Мы уже видѣли, что физическая теорія взаимодействія приводитъ къ этому взгляду, съ исключеніемъ предустановленности, какъ скоро мы допускаемъ, что переходяція силы суть только абстракціи. По этой теоріи, въ пространствѣ разсѣяны атомы, каждый изъ которыхъ отдѣленъ отъ всѣхъ остальныхъ пустотой, чрезъ которую ничто не проходитъ, и однако же каждый атомъ приспособляется ко всѣмъ остальнымъ въ силу непонятной гармоніи между ними. Точно также всѣ тѣ теоріи, которыя объясняютъ взаимодей-

ствіе, какъ результатъ закона или мірового порядка, сводятся къ этому взгляду. Въ самомъ дѣлѣ, всякая теорія, которая дѣлаетъ конечную индивидуальность абсолютною или которая считаетъ конечное имѣющимъ основаніе своего бытія въ самомъ себѣ, приводитъ къ этому взгляду. Во всѣхъ такихъ системахъ можетъ быть только соотвѣтствіе, а не взаимодействіе. Тѣмъ не менѣе взглядъ Лейбница, когда онъ принимается въ безусловномъ смыслѣ, сопровождается величайшими трудностями. Подобно окказіонализму, онъ сразу ведетъ къ крайнему идеализму или, лучше сказать, къ полному индивидуализму и субъективизму; по этой теоріи, воспринимающая монада опредѣляется совершенно извнутри, и потому причиной нашихъ воспріятій никогда не можетъ быть что-нибудь внѣшнее. Такимъ образомъ, внѣшній міръ оказывается не нужнымъ для объясненія нашихъ представленій и даже нашихъ ощущеній. Поэтому, совершенно напрасно утверждать существованіе какого-нибудь внѣшняго міра или какихъ-нибудь другихъ лицъ, кромѣ насъ самихъ. Лейбницъ, кажется, не видѣлъ, что его крайній индивидуализмъ дѣлаетъ излишними и Бога, и міръ. Онъ призналъ ихъ бытіе, только полагаясь на общій смыслъ человѣческаго рода, и удержалъ его только вопреки логическимъ слѣдствіямъ своей собственной теоріи. Если въ строгомъ смыслѣ принять его теорію, она сразу ведетъ къ самому крайнему идеалистическому эгоизму и уничтожаетъ сама себя. Нельзя быть послѣдователемъ Лейбница, не будучи увѣреннымъ въ воспріятіи; но также нельзя оставаться послѣдователемъ Лейбница, и будучи увѣреннымъ въ воспріятіи.

Лейбницъ, однако же, никогда не думалъ доводить своего взгляда до такой крайности. Онъ даже думалъ найти въ немъ доказательство бытія Божія. Кромѣ того, онъ самъ былъ далекъ отъ вѣры въ свою собственную теорію, когда ему приходилось трактовать о тѣлѣ и въ особенности объ организмѣ. Такъ какъ монады суть единственныя реальности, то мы должны смотрѣть на всякое соединеніе, какъ на феноменальное и существующее лишь для воспринимающаго духа. Поэтому, тѣла и организмы собственно не существуютъ; они суть только модусы видимости или, вѣрнѣе, они суть только идеи, порожден-

ныя нашимъ собственнымъ умомъ, безъ всякаго соотвѣтствія имъ во вѣншемъ мірѣ. Однако видимость единства въ такихъ случаяхъ такъ поразительна, что Лейбницъ не рѣшился сдѣлать его только феноменальнымъ, а призналъ въ организахъ и даже кристаллахъ существованіе управляющей монады, которая даетъ единство цѣлому; но, дѣлая это, онъ нарушилъ свой собственный принципъ и допустилъ взаимодѣйствіе между монадами. Главную же трудность этой системы составляетъ фатализмъ и послѣдовательно вытекающее изъ нея разрушеніе познанія. Чтобы гармонія могла поддерживаться, каждая вещь должна быть навсегда опредѣленной. Конечно, трудно видѣть, какъ могла бы такая система впадать въ дисгармонію въ какомъ-бы то ни было случаѣ. Такъ какъ каждая монада самососредоточена и содержитъ основаніе своего развитія совершенно въ самой себѣ, то столкновеніе между монадами было бы вполне невозможно. Если-бы безпорядокъ являлся въ мірѣ, онъ былъ-бы замѣтенъ только для божественнаго ума, который видѣлъ-бы отступленіе монады отъ требованій системы. Но очевидно, что подобная теорія—чисто детерминистическая. Можетъ быть, кто-нибудь, вѣрующій въ свободу воли, подумаетъ, что этотъ элементъ исключается божественнымъ предвѣдѣніемъ, которое должно было приспособить вселенную къ человѣческой мысли и волѣ. Но когда мы вспомнимъ о существованіи конфликта между мыслями и хотѣніями, это приводитъ къ противорѣчію и невозможности. Самъ Лейбницъ считалъ детерминизмъ необходимымъ факторомъ системы и устранялъ всякую свободу въ собственномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь мы видимъ поразительный примѣръ ослѣпляющаго вліянія умозрѣнія въ томъ, что мыслитель, такъ близко принимавшій къ сердцу нравственные и религіозные интересы, какъ Лейбницъ, не могъ замѣтить, въ какомъ отношеніи его теорія находится къ тѣмъ и другимъ.

Съ спекулятивной точки зрѣнія еще болѣе странно, что онъ не могъ видѣть отношенія своего взгляда къ вопросу о познаніи. Согласно съ такой теоріей, которую предложилъ Лейбницъ, мы должны были-бы рассчитывать на самое точное и состоятельное знаніе. Если каждая монада находится въ совершен-

ной гармоніи со всѣми остальными монадами и, подобно зеркалу, отражаетъ въ себѣ весь міръ, она должна бы обладать абсолютнымъ и состоятельнымъ знаніемъ. Но у насъ нѣтъ такого званія. Заблужденіе есть фактъ. На каждую здравую мысль монады произвели тысячи нелѣпыхъ и смѣшныхъ мыслей. Наши теоріи и взгляды на реальность не гармонируютъ одни съ другими и рѣдко согласны сами съ собою. Какъ объяснить такой фактъ по теоріи Лейбница? Объективное заблужденіе есть ложное понятіе о реальности, а оно, по этой теоріи, исключается. Мы не можемъ отнести его на счетъ небрежнаго употребленія своихъ способностей, потому что всякое самоопредѣленіе исключается. Если мы—свободныя лица, со способностями, которыя мы можемъ небрежно употреблять или которыми мы можемъ по произволу злоупотреблять, то указанный фактъ можетъ быть объясненъ; но предустановленная гармонія исключаетъ это предположеніе. И если наши способности вводятъ насъ въ заблужденіе, когда мы можемъ полагаться на нихъ? Которое изъ многихъ мнѣній, выработанныхъ ими, дѣйствительно вѣрно? По предположенію, всѣ они должны быть истинными, но такъ какъ они противорѣчатъ одно другому, то всѣ они не могутъ быть истинными. Какъ же различать между истиннымъ и ложнымъ? Не посредствомъ ли всеобщей подачи голосовъ? Этого не можетъ быть, потому что мы рѣшительно не имѣемъ возможности собирать голоса, такъ какъ между монадами никакое сношеніе невозможно. Должны-ли мы достигать истины путемъ разсужденія? Это могло-бы быть, если-бы мышленіе было автономнымъ, самодостовѣрнымъ процессомъ; но этого не можетъ быть въ детерминистической системѣ. Мышленіе предполагаетъ способность управлять своими идеями, оказывать противодѣйствіе процессамъ ассоціаціи, воздерживаться отъ сужденія, пока нѣтъ ясныхъ для него основаній. Оно предполагаетъ, поэтому, свободу. Умъ, который управляется своими состояніями, вмѣсто того, чтобы управлять ими, не есть существо мыслящее, но только рядъ состояній, слѣдующихъ одно за другимъ. Здѣсь нѣтъ вывода изъ основаній, а только произведеніе данныхъ причинъ. Ни одно убѣжденіе не имѣетъ болѣе никакого логическаго преимуще-

ства надъ всякимъ другимъ убѣжденіемъ, потому что логика болѣе невозможна. То-же самое выходитъ по теоріи Лейбница. По этой теоріи, можетъ имѣть мѣсто не мышленіе въ собственномъ смыслѣ, а рядъ духовныхъ состояній, въ который мы не въ состояніи вмѣшиваться. Мы опредѣлены къ одному убѣжденію такъ же абсолютно, какъ и ко всякому другому. Истина и ложь одинаково необходимы, и мы не имѣемъ никакого средства для различенія между ними, ни возможности пользоваться такимъ средствомъ, если-бы мы имѣли его. Такимъ образомъ, знаніе уничтожается; наука и философія становятся невозможными. Ни одна теорія, ведущая къ такимъ результатамъ, не можетъ быть допущена. Философія не должна совершать самоубійства, если ничѣмъ не вынуждается къ тому. Необходимо, поэтому, отвергнуть теорію предустановленной гармоніи, какъ понималъ ее Лейбницъ, такъ какъ она не совмѣстима и съ наукой, и съ философіей. Наконецъ, она не можетъ устранить проблемы, съ которой мы имѣемъ дѣло, потому что она принуждена предположить въ концѣ концовъ взаимодѣйствіе между конечнымъ и безконечнымъ. Она только переводитъ его съ одного на другое. Лейбницъ находился подъ значительнымъ вліяніемъ деистической философіи своего времени; но онъ никогда не думалъ признать конечное независимымъ отъ безконечнаго.

9. Хотя, однако-же, ученіе о предустановленной гармоніи, какъ понималъ ее Лейбницъ, должно быть отвергнуто, нѣкоторыя черты этой доктрины должны быть удержаны во всякой теоріи взаимодѣйствія. Мы видѣли, что дѣйствіе вещи никогда не бываетъ сообщеннымъ ей извнѣ, но всегда и исключительно представляетъ обнаруженіе собственной природы вещи. Все, что можно приписывать въ этомъ случаѣ дѣйствию другихъ вещей, состоитъ въ томъ, что онѣ представляютъ условія этого обнаруженія или опредѣляютъ, какое изъ многихъ возможныхъ обнаруженій должно имѣть мѣсто. Но если есть какой-нибудь законъ и порядокъ въ такой системѣ, такъ что опредѣленные предвидущія должны всегда имѣть одни и тѣ-же опредѣленные послѣдующія, то должно быть точное приспособленіе или соотвѣтствіе каждаго изъ взаимно дѣйствующихъ

членовъ всѣмъ остальнымъ. Въ противномъ случаѣ всякое явленіе могло-бы сопровождаться всякими другими явленіями или даже просто ничѣмъ. Вся система закона, на которой основывается наука, есть только выраженіе этого метафизическаго приспособленія или соотвѣтствія. На чемъ можетъ утверждаться такое соотвѣтствіе, въ этомъ и состоитъ занимающій насъ вопросъ; но во всякомъ случаѣ оно должно быть утверждаемо, какъ постулатъ всякой объективной науки. Всякимъ научнымъ понятіемъ о взаимодействіи предполагается, что одинаковыя причины должны имѣть одинаковыя дѣйствія и что есть нѣкоторое опредѣленное количественное отношеніе между дѣйствіемъ и его результатомъ. При данныхъ условіяхъ возможенъ только одинъ результатъ. Всякому данному дѣйствію одного элемента должна соотвѣтствовать данная реакція всякаго другого элемента. Но если такъ, тогда каждая вещь должна быть приспособлена къ каждой другой вещи въ абсолютной и всеобъемлющей гармоніи. Противъ Лейбница, слѣдовательно, можно возразить не то, что онъ учитъ о предустановленной гармоніи, но что онъ понимаетъ ее такъ, что она ведетъ къ изложеннымъ выше ирраціональнымъ слѣдствіямъ. Дѣлая элементы взаимно независимыми, онъ впадаетъ въ упомянутыя трудности. Если устранить эту ошибку и понимать предустановленную гармонію только въ смыслѣ всеобщаго приспособленія и соотвѣтствія, тогда она составляетъ необходимость каждой системы.

10. Такъ какъ всѣ попытки устранить понятіе взаимодействія неудачны, то передъ нами снова является вопросъ: какъ возможно взаимодействіе между двумя или болѣе вещами, принимаемыми за независимыя? Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя рѣшенія этого вопроса безуспѣшны. Взаимодействіе должно быть признано невозможнымъ, пока вещи рассматриваются, какъ независимыя. Независимое должно заключать основаніе всѣхъ своихъ обнаруженій въ самомъ себѣ, а то, что подвержено необходимости взаимодействія, должно имѣть основаніе своихъ обнаруженій не только въ себѣ самомъ, но и въ другихъ вещахъ. Обѣ эти идеи несовмѣстимы между собою. Всякая попытка построить мостъ черезъ бездну, лежащую между

независимыми вещами, при помощи силъ, вліяній и т. п., ведетъ къ чисто вербальному объясненію, которое не выдерживаетъ критики. Ни сосуществованіе, ни смежность въ пространствѣ не проливаютъ никакого свѣта на взаимодѣйствіе; и если взаимодѣйствіе должно быть утверждаемо, единственный путь къ этому состоитъ въ отрицаніи независимости множества и въ допущеніи той мысли, что оно какимъ-нибудь образомъ находится въ постоянной зависимости отъ одного всеобъемлющаго существа, которое даетъ единство множому и при единствѣ котораго только взаимно дѣйствующее множество становится возможнымъ. Взаимно дѣйствующее многое не можетъ существовать безъ координирующаго единаго. Взаимодѣйствіе нашихъ мыслей и другихъ психическихъ состояній возможно только благодаря единству психическаго субъекта, который соединяетъ всѣ свои состоянія въ единствѣ своего самосознанія. Точно также взаимодѣйствія вселенной возможны только благодаря единству основной реальности. И это мы утверждаемъ вовсе не вслѣдствіе непроницаемой тайны взаимодѣйствія между независимыми вещами, но вслѣдствіе заключающагося въ немъ противорѣчія. Простой анализъ понятія взаимодѣйствія и независимости показываетъ ихъ несовмѣстимость между собою. Какое бы изъ нихъ ни удержали мы, другое должны отвергнуть. И такъ какъ понятіе взаимодѣйствія существенно необходимо для понятія системы, то нужно отвергнуть независимость взаимно дѣйствующихъ членовъ.

Но если мы отрицаемъ ихъ независимость, какая намъ надобность искать внѣ ихъ чего-то другого, отъ чего они зависятъ? Почему намъ не признать ихъ взаимно зависимыми, такъ чтобы вещи А, В, С и т. д. зависѣли не отъ какого-нибудь иного существа, но одна отъ другой? Такимъ образомъ, каждый членъ системы существовалъ-бы только въ связи съ другими членами, но самая система могла-бы быть независимой. Многіе члены составляли-бы дугу или, лучше сказать, поддерживающійся самъ собою кругъ, и такимъ образомъ вещи: А, В, С и т. д. были-бы единственными реальностями, хотя онѣ взаимно обуславливали-бы и предполагали-бы другъ друга. Это возраженіе очень древне. Оно было ходячимъ еще

во время Аристотеля и было подробно имъ разсмотрѣно. Противъ этого взгляда нужно сказать то, что онъ старается сдѣлать независимое изъ суммы зависимаго. А, В, С и т. д. каждое въ отдѣльности зависимо, но $A+B+C$ и т. д. независимы. Но если А, В, С и т. д. суть отдѣльныя онтологическія единицы, то это—абсурдъ. Въ знакѣ сложения нѣтъ ничего, что дѣлало-бы его способнымъ превратить зависимую вещь въ независимую. Должна быть нѣкоторая связь, выражаемая этимъ знакомъ, и эта связь есть взаимодѣйствіе. Когда два математическія количества оказываются измѣняющимися вмѣстѣ, одно должно быть признано функцией другого, или же оба должны быть признаны функцией третьяго количества, общаго для нихъ обоихъ. Невозможно смотрѣть на вещи, измѣняющіяся вмѣстѣ, какъ на абсолютныя единицы. Одна какая-нибудь вещь должна быть независимой, а всѣ остальные должны быть въ нѣкоторомъ смыслѣ функциями этой одной. Такъ какъ онѣ находятся во взаимодѣйствіи, то состояніемъ каждой вещи должно предполагаться известное состояніе всѣхъ ихъ; а это невозможно, пока нѣтъ какого-нибудь существа, общаго для всѣхъ нихъ. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что цѣлое никогда не можетъ быть получено путемъ суммированія частей, но части должны быть разсматриваемы, какъ фазы цѣлаго. Этотъ взглядъ можно реторически иллюстрировать при помощи примѣра, взятаго изъ физической теоріи силы или энергіи. По этой теоріи, сила одна, но она разнообразится въ родѣ и обнаруженіи. Эти различные роды силы не суть, однако же, нѣчто индивидуальное и независимое, а только фазы одной энергіи, которая лежитъ въ основѣ ихъ и въ нихъ существуетъ. Единая сила не должна быть понимаема въ смыслѣ суммы различныхъ, обусловленныхъ ею, обнаруженій, но послѣднія должно считать результатомъ одной и той же силы. Истинное существованіе имѣетъ единая сила, а не ея преходящія фазы. Эта идея физическаго ученія иллюстрируетъ изложенный выше взглядъ. Невозможность происхожденія независимаго существа посредствомъ суммированія зависимыхъ частей заставляетъ насъ отрицать, что А, В, С и т. д. суть единственныя реальности и что независимая реальность есть только ихъ сумма. Общность бытія, которую устанавливаетъ

между ними ихъ взаимодействіе, заставляетъ насъ отрицать, что онѣ суть послѣднія онтологическія единицы. Если, такимъ образомъ, мы не хотимъ признать за предѣлами А, В, С и т. д. существа, отличнаго отъ нихъ, которое ихъ координируетъ и управляетъ ими, мы должны во всякомъ случаѣ признать въ А, В, С и т. д. существованіе субстанціи, общей для всѣхъ нихъ, которая составляетъ ихъ реальность и по отношенію къ которой они суть только частныя модусы или обнаруженія. Такимъ образомъ, мы возвращаемся къ вышензложенному взгляду: Взаимодействіе возможно во многомъ, только когда члены многаго зависятъ отъ какого-нибудь одного существа, которое или производитъ и координируетъ ихъ взаимодействія, или котораго они суть только фазы и измѣненія.

Такимъ образомъ, возможны два взгляда на эту зависимость. Мы можемъ смотрѣть на члены системы вещей, какъ на онтологически отдѣльные и приводимые во взаимодействіе только чрезъ посредство основной реальности, которая и координируетъ ихъ. По этому взгляду, члены системы находятся въ такомъ-же точно отношеніи между собою, какъ фигуры на шахматной доскѣ. Сами по себѣ онѣ ничего не могутъ дѣлать, но должны быть двигаемы игрокомъ. Ихъ взаимодействіе есть только кажущееся и на самомъ дѣлѣ есть прямое дѣйствіе игрока, приспособляющаго ихъ къ требованіямъ системы. Этотъ взглядъ приводитъ ко всеобщему окказіонализму, насколько онъ касается взаимодействія конечнаго. Единое постоянно приспособляетъ взаимныя отношенія многаго. Большая часть теистическихъ писателей, вышедшихъ изъ школы деизма, держалась этого взгляда, хотя они едва-ли-бы приняли названіе окказіоналистовъ. Очевидно, однако-же, что это только картезіанскій окказіонализмъ, сдѣланный всеобщимъ. Но этотъ взглядъ уничтожаетъ всякую матеріальную реальность и сводитъ ее на форму дѣйствія со стороны основной реальности; потому что пока матерія понимается, какъ матерія, а не какъ духъ, она не имѣетъ субъективной дѣятельности, но всякое ея дѣйствіе есть объективное и внѣшнее. Но если эта объективная дѣятельность есть актъ чего-то нематеріальнаго, тогда нѣтъ болѣе никакого основанія для утвержденія существованія ма-

теріи, потому что то, для объясненія чего она полагается, дѣлается чѣмъ-то инымъ. Теистическіе писатели обыкновенно говорятъ объ объективной дѣятельности, какъ реально принадлежащей вещи, но „посредствуемой“ безконечнымъ; но эта „посредствуемая“ дѣятельность оказывается дѣятельностію безконечнаго, а не вещи. Эта фразы полезна только для уничтоженія факта. Такимъ образомъ, этотъ всеобщій окказіонализмъ сразу ведетъ къ заключенію, что всякая конечная реальность, принимаемая за отдѣльную отъ основной реальности, должна быть духовной природы, потому что безличное зависимое бытіе не подходитъ подъ понятіе о существованіи. Благодаря грубому понятію о реальности, теистическіе писатели затруднялись-бы допустить это заключеніе. Но это—устарѣлая и невѣрная точка зрѣнія.

Другой возможный взглядъ на отношеніе единого ко многому состоитъ въ томъ, что конечное бытіе не имѣетъ существованія или индивидуальности само по себѣ, а есть только модусъ или феноменъ нѣкотораго единого существа, которое лишь истинно существуетъ. Въ нашемъ мышленіи эти модусы предполагаютъ видимость индивидуальныхъ вещей, находящихся во взаимодействіи; но въ дѣйствительности нѣтъ ничего, кромѣ единого истинно сущаго и его модусовъ. Въ природѣ этого существа эти модусы взаимно опредѣляютъ другъ друга, потому что всѣ они суть модусы единого, и потому что одно и то же существо присутствуетъ во всѣхъ нихъ, какъ основаніе и реальность. Сдѣлать выборъ между этими двумя взглядами можно только тогда, если мы найдемъ въ области конечнаго нѣкоторое существо, обладающее чудесною силою самости, благодаря которой оно способно становиться индивидуальнымъ и созавать само себя таковымъ. Такимъ образомъ, мы возвращаемся къ заключенію, полученному въ изслѣдованіи объ измѣненіи, что нѣтъ никакого вѣрнаго признака конечной индивидуальности, кромѣ личности. Независимо отъ личности, всякое конечное бытіе должно быть разсматриваемо просто, какъ модусъ основной реальности, безъ всякаго собственнаго существованія. Такъ какъ оно зависимо, то всѣ его внѣшнія дѣятельности на самомъ дѣлѣ суть дѣятельности основной реаль-

ности; а такъ какъ оно безлично, то оно не имѣетъ субъективности. Такимъ образомъ, не остается ничего болѣе, какъ смотрѣть на него только какъ на форму дѣйствія со стороны основной реальности. Нѣтъ такого бытія, которое просто существуетъ; но вещь получаетъ названіе существующей только тогда, когда она, посредствомъ своей дѣятельности, способна утверждаться въ качествѣ опредѣляющаго фактора въ реальности.

Изслѣдованіе о дѣйствіи начато было указаніемъ на обычное понятіе о множествѣ независимыхъ вещей. Онѣ казались намъ тогда способными къ независимому существованію. Но этотъ взглядъ измѣнился, подъ дѣйствіемъ критики, до того, что мы принуждены были его оставить. Ни одна плюралистическая теорія основного бытія не можетъ быть состоятельной; но основной плюрализмъ долженъ быть замѣненъ монизмомъ. Конечно, мы не думаемъ, чтобы этотъ взглядъ чуждъ былъ всѣхъ трудностей. Напротивъ, онъ оставляетъ тайну бытія и дѣйствія столь-же темную и непроницаемую, какъ и прежде. Мы утверждаемъ только, что этотъ взглядъ составляетъ необходимость для ясной мысли. Анализъ понятія взаимодѣйствія прямо приводитъ къ нему, и, безъ допущенія его, это понятіе впадаетъ въ неразрѣшимое противорѣчіе. Если-бы взаимодѣйствіе между независимыми вещами было просто таинственно, тогда не было-бы никакого основанія для отрицанія его; но если оно заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, тогда должно признать, что всякое взаимодѣйствіе среди многаго въ дѣйствительности есть имманентное дѣйствіе единого. Какъ это дѣйствіе происходитъ, съ разумною свободою, или-же со слѣпою необходимостію, этого мы не рѣшаемъ теперь. Достаточно показать, что основной плюрализмъ обычной мысли долженъ быть замѣненъ основнымъ монизмомъ. И единство, такимъ образомъ достигнутое, не есть единство логически всеобщаго или единство какой-нибудь идеальной классификаціи, но существенное, субстанціальное единство бытія, которое единственно есть самосущее и въ которомъ всѣ вещи имѣютъ свое бытіе.

Легко можно подумать, что тотъ же самый аргументъ, который мы употребили въ предшествующемъ изслѣдованіи, ока-

жется равносильнымъ для опроверженія всякаго взаимодействія между конечнымъ и безконечнымъ. Мы постоянно предполагали возможность взаимодействія между ними, и однако же безконечное несомнѣнно индивидуально, а конечное несомнѣнно отлично отъ безконечнаго. Мы, такимъ образомъ, нуждаемся, повидимому, въ новой связи для соединенія этихъ двухъ членовъ системъ и т. д. до безконечности. Отвѣтъ на это простой. Нашъ аргументъ былъ основанъ на предполагаемой независимости обоихъ членовъ взаимодействія и примѣнимъ только при этомъ предположеніи. Когда двѣ вещи взаимно независимы, взаимодействие между ними можетъ происходить только чрезъ посредство третьей вещи, которая обнимаетъ собою ихъ обоихъ. Но независимое можетъ свободно полагать зависимое и можетъ также полагать постоянное взаимодействие между собою и зависимымъ; а такое взаимодействие вполне есть самоопредѣленіе и не навязывается ему совяѣ.

Заблужденіе относительно этого пункта лежитъ въ основѣ философіи безусловнаго. Въ частности, Мансель старался доказать, что Богъ не можетъ быть мыслимъ, какъ причина (міра), потому что причина должна относиться къ своему дѣйствию. Богъ не можетъ быть, слѣдовательно, творцемъ, потому что тогда должно-бы быть отношеніе между Богомъ и міромъ. Но этимъ возраженіемъ упускается изъ виду тотъ фактъ, что отношеніе въ абстракціи не предполагаетъ зависимости въ дѣйствительности. Эта критика была-бы справедлива, если-бы означенное отношеніе было необходимо и имѣло внѣшнее происхожденіе. Но такъ какъ это отношеніе полагается и поддерживается самимъ Богомъ, то въ отношеніи Его къ міру нѣтъ ничего несомнѣннаго съ Его независимостью и абсолютностью.

Какъ могутъ быть примирены индивидуальность и общность бытія, или какъ могутъ соединенныя индивидуальности образовывать систему? Вотъ вопросъ, который былъ для насъ исходнымъ пунктомъ изслѣдованія. Отвѣтъ тотъ, что онѣ не примиримы, или что онѣ не могутъ образовывать системы, пока индивидуальность разсматривается, какъ абсолютная или независимая. Слѣдующимъ нашимъ вопросомъ было: какъ возмож-

но трансцендентное дѣйствіе? Отвѣтъ тотъ, что оно возможно только чрезъ имманентное дѣйствіе одного основнаго существа. Это существо, какъ основное, мы называемъ безконечнымъ, абсолютнымъ и независимымъ. Называя его безконечнымъ, мы не означаемъ этимъ того, что оно исключаетъ собою существованіе конечнаго, но только то, что оно есть самодовлѣющій источникъ конечнаго. Называя его абсолютнымъ, мы этимъ не исключаемъ его изъ всякаго отношенія, а только отрицаемъ относительно его внѣшнее ограниченіе и опредѣленіе. Все другое имѣетъ свою причину и основаніе въ этомъ существѣ. Все, что есть истиннаго, или раціональнаго, или реальнаго во вселенной, должно быть относимо къ этому существу, какъ своему источнику и опредѣляющему началу.

Архимандритъ Борисъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Ноября № 22. 1888 года.

Содержаніе: Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887/8 учебный годъ.— Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1887—88 учебный годъ.

1. Личный составъ служащихъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ училищѣ, сравнительно съ концомъ 18⁸⁶/87 учебнаго года, въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

а) По примѣру прошлыхъ лѣтъ, всѣ помощницы воспитательницъ, по окончаніи годичнаго срока своей службы, выбыли изъ училища, и на ихъ мѣста, по представленію начальницы училища, журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 4 іюня 1887 года, опредѣлены на 18⁸⁷/88 учебный годъ окончившія курсъ въ іюнѣ 1887 года дѣвицы: Лидія Навродская, Марія Яновская, Екатерина Гумилевская, Надежда Согина, Александра Черняева, Акилина Васильковская и Софія Власова.

б) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 10 августа 1887 г. уволена, по прошенію, воспитательница училища Е. Ѳ. Штегеръ и на ея мѣсто опредѣлена служившая уже раньше въ училищѣ въ той-же должности въ теченіе 13 лѣтъ и уволенная въ 1884 году, по прошенію, по случаю выхода замужъ, вдова поручика Евдокія Павловна Сорокина.

в) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 11 августа 1887 г. уволенъ, по прошенію, преподаватель физико-математическихъ наукъ въ старшихъ классахъ училища, А. П. Эльтековъ, и на его

мѣсто опредѣленъ кандидатъ Харьковскаго университета по физико-математическому факультету Яковъ Михайловичъ Колосовскій.

г) 25 сентября 1887 года скончался преподаватель русскаго языка въ IV, V и VI классахъ училища Г. Г. Лапчинскій, вслѣдствіе чего уроки русскаго языка съ VI классѣ предоставлены преподавателю того-же предмета во II и III классахъ, а въ IV и V классы, резолюціею Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго отъ 14 октября 1887 года, назначенъ кандидатъ Московской духовной академіи Николай Васильевичъ Гогинъ.

д) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 20 января 1888 г. уволена, по прошенію, воспитательница училища А. И. Попова, и на ея мѣсто, журналомъ Совѣта отъ 28 января того-же года, опредѣлена окончившая курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы, дѣвица Анастасія Александровна Ястремская.

е) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 8 февраля 1888 г. уволена, по прошенію, учительница музыки М. С. Любинская, и на ея мѣсто опредѣлена получившая отъ испытательной комиссіи при университетѣ званіе домашней учительницы, дѣвица Ольга Николаевна Дракина.

ж) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 6 іюня 1888 года уволена, по слабости здоровья, отъ завѣдыванія фундаментальною бібліотекою, воспитательница училища, М. П. Попова, и на ея мѣсто назначена воспитательница Евдокія Павловна Сорокина.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ, къ концу 1887/88 учебнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ училищѣ лицъ:

А) Составъ Совѣта.

1. Предсѣдатель Совѣта, священникъ Харьковскаго кафедральнаго собора, Тимоѣей Ивановичъ *Буткевичъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ 300 руб. въ годъ и 200 руб., добавленныхъ ему лично XII епархіальнымъ съѣздомъ; въ настоящей должности съ 26 августа 1883 года.

2. Начальница училища, дѣвица Евгенія Николаевна *Гейцъ*, окончила курсъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ 500 руб. въ годъ и 100 руб. ежегоднаго вознагражденія, при казенной квартирѣ со столомъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

3. Инспекторъ классовъ, священникъ Никандръ Іоновичъ *Онисевичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ 500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

4. Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Николаевской церкви, Панкратій Дмитріевичъ *Ивановъ*, студентъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ 120 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 23 сентября 1881 года.

5. Членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Харьковской Свя-

то-Духовской церкви, Николай Платоновичъ *Моценковъ*, студентъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ 120 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 5 сентября 1883 года

6. Попечительница училища, Александра Васильевна *Гордьенко*; служить безвозмездно; въ настоящей должности съ 1871 года.

7. Почетный блюститель по хозяйственной части, Харьковскій купецъ Николай Александровичъ *Чикинъ*; служить безвозмездно; въ настоящей должности съ 7 ноября 1883 года.

8. И. д. дѣлопроизводителя училищнаго Совѣта, — онъ-же и писмоводитель, — діаконъ Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣнновенской церкви, Теофанъ Дмитриевичъ *Чернявскій*, онъ-же служитъ при богослуженіи въ училищной церкви; окончилъ курсъ Ахтырскаго духовнаго училища; жалованья получаетъ по обѣимъ должностямъ 400 р. въ годъ и за совершеніе богослуженія 60 р. всего 460 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 декабря 1884 года.

Б) Преподаватели и преподавательницы обязательныхъ предметовъ.

1. Закона Божія въ IV, V и VI классахъ и церковно-славянскаго языка въ IV и V классахъ, инспекторъ классовъ, священникъ Никандръ *Оникевичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 9 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 675 руб. въ годъ, и 1 урокъ славянскаго языка преподаетъ безвозмездно; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

2. Того-же предмета въ приготовительномъ, I, II и III классахъ, священникъ Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣнновенской церкви, Георгій Ивановичъ *Волобуевъ*; онъ-же совершаетъ богослуженіе въ училищной церкви; окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (въ I, II и III классахъ по 50 руб. и въ приготовительномъ по 35 руб. за урокъ) 705 руб. въ годъ, и за совершеніе богослуженія 120 руб., всего 825 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1871 года.

3. Русскаго языка и словесности во II, III и VI классахъ, преподаватель греческаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, надворный совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ *Добронравовъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 900 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1883 года.

4. Русской словесности въ IV и V классахъ, Николай Васильевичъ *Гоинъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 6 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 450 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 14 октября 1887 года.

5. Русскаго языка въ I классѣ, преподаватель гомиетики и литургики въ Харьковской духовной семинаріи, Сергій Васильевичъ *Булаковъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 4 урока (по 75 руб. за урокъ) 300 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1886 года.

6. Ариѳметики, геометріи, физики и космографіи въ IV, V и VI классахъ, Яковъ Михайловичъ *Колосовскій*, кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 14 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 1050 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 августа 1887 г.

7. Учительница ариѳметики въ I, II и III классахъ, дѣвица Ольга Константиновна *Рудинская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 27 августа 1880 г.

8. Всеобщей и русской гражданской исторіи, преподаватель церковной исторіи въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровичъ *Вертеловскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 9 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 675 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1875 года.

9. Географіи въ IV, V и VI классахъ, священникъ Харьковской Христо-Рождественской церкви, Андрей Ѳедоровичъ *Балановскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 октября 1886 года.

10. Того-же предмета во II и III классахъ, воспитательница училища, дѣвица Людмила Евѣимовна *Дьякова*, слушала спеціальныя курсы исторіи и географіи въ Харьковской женской гимназій; жалованья получаетъ за 4 урока (по 50 руб. за урокъ) 200 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 сентября 1881 года.

11. Дидактики въ V и VI классахъ, преподаватель философіи и педагогики въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ Николай Николаевичъ *Страховъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 3 урока (по 75 руб. за урокъ) 225 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

12. Церковнаго пѣнія въ I, II, III, IV, V и VI классахъ, священникъ Харьковской Троицкой церкви, Стефанъ Ивановичъ *Петровскій*, окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 40 руб. за урокъ) 480 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1861 года.

13. Чистописанія въ I, II, III и IV классахъ и рисованія во всѣхъ классахъ, учитель тѣхъ же предметовъ въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ, губернский секретарь Дометій Осиповичъ *Даневскій*, выдержалъ спеціальныя экзамены въ испытательной комиссіи при Харьковскомъ университетѣ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 35 руб. за урокъ) 420 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 21 августа 1874 года.

14. Учительница русскаго языка, ариѳметики, церковнаго пѣнія и чистописанія въ приготовительномъ классѣ, дѣвица Марія Дмитриевна *Покидайлова*, окончила курсъ Харьковского епархіальнаго женскаго училища со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (по 35 р. за 13 уроковъ русскаго языка, ариѳметики и чистописанія и за два урока пѣнія по 25 р.) 505 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 сентября 1886 года.

15. Учительница руководѣлій, дѣвица Меланія Дмитріевна *Чернявская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

16. Учительница руководѣлій, вдова помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, Александра Ивановна *Соколова*, окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ въ г. Витебскѣ; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 180 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1880 года.

В) Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

1. Французскаго языка во всѣхъ классахъ, начальница училища, Евгенія Николаевна *Гейцманъ*, окончила курсъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

2. Учитель музыки, Николай Александровичъ *Орловскій*, окончилъ курсъ гимназіи и обучался музыкѣ частнымъ образомъ; жалованья получаетъ за 15 ученицъ по 25 р. и за 10 ученицъ по 20 р., всего 575 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 августа 1882 года.

3. Учительница музыки, дѣвица Марія Васильевна *Шаркова*, домашняго образованія; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

4. Учительница музыки, дѣвица Ольга Николаевна *Дракина*, получила отъ испытательной комиссіи при университетѣ званіе домашней учительницы; получаетъ жалованья, при казенной квартирѣ со столомъ, 240 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 февраля 1888 года.

5. Учительница музыки, дѣвица Серафима Гавриловна *Вертеловская*, обучалась музыкѣ въ Харьковскомъ музыкальномъ обществѣ; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ за ученицу; въ настоящей должности съ 24 августа 1879 года.

6. Учительница музыки, Варвара Петровна *Эварницкая*, окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ въ г. Харьковѣ; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 к. въ годъ за ученицу; въ настоящей должности съ 20 сентября 1883 года.

7. Учительница музыки, Марія Ивановна *Сушкевичъ*, обучалась въ училищѣ при Харьковской лютеранской церкви; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ за ученицу; въ настоящей должности съ 10 октября 1884 г.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Протоіерей Николаевской церкви города Купянска *Александръ Оо-минъ* уволенъ заштатъ согласно его прошенію, а на его мѣсто опредѣленъ учитель Купянскаго духовнаго училища *Михаилъ Сильванскій*.

— Заштатный протоіерей слободы Алексѣевской, Зміевского уѣзда, *Павелъ Ковалевскій* умеръ.

— Іеромонахъ Ряснянскаго Свято-Димитріевскаго монастыря. *Іовъ* утверждень въ должности казначея сего монастыря.

— Сынъ священника *Николай Толмачевъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Владиміро-Богородичной церкви слоб. Калиновой, Купянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Харьковской Николаевской церкви, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи *Полікарпъ Трипольскій*, переѣщенъ на службу по духовному вѣдомству въ Полтавскую епархію.

— Священническій сынъ *Семенъ Подольскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Успенской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ села Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда, *Андрей Григоревичъ* переведень на праздное псаломщицкое мѣсто къ церкви села Бороваго, Зміевского уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ— Пантелеймоновской города Харькова (на Пескахъ), коллежскій ассессоръ *Константинъ Николаевъ Захарьевъ* на второе трехлѣтіе; Богословской слободы Ново-Александровки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Евграфъ Павловъ*; Покровской села Матвѣвки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Дометій Колесникъ*; Тихоновской села Ницахи, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Моисей Герасимовъ Яковлевъ*; Троицкой слоб. Боромли, того-же уѣзда, унтеръ-офицеръ *Михаилъ Ивановъ Журавлевъ*; Крестовоздвиженской той-же слободы, того-же уѣзда, крестьянинъ *Михаилъ Степановъ Скрыньки*; Васильевской с. Солдатскаго, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Михаилъ Илларионовъ Пановъ*; Варваровской с. Искрисковщины, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ *Петръ Антоновъ Соляникъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Подробности о катастрофѣ 17 октября.—Славянскіе отклики по случаю чудеснаго спасенія Императорской Семьи.—Откликъ изъ Франціи.—Образцовые планы для постройки причтовыхъ домовъ.—Проектъ учрежденія общества взаимной помощи къ образованію дѣтей духовенства.—Некрологъ.

Заимствуемъ изъ „St.-Petersb. Zeitung“ сообщеніе лейбъ-хирурга Гирша о катастрофѣ 17 октября. „Къ счастью, большая моя дорожная аптека съ большимъ запасомъ антисептическихъ перевязочныхъ средствъ и мой служитель, который въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ зачастую пособлялъ мнѣ при небольшихъ операціяхъ и перевязкахъ, совершенно уцѣлѣли, тогда какъ инструменты для ампутацій и резекцій, лубки и бандажи, находившіеся въ купѣ моего помощника, были совершенно уничтожены. Я приказалъ вынести аптеку со всѣми перевязочными матеріалами и тотчасъ-же приступилъ къ перевязкѣ раненыхъ, импровизируя при переломахъ костей лубки изъ вагонныхъ обломковъ. При этомъ мнѣ оказывали содѣйствіе какъ Ихъ Императорскія Величества, такъ и Великіе Князья. Не смотря на глубокую грязь, дождь и вѣтеръ, Государыня Императрица, какъ добрый ангелъ, ходила со слезами на глазахъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отъ одного раненаго къ другому, утѣшая и ободряя одного, повязывая собственнымъ своимъ башлыкомъ другого, утирая своимъ носовымъ платкомъ кровь третьему, и утоляла мучившую ихъ жажду нѣсколькими каплями воды, въ которой былъ большой недостатокъ. Не смотря на потрясающія впечатлѣнія, только что пережитыя Ея Величествомъ, какъ супругой и матерью, Государыня Императрица, повидимому, забыла, при видѣ чужихъ мученій, собственные свои нравственныя и физическія страданія. Въ то время, какъ Ея Величество, въ качествѣ достойной представительницы „Краснаго Креста“, ухаживала за ранеными, Государь Императоръ лично руководилъ высвобожденіемъ изъ разрушенныхъ вагоновъ и переноской убитыхъ и раненыхъ, обращая мое вниманіе на лицъ, получившихъ болѣе тяжкія поврежденія. Его Величество обнаруживалъ при этомъ такое спокойствіе и присутствіе духа, какъ если-бы только что разразившаяся катастрофа была совершенно въ порядкѣ вещей. Никогда еще Ихъ Величества не представлялись мнѣ въ великомъ своемъ царствѣ на большей высотѣ, чѣмъ здѣсь, среди всего этого бѣдствія и ужаса. Впрочемъ, и здѣсь, на этомъ небольшомъ клочкѣ земли, намъ пришлось пережить, рядомъ съ несказаннымъ горемъ, также и возвышающіе душу моменты. Одинъ изъ тяжело

раненыхъ спросилъ у Государыни Императрицы: „Императоръ живъ?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ и узнавъ, что Государь Императоръ остался почти совершенно невредимымъ, раненый устремилъ благодарный взоръ къ небу, перекрестился и сказалъ: „Ну, слава Богу, что Государь спасся, а съ вами будь, что будетъ“.

Часа черезъ полтора послѣ катастрофы прибылъ на мѣсто крушенія лейбъ-медикъ докторъ Раухфусъ съ Императорскимъ резервнымъ поѣздомъ. У него имѣлся тоже запасъ перевязочныхъ матеріаловъ и онъ немедленно принялся за работу. Перевязавъ всѣхъ раненыхъ такъ хорошо, насколько это позволили обстоятельства, мы помѣстили ихъ въ вагоны, долженствовавшіе отправиться въ Харьковъ. Тогда лишь Ихъ Величества соизволили занять мѣсто въ резервномъ поѣздѣ и отправиться въ дальнѣйшій путь. Только здѣсь на панихидѣ узналъ я о поврежденіяхъ и ушибахъ, которые претерпѣла Императорская Фамилія.

У Великой Княжны Ксении Александровны оказался на тыльной сторонѣ лѣвой руки порѣзъ въ три четверти дюйма длиною. У Великаго Князя Георгія Александровича я нашелъ двѣ раны на мизинцѣ лѣвой руки. У Государя Императора была сильная контузія мышцъ праваго бедра, а у Государыни Императрицы, кромѣ двухъ незначительныхъ, но сильно кровоточивыхъ ранъ на правой рукѣ и нѣсколькихъ контузій на тѣлѣ, оказалась очень сильная контузія лѣвой руки. Эта рука сильно распухла и вслѣдствіе распространенныхъ кровоподтековъ сдѣлалась совсѣмъ темно-синяго цвѣта. На ладони имѣлась поверхностная ранка со сближенными краями, слегка кровоточившаяся. Ея Величество Государыня Императрица была, такимъ образомъ, послѣдняя изъ пострадавшихъ, которой мнѣ пришлось сдѣлать перевязку лишь по истеченіи нѣсколькихъ часовъ послѣ катастрофы. Въ настоящее время всѣ члены Императорской Фамиліи находятся въ полномъ издоровленіи.

— Вотъ какъ рассказывалъ жандармскій полковникъ Ивановъ, соироваждавшій Царскій поѣздъ, корреспонденту „Новаго Времени“ — „Русскому Стравнику“ о первыхъ моментахъ послѣ крушенія:

„Ихъ Величествъ выходящими изъ обломковъ вагона я не видалъ. Во время хода поѣзда я сидѣлъ у себя въ купѣ. Раздался первый ударъ, настолько сравнительно слабый, что можно было счесть его просто сильнымъ толчкомъ отъ быстрой ѣзды по какому-нибудь незначительному изъяну въ пути. Но за первымъ послѣдовалъ второй страшный ударъ съ ужаснымъ трескомъ, а за нимъ

третьей, сбившей меня съ ногъ. Я находился въ третьемъ вагонѣ и кромѣ страшнаго сотрясенія никакихъ поврежденій не получилъ. Выскочивъ на полотно и, увидавъ ужасное положеніе поѣзда, я прежде всего бросился впередъ, чтобъ узнать, что съ Ихъ Величествами, Государя я увидѣлъ на откосѣ. Ея Величество была внизу откоса. Кругомъ, среди изуродованныхъ вагоновъ и груды обломковъ, раздавались ужасные стоны. Великую Княжну Ольгу Александровну выкинуло подъ откосъ, а малолѣтній Великій Князь Михаилъ Александровичъ находился еще наверху между обломками и плакалъ. Его снялъ солдатъ, по приказанію и при помощи самаго Государя. Мало по-малу около Государя стала группироваться свита и вообще всѣ оставшіеся въ живыхъ. Единственными свидѣтелями крушенія были оцѣпенѣлые отъ ужаса солдаты Пензенскаго пѣхотнаго полка, стоявшіе въ цѣпи въ этой мѣстности. Увидавъ, что нѣтъ никакой возможности оказать помощь пострадавшимъ силами и средствами изъ разбитаго поѣзда, Государь приказалъ солдатамъ стрѣлать. Началась тревога по всей линіи, сбѣжались солдаты, съ ними оказался врачъ Пензенскаго полка; появились и перевязочныя средства, хотя и въ скудномъ количествѣ. Была слякоть, шелъ мелкій холодный дождь съ изморозью. Государыня была въ одномъ платьѣ, сильно пострадавшемъ въ моментъ катастрофы. Подъ руками не нашлось ничего, чѣмъ прикрыть бы отъ холода Ея Величество, и на плечи Царицы накинули офицерское пальто. Въ первый моментъ многіе изъ находившихся здѣсь генераловъ, желая оказать посильное содѣйствіе, дѣлали каждый свои распоряженія; это очень тормозило общій ходъ работъ и замедляло помощь. Видя это, Государь взялъ всѣ общія распоряженія на себя: приказывалъ, указывалъ и помогалъ съ удивительнымъ самообладаніемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ, ни разу не возвысивъ голоса, Государыня утѣшала и успокаивала каждого раненаго, не дѣлая никакого различія между ними въ пользу ихъ званія или другихъ личныхъ преимуществъ. За неимѣніемъ другихъ санитарныхъ приспособленій, раненыхъ переносили на обломкахъ мебели, причемъ ихъ и усопшихъ сносили подъ откосъ, гдѣ въ сторонѣ подавали первую помощь и раненымъ, помѣщеннымъ въ санитарный поѣздъ по его прибытіи. Такимъ образомъ, Ихъ Величества пробыли подъ дождемъ, въ грязи и на холодѣ, постоянно спускаясь внизъ и поднимаясь вверхъ, около пяти часовъ, ни на минуту не прерывая своей великодушной и самоотверженной дѣятельности. Только въ сумерки, когда были приведены

въ извѣстность всѣ убитые и не осталось ни одного раненаго, Ихъ Величества сѣли во второй прибывшій сюда Царскій (свитскій) поѣздъ литера Б и отбыли въ Лозовую.

„Вскорѣ послѣ катастрофы одинъ изъ генераловъ свиты передалъ Государю небольшой обломокъ трухлявой шпалы; Государь отдалъ его полковнику Иванову, сказавъ, что этотъ обломокъ, быть можетъ, будетъ ему нуженъ при слѣдствіи“.

— Въ „Гражданинѣ“ помѣщенъ рассказъ одного лица, выѣхавшаго на слѣдующій день послѣ крушенія на станцію Борки изъ Севастополя. Заимствуемъ отсюда описаніе происходившаго въ Лозовой послѣ того, какъ туда вернулся Государь Императоръ со своею Августѣйшею Семьею послѣ крушенія поѣзда:

„Мы всѣ, довольные благополучнымъ отправленіемъ поѣзда изъ Лозовой, говорилъ офицеръ, сѣли было въ веселомъ настроеніи духа обѣдать, когда вдругъ приносятъ мнѣ депешу: въ ней было приказаніе пригласить священника для отслуженія панихиды и приготовить обѣдъ для Царскаго поѣзда. Вы можете себѣ представить наше положеніе! Тутъ же офицеръ, отправленный въ поиски за священникомъ; рассказывалъ мнѣ, какъ онъ полетѣлъ въ село за 7 верстъ и, придя къ священническому дому, засталъ его запертымъ; жена священника въ отвѣтъ на его стукъ высунулась изъ окна и сказала, что священникъ боленъ. Тогда пришлось настоять на необходимости его видѣть по особенно важному дѣлу; двери отворились, и священникъ сталъ было увѣрять, что ѣхать никуда не можетъ, но когда офицеръ сказалъ ему о Высочайшемъ повелѣніи, священникъ немедленно собрался ѣхать; уже сидя рядомъ съ нимъ въ бричкѣ, офицеръ рассказалъ ему о подробностяхъ. Когда Царскій поѣздъ прибылъ въ Лозовую, Государь прежде всего спросилъ о священникѣ. Видъ Государя преисполнилъ священника благоговѣйной бодрости; испугъ исчезъ, и онъ молился съ полнымъ сознаниемъ торжественности минуты. Государь и Императрица послѣ служенія поцѣловали этому священнику руку. Увидя на всѣхъ лицахъ уныніе, Государь приказалъ разставить столы и всѣхъ звать къ обѣду; затѣмъ, узнавши отъ гофмаршала, что здѣсь поѣздъ съ пассажирами на запасномъ пути, давно ожидающій на станціи, Государь приказалъ всѣхъ звать въ комнаты и къ Своему обѣду; при этомъ Онъ приказалъ служить общей прислугѣ, къ великому ея счастью, и лично давалъ приказанія содержателю столовой. Затѣмъ, разговаривая со всѣми, Онъ видимо озабоченъ былъ всѣхъ вокругъ Себя ободрять духомъ“.

— Изъ разныхъ странъ доносятся отголоски радости по случаю чудеснаго спасенія Государя съ Августѣйшей Семейей отъ ужасной опасности. Фактъ этого спасенія возбуждаетъ во всѣхъ восторженное умиленіе, и особенно въ славянскихъ странахъ. Въ сербской газетѣ „Српска Независимость“ помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Тебе, Бога, хвалимъ!“ и въ ней, между прочимъ, говорится: заодно съ милліонами своихъ братьевъ-русскихъ сербы тоже возносятъ изъ глубины души и сердца благодарственную молитву: „Тебе, Бога, хвалимъ!“ Великъ Богъ и чудны дѣла Его! Охраняя десницею Своею Царя и его Семейю, Всевышній являетъ Свою великую милость народу русскому и цѣлому славянству. Славянство видитъ въ Россіи свою защиту, и въ ней всѣ его надежды. Благородное сердце Царя Александра III бьется не для одной Россіи и русскаго народа, но и для всѣхъ славянъ, Императоръ воодушевленъ тою великою и святою задачей, которую Промыслъ Божій предопредѣлилъ Россіи и ея Царямъ исполнить во славу Божию и на счастье человѣчества. Судьбы сербскаго народа тоже близки благородному сердцу Его Величества Государя Россіи Александра III: тому есть множество неоспоримыхъ доказательствъ, а сомнѣвающимся въ этомъ можно лишь отвѣтить словами евангелія: „прости имъ, Боже, не вѣдаютъ бо, что творятъ“.

— Весьма сочувственны отклики и изъ Франціи. Такъ, въ газетѣ „Есхо“ читаемъ: Господь Его спасъ!.. Этотъ крикъ вырвался изъ груди ста милліоновъ славянъ при извѣстіи о чудесномъ избавленіи Царя Александра отъ гибели... Господь спасъ Его, потому что Онъ Его избранникъ. Его высшее предназначеніе не исполнено еще, Его царское дѣло не окончено. Онъ долженъ жить и будетъ жить, ибо Провидѣніе отмѣтило Его судьбу. Цѣлый міръ вѣрующихъ возносить къ небу свои благодаренія. На всемъ пространствѣ обширнаго государства, даже за предѣлами его, вездѣ, гдѣ имя Александра III привѣтствуется съ надеждою,—всѣ вѣроисповѣданія возносятъ совмѣстно свои молитвы, всѣ народности выражаютъ свой восторгъ и радость. Небо оставило землѣ ея самую вѣрную поддержку мира. Вся Франція раздѣляетъ восторгъ великаго русскаго народа. Въ послѣдней нашей лачугѣ Императора Россіи любятъ и уважаютъ. Всѣ партіи во Франціи преклоняются передъ этимъ троннымъ величіемъ: доброты, могущества и справедливости. Нѣтъ ни одного француза-патріота, который бы не произносилъ именъ Александра II, Александра III съ благодарностію и уваженіемъ.

— Газета „День“ сообщаетъ, что въ самарской епархіи оказалась необходимость въ составленіи нормальныхъ или образцовыхъ плановъ для постройки домовъ для священно-церковно-служителей. Обезпеченіе причтовъ домами и всегда встрѣчало большія затрудненія въ отсутствіи плановъ, но на разсмотрѣніе самарскаго епархіальнаго начальства иногда представлялись планы такихъ домовъ, которые ни по размѣру, ни по внутреннему расположенію не соотвѣтствовали требованію закона, а иногда представлялись такіе чертежи, что на нихъ не было возможности что-либо понять, и потому по распоряженію самарскаго епархіальнаго начальства, въ настоящее время составлены и напечатаны при мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ планы въ руководство всѣмъ причтамъ и прихожанамъ самарской епархіи. Между ними есть планы домовъ разныхъ размѣровъ, планы фасадовъ и необходимыхъ при дворахъ надворныхъ службъ. Очевидно, что это практическое руководство пригодно не для одной самарской епархіи, но и для всѣхъ епархій.

— На съѣздѣ таврическаго духовенства, въ прошломъ августѣ, протоіереемъ Михаиломъ Поповымъ вновь былъ представленъ проектъ учрежденія въ епархіи общества взаимной помощи къ образованію дѣтей духовенства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. О. протоіерей указалъ теперь новый источникъ къ образованію такого капитала, на счетъ котораго могли бы содержаться въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ дѣти духовенства,—это именно доходъ отъ заворотныхъ исповѣдныхъ свѣчъ, который теперь составляетъ доходъ церковный, и жертвуемая при исповѣди деньги, которыя, по послѣднему распоряженію Св. Синода, собираются въ нарочито заведенныя кружки въ пользу причта. Съѣздъ, отнесшись одобрительно къ мысли протоіерея Попова и имѣя въ виду, что въ екатеринославской епархіи уже нѣсколько лѣтъ содержатся всѣ вообще дѣти въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на счетъ капитала, составленнаго изъ взносовъ отъ церквей съ каждаго состоящаго въ приходѣ лица мужскаго и женскаго пола достигшаго возраста, способнаго къ исповѣди, по 5 коп., нашелъ въ нѣкоторой мѣрѣ возможнымъ осуществить предположеніе протоіерея Попова. Не входя въ окончательное сужденіе по этому предмету, съѣздъ опредѣлялъ передать указанное заявленіе въ комиссію, вновь образованную по учрежденію въ таврической епархіи эмеритальной кассы, для разсмотрѣнія. Съѣздомъ было выражено желаніе, чтобы комиссія выработанные ею проекты заблаговременно, до будущаго съѣзда, напечатала въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. („Церк. Вѣстн.“).

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

7 ноября н. г. почилъ въ Возѣ на 84 году своей жизни одипъ изъ заслуженныхъ и извѣстныхъ протоіереевъ харьковской епархіи, Григорій Степановичъ Дюковъ, съ 1871 года прожпвавшій на покоѣ въ Святогорской Успенской пустынѣ.

Покойный протоіерей, сынъ бѣднаго дьячка харьковской-же епархіи, родился 25 января 1804 года. Этотъ день, какъ извѣстно, посвященъ памяти св. Григорія Богослова, почему новорожденному и дано было имя „Григорій“. Но въ этотъ-же день православная Церковь празднуетъ иконѣ Пресвятыя Богородицы „Утоля моя печали“. На это послѣднее обстоятельство покойный протоіерей любилъ обращать свое вниманіе, говоря: „Я много въ жизни моей перенесъ скорбей, печалей и опасныхъ случайностей, но Божія Матерь доселѣ утѣляла мои печали“. Жизнь мальчика въ домѣ родителей ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ жизни его сверстниковъ. Когда онъ подросъ, то большую часть дня проводилъ въ трудахъ, помогая или матери въ ея домашнихъ дѣлахъ, или отцу, раздѣляя его полевые работы. Занимаясь физическимъ трудомъ, мальчикъ виѣстѣ съ тѣмъ очень рано началъ учить грамотѣ подъ руководствомъ своего отца. Разумѣется обученіе грамотѣ началось съ изученія церковно-славянской азбуки, затѣмъ слѣдовало скучное чтеніе по складамъ и по верхамъ; а когда мальчикъ настолько успѣлъ, что могъ уже бойко читать отдѣльные слова, тогда его заставили читать Часословъ, Псалтырь и т. п. Чтеніе этихъ книгъ, при тогдашнемъ состояніи школьнаго дѣла, производилось, конечно, механически: болѣе обращали вниманіе на процессъ чтенія, чѣмъ на пониманіе прочитаннаго и усвоеніе его. Ребенку давали книгу, напр., Часословъ, указывали строку на страницѣ книги, до которой ему нужно было прочесть, и потомъ, по прошествіи опредѣленнаго времени, спрашивали заданный урокъ, т. е. узнавали, насколько быстро могъ прочесть ученикъ заданный ему урокъ. Этимъ и ограничивалась вся дѣятельность учителя; учителю не нужно было знать, усвоилъ-ли и понялъ-ли ученикъ прочитанное, лишь-бы только онъ прочиталъ свой урокъ, какъ можно болѣе быстро и четко. Такимъ образомъ, ребенокъ, выучивая урокъ, очень часто не понималъ не только смысла заданнаго ему урока, но даже и самыхъ словъ, выражающихъ извѣстную мысль. Трудно доставалась грамотность нашимъ отцамъ. Тѣмъ не менѣе покойный о. протоіерей съ благодарностью вспоминалъ время своего первоначальнаго обученія. Вскорѣ чтеніе Псалтыри сдѣлалось для

мальчика даже очень важнымъ занятіемъ. Въ то время, какъ и теперь, было въ обыкновеніи читать надъ умершимъ Псалтирь. И вогь отецъ мальчика посылалъ своего сына читать Псалтирь, за что тотъ получалъ известную плату, смотря по количеству прочитаннаго: за половину Псалтири 50 коп., а за всю 1 руб. ассигнац. Благодаря этому, мальчикъ выучилъ всю Псалтирь наизусть, что ему очень пригодилось впоследствии.

Дома-же маленькій Дюковъ познакомился и съ нѣкоторыми другими предметами школьнаго образованія. Не имѣя возможности заняться дальнѣйшимъ обученіемъ сына, отецъ мальчика отдалъ его къ одному своему товарищу по службѣ, который преподавалъ ему начатки латинскаго языка, гражданской грамоты и письма. Такъ дѣло шло до двѣнадцатилѣтняго возраста Григорія Дюкова. Но какъ не былъ бѣденъ отецъ его, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился дать сыну своему дальнѣйшее образованіе. И вотъ, когда мальчику исполнилось 12 лѣтъ, онъ повезъ его въ Харьковъ съ тѣмъ, чтобы опредѣлить въ духовное училище. Въ то время духовное училище и коллегіумъ, переименованный позже въ семинарію, не были отдѣлены другъ отъ друга, а потому и начальствующія лица въ нихъ были одни и тѣ-же. Такимъ образомъ всѣ училищныя дѣла разсматривались и рѣшались совѣтомъ коллегіумскаго начальства и безъ вѣдома его не производился даже пріемъ учениковъ въ училище.

Пріѣхавши въ Харьковъ, старыкъ Дюковъ отправился съ сыномъ къ префекту, который въ лицѣ своемъ совмѣщалъ обязанности частію ректора и частію смотрителя училища, и обратился къ нему съ прошеніемъ о принятіи сына въ „бурсу“ на полуказенное содержаніе, такъ какъ по своей бѣдности онъ не могъ содержать его въ училищѣ на свои средства. Но префектъ не принялъ прошенія, объявивъ, что помѣщенія въ бурсѣ не имѣется. Положеніе было безвыходное! Что дѣлать, куда обратиться за помощью? По недостатку средствъ, волей-неволей приходилось совершенно оставить мысль о дальнѣйшемъ образованіи сына. Припоминая эти нявуты, о. протоіерей говорилъ: „унылые и убитые духомъ вышли мы изъ дома префекта, и дорогой отецъ мнѣ сказалъ: „Ты знаешь мои средства; на какія деньги я найму квартиру? У меня еще дома, кромѣ тебя, четверо дѣтей. Я возьму тебя назадъ домой, опредѣлю пономаремъ къ своей церкви, приучу церковному уставу и иѣнію, и ты будешь дьячкомъ: ѣмъ-же я хлѣбъ, не всѣмъ-же выпадаетъ счастье быть *понами*“. Но съ этимъ мальчикъ рѣшительно не могъ примириться; онъ во что-бы то ни стало хотѣлъ продолжать свое ученіе.

Выслушавъ рѣшеніе отца, мальчикъ отвѣчалъ: „Я ни за что не возвращусь домой, а останусь здѣсь (въ Харьковѣ), буду подъ окнами просить милостыню, а все-таки буду ходить въ классъ: я хочу учиться“. Въ виду

подобной рѣшмости сына, отецъ на послѣднія средства нанялъ для него на два мѣсяца квартиру за самую ничтожную цѣну. Нѣтъ надобности распространяться, что это была за квартира; это само собою понятно. Но мальчикъ радъ былъ и этой квартирѣ и благодарилъ Бога, что завѣтная его мечта учиться, не смотря на непреодолимая, повидимому, препятствія, наконецъ осуществилась, и онъ уже ученикъ. И дѣйствительно, онъ былъ примѣрнымъ ученикомъ, исправно посѣщалъ классы и прекрасно учился, такъ что вполне оправдалъ свое заявленіе—„хочу учиться“, и тѣмъ вознаградилъ всѣ заботы отца.

Грустный фактъ рассказывалъ покойный о. протоіерей о своемъ поступленіи въ училищное общежитіе; но подобные факты въ тѣ времена были явленіемъ довольно обычнымъ. Вотъ этотъ фактъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ, отецъ мальчика пріѣхалъ въ Харьковъ навѣстить сына и еще разъ попытаться счастья, нельзя-ли помѣстить его въ общежитіе. Отправился онъ опять къ тому-же префекту и на этотъ разъ съ желаннымъ успѣхомъ, мальчикъ былъ принятъ въ общежитіе на полуказенное содержаніе. Чѣмъ-же объясняется эта счастливая перенѣна? Вотъ рассказъ самого о. протоіерея объ этомъ. „Мой отецъ, говорилъ онъ, отправившись къ префекту съ прошеніемъ, дабы дать просьбѣ своей болѣе вѣсу, приложилъ въ своемъ прошеніи красную бумажку въ десять рублей ассигн.,—и она подѣйствовала сильнѣе всякихъ просьбъ“. Такимъ образомъ, это приложеніе дало возможность мальчику продолжать свое образованіе. Не случись этого, онъ опять не былъ-бы принятъ въ общежитіе, а, слѣдовательно, не могъ-бы продолжать ученія, по несостоятельности отца. Впрочемъ черезъ 2 года, т. е. 1818 г., маленькій Дюковъ, какъ ученикъ примѣрнаго поведенія и отличныхъ успѣховъ, по прошенію отца, былъ принятъ на полное казенное содержаніе, но на этотъ разъ безъ всякихъ приложеній; и такимъ образомъ сталъ полнокоштнымъ казеннымъ воспитанникомъ. Радость отца была сугубая: сынъ его не только хорошо учится и прекрасно ведетъ себя, но и принятъ на казенное содержаніе! Не меньшая радость была и сына; онъ теперь сознавалъ себя вполне счастливымъ, потому что имѣлъ возможность учиться, *выйти въ люди*, не обременяя въ матеріальномъ отношеніи отца и никого не беспокоя, все зависѣло теперь отъ него самого. И вотъ онъ еще съ большимъ усердіемъ принялся за науку, завоевывая такъ сказать свое будущее положеніе въ обществѣ. На такое счастливое измѣненіе обстоятельствъ своей жвзни онъ посмотрѣлъ, какъ на благодѣяніе Божіе, и въ глубинѣ своей дѣтской души возносилъ теплыя благодаренія Господу Богу, благодѣющему ему.

Положеніе молодого Дюкова было теперь обезпечено; ему открылся теперь доступъ къ наукѣ. Но еще много невзгодъ, много непріятностей и

даже физическяхъ страданій надобно было вынести ему, пока онъ достигъ старшихъ классовъ, гдѣ его положеніе нѣсколько улучшалось. Факты прежняго суроваго воспитанія въ училищахъ и даже въ семинаріяхъ общеизвѣстны, и мы не станемъ распространяться о нихъ. Приведемъ лучше, со словъ покойнаго протоіерея, нѣкоторыя черты изъ образа жизни и порядковъ, существовавшихъ въ тѣ времена, въ нашей мѣстной, т. е. Харьковской семинаріи.

Во время школьнаго обученія покойнаго о. протоіерея, всѣ ученики училища и коллегіума помѣщались въ одномъ зданіи, въ нѣсколькихъ камерахъ, въ каждой отъ 15 до 20 человѣкъ. Ученики жили въ строгомъ подчиненіи другъ у друга. Въ каждой камерѣ были, такъ называемые, старшіе начальники камеръ и младшіе. Должность старшаго равнялась должности теперешнихъ надзирателей; ее занимали обыкновенно ученики философскаго и богословскаго классовъ. Отношенія старшихъ къ младшимъ, по словамъ о. протоіерея, были деспотическія и случалось, что младшіе боялись старшихъ больше, чѣмъ самого ректора и префекта. Ученики младшихъ классовъ были для старшихъ лакеями и слугами. Они безпрекословно подчинялись старшему и исполняли даже пустые капризы его: ходили на базаръ за покупками, подавали воду, чистили сапоги, платье и проч. Приходитъ напр. старшій послѣ ночныхъ походовъ, конечно, въ нетрезвомъ видѣ и, лежа на кровати, провозглашаетъ: „такой-то, горитъ!“ Это значило, что названный по фамиліи ученикъ долженъ былъ тотъ-часъ-же принести воды, притомъ холодной и вногда изъ колодца. И если посланный медлилъ, или-же не хотѣлъ идти за водою (что случалось очень рѣдко), то старшій, какъ начальникъ, за такое непослушаніе, наказывалъ слушника, заставляя его исполнить свое требованіе. И горе было тому изъ пострадавшихъ, кто жаловался начальству на жестокое обращеніе старшихъ; всѣ старшіе жгли за это безпощадно. Словомъ, старшій былъ полновластный господинъ надъ своими младшими, не признававшій надъ собою никакого суда. Чтобы облегчить свою горькую участь, чтобы избѣгнуть гнѣва грознаго старшаго, младшіе обыкновенно задабривали ихъ, дѣлая имъ подарки изъ своихъ скудныхъ домашнихъ припасовъ, что называлось дать „хабару“. На эти подарки старшіе смотрѣли, какъ на законную дань, которую и должны были вносить имъ младшіе. „Хабара“ эта состояла исключительно изъ стѣстныхъ припасовъ: сала, колбасы, пироговъ и т. п. Собиралась-же она послѣ каникулъ, когда каждый, пріѣзжая изъ дому, имѣлъ у себя кое-какой домашній запасъ.

Училищное начальство въ тѣ времена, въ видахъ экономіи и яко-бы для пріученія учениковъ къ порядку, не навмало особой прислуги, и всѣ обязанности прислуги по камерѣ и столовой исполняли сами ученики, такъ

называемые, очередные. Очередь отбывали обыкновенно младшіе, т. е. ученики 1-го, 2-го и 3-го классовъ. Обязанности очередного были чрезвычайно сложны: онъ долженъ былъ приносить воду въ камеру для всѣхъ, заготавливать дрова и топить печь, подметать камеру своими собственными вѣнками; носить изъ кладовой хлѣбъ и раздавать его всей камерѣ, наконецъ полагать кушанья во время обѣда и ужина. Каждая изъ этихъ обязанностей, говоря словами о. протоіерея, для очередного была одна другой тягостнѣй и отвѣтственнѣй. Въ самомъ дѣлѣ, выполнить всѣ эти обязанности было вѣрнѣе человеку взрослому, обладающему физической силой, а не мальчику 12-ти и болѣе лѣтъ, какъ это случалось иногда. Тѣмъ не менѣе все это выполнялось очередными въ точности, хотя иногда и съ большимъ трудомъ. За неисполненіе или упущеніе приходилось отвѣчать какъ предъ начальствомъ, такъ и предъ учениками. Съ какими трудностями сопряжено было выполненіе всѣхъ обязанностей очередного, это всего лучше показываютъ слѣдующіе факты.

Вода для камеръ, какъ сказано выше, доставлялась очередными. На всю камеру полагалось одно большое ведро, и такъ какъ одному ученику трудно было нести его, особенно съ водою, то очередные носили воду вдвоемъ. Колодезь находился недалеко отъ училища, внизу на площади противъ монастырской гостиницы; а все это пространство, между училищемъ и колодеземъ, изрыто было рвами и завалено кучей навоза. Выйдя изъ воротъ училищнаго двора, пужно было спуститься въ глубокой ровъ, и по немъ идти къ колодезю. Во время сухой погоды еще можно было кое-какъ добраться до него, но осенью во время грязи, или-же зимою во время гололедицы, этотъ путь представлялъ особенно большія трудности: трудно было спускаться внизъ, но еще труднѣе было подниматься вверхъ. Зимою очередные ученики ухитрялись, однако-же спускаться къ колодезю съ своимъ ведромъ какъ-бы на салазкахъ; на обратномъ-же пути съ ведромъ, наполненнымъ водою, имъ приходилось „карабкаться на четверенькахъ“, часто въ худыхъ порванныхъ сапогахъ; при чемъ вода выливалась изъ ведра почти до половины и бѣднымъ очереднымъ приходилось по нѣскольку разъ въ день повторять свое путешествіе къ колодезю.

Кромѣ доставки воды, что сопряжено было съ такими трудностями, очередному въ теченіи дня предстояло еще многое другое, что онъ обязанъ былъ выполнить. Такъ, когда всѣ ученики отправлялись изъ камеры въ классъ, очередной подметалъ камеру и по особому зову комиссара: „за хлѣбомъ, за хлѣбомъ“, отправлялся въ кладовую получать хлѣбъ на всю камеру. На каждую камеру полагался одинъ хлѣбъ фунтовъ 20-ти вѣсомъ. Полученный хлѣбъ очередной раздѣлялъ на порціи (немного болѣе

фунта) и потомъ, по окончаніи уроковъ въ классахъ раздавалъ ученикамъ. Выдаваемый ученикамъ хлѣбъ, кромѣ того, что былъ черный, какъ земля, всегда былъ кислый и недопеченный и нерѣдко черствый (школьники называли его почему-то „катранъ“). Но не смотря на негодность казеннаго хлѣба, ученики ожидали и принимали его, какъ манну, не ѣвша съ самаго утра вѣчего. По полученіи хлѣба и по особому зову ученики отправлялись въ столовую обѣдать, при чемъ каждый несъ свою ложку, а если кто не имѣлъ ее, то оставался безъ обѣда. Очередные въ это время брали со стола деревянные чашки, что-то въ родѣ блюдъ и отправлялись въ кухню за полученіемъ кушанья, которое почти всегда было однообразное. Ежедневно подавались на столъ неизмѣнные щи и каша. Въ мясоѣдъ-же щи подавались съ протухлою солонною, а въ постъ со снятками, которые настолько были доброкачественны, что, по словамъ покойнаго о. протоіеря, по всему двору поражали обоняніе своимъ особеннымъ ѣдкимъ запахомъ. На ужинъ же постоянно готовились малороссійскія галушки, почему школьниковъ и называли тогда „галушниками“. Очереднымъ приходилось заискивать милости даже у повара: кто его задобривалъ, тому онъ отпускалъ полную чашку щей или галушекъ; въ противномъ-же случаѣ давалъ одинъ только жидкій наваръ, за что очередного бранили и снова отсылали къ повару. Изъ вышесказаннаго такимъ образомъ видно, что содержаніе учениковъ было крайне скудное. Отсюда-то и возникали ночные промыслы учениковъ, о каковыхъ промыслахъ сохранилось такъ много анекдотовъ до нашихъ дней...

На обязанности очередного лежалъ также уходъ за печкою зимою. Дровъ экономія училищная, когда учился покойный о. протоіерей, не отпускала, все зданіе отапливалось щепками. Въ то время происходили новыя пристройки къ училищному зданію, и всѣ щепки отъ строевыхъ матеріаловъ сваливали въ кучу, которыя и предназначены были экономіей для отопленія этого зданія зимою. Осенью, когда шли дожди, щепки эти намокали, а зимою замерзали и были забросаны снѣгомъ. И вотъ очередные должны были голыми руками отрывать эти щепки изъ подъ снѣга, вносить въ камеру, и ими топить печи. Повятно, какого труда стоило развести огонь и растопить печь. Если же въ камерѣ было холодно, то старшіе давали внушительныя наставленія неисправному очередному. Такимъ образомъ бѣдному ученику, особенно младшихъ классовъ, много приходилось переносить невзгодъ, и никому не было дѣла до того!... Само начальство давало видъ, будто оно было убѣждено, что жизнь ученика такъ и должна была быть обставлена, и измѣнить ее къ лучшему, значило нарушить принятый школьный порядокъ. Утѣшая учениковъ, начальствующіе говорили, что и они сами воспитывались при такой же обстановкѣ, и однакоже вышли въ люди!..

Сравнивая настоящее положеніе воспитанниковъ духовныхъ училищъ съ этимъ давно прошедшимъ, можно сказать, что нынѣшніе воспитанники живутъ въ „золотомъ вѣкѣ“. Въ этой-то суровой школѣ воспитывался и покойный о. протоіерей. Но благодаря именно этому воспитанію, у него выработался тотъ настойчивый и неустрашимый характеръ, которымъ онъ отличался во все продолженіе своего пастырскаго служенія и съ которымъ остался до конца своей жизни. Ему, впрочемъ, и необходимы были настойчивость и неустрашимость, какъ священнику бывшихъ военныхъ поселеній, съ ихъ сектантами и раскольниками. Это же воспитаніе имѣло вліяніе и на нравственныя расположенія души покойника. Всю свою жизнь покойный о. протоіерей преслѣдовалъ несправедливость и всегда готовъ былъ подать и дѣйствительно подавалъ руку помощи невинно пострадавшимъ, защищалъ угнетенныхъ отъ несправедливыхъ притѣсненій, за что, впрочемъ, нажилъ себѣ враговъ, а въ концѣ своего служенія даже былъ гонимъ.

Покойный о. протоіерей отличался глубокою религіозностію. На его религіозное направленіе, имѣло сильное вліяніе слѣдующее обстоятельство. Поступивши въ училище, онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ не былъ дома и только, будучи въ третьемъ классѣ, пріѣхалъ домой на каникулы. Какъ до поступленія въ училище, такъ и теперь онъ раздѣлялъ съ родителями ихъ домашніе и полевые труды. Помогая матери копать картофель и таская мѣшки съ картофелемъ въ амбаръ, онъ незавѣстно отчего заболѣлъ. Болѣзнь была такъ серьезна, что жизнь его находилась въ опасности, и только благодаря очевидной помощи Божіей выздоровѣлъ. Благочестивые родители его, видя опасность, угрожающую ихъ сыну, пригласили священника напутствовать больного Святыми Дарами и отслужить молебенъ Матери Божіей. Во время пѣнія молебна, самъ больной усердно молился, чтобы Пресвятая Дѣва Марія даровала ему исцѣленіе, и проливалъ горькія слезы. И что-же? Послѣ окончанія молебна, больной, страдавшій бессонницею, уснулъ покойно. Болѣзнь видимо стала ослабѣвать, и больной вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Такимъ образомъ, только чудо милосердія Матери Божіей избавило его отъ видящей смерти и дало ему возможность продолжать образованіе, къ которому онъ такъ стремился. Это обстоятельство оставило неизгладимое впечатлѣніе въ его молодой душѣ, и онъ навсегда остался искренно и глубоко религіознымъ.

Окончивъ успѣшно курсъ наукъ въ духовномъ училищѣ, онъ переведенъ былъ въ коллегіумъ. Не смотря на то, что онъ учился хорошо, былъ аккуратенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но начальство почему-то долго не обращало на него особеннаго вниманія, и онъ шелъ по второму разряду. Счастливымъ случайемъ помогъ однакоже покойному о. протоіерею обратять на себя вниманіе своего начальства. Случай этотъ состоялъ въ слѣдую-

щемъ. Однажды передъ экзаменами, когда заканчивалось повтореніе словесности, онъ былъ спрошенъ профессоромъ словесности ¹⁾ (онъ-же былъ и инспекторомъ), и весьма удовлетворительно отвѣчалъ на всѣ его вопросы. Это очень понравилось профессору, и при составленіи переводныхъ списковъ, онъ внесъ Григорія Дюкова въ первый разрядъ, въ которомъ онъ и окончилъ курсъ. „Я никогда, говорилъ покойный о. протоіерей, не забуду этого радостнаго для меня дня, такъ какъ онъ сопровождался весьма важными послѣдствіями на весь мой учебный курсъ... и на всю мою жизнь“.

При концѣ своего образованія, покойный протоіерей удостоился даже особеннаго вниманія со стороны своего начальства. Перешедши въ богословскій классъ, Григорій Дюковъ въ послѣдній годъ, по волѣ начальства, занималъ почетную для ученика должность сеніора, соотвѣтствовавшую теперешней должности помощника инспектора. Онъ-же завѣдывалъ продажей свѣчей въ церкви, кошелековыми сборомъ и былъ уставщикомъ на клирошь. Такимъ образомъ должность сеніора давала ученику нѣкоторыя права въ административномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Любопытенъ разсказъ покойнаго о. протоіерея о назначеніи его на эту должность.

Въ началѣ октября 1826 года, ректоръ коллегіума объявилъ въ классѣ, что въ должность сеніора онъ назначилъ Григорія Дюкова. Всѣ товарищи Григорія Дюкова возстали противъ этого и на слѣдующій день отправили депутацию къ ректору съ просьбою измѣнить свое рѣшеніе и назначить въ должность сеніора В. Ч—скаго, чловѣка въ высшей степени слабохарактернаго. Конечно товарищамъ пужень былъ сеніоръ, который мало обращалъ-бы вниманіе на ихъ поведеніе, а не такой, какимъ былъ Григорій Дюковъ, строгій къ себѣ и другимъ. Они очень хорошо знали, что новый сеніоръ будетъ настаивать на строгомъ выполненіи семиварской инструкции, что не могло нравиться имъ. Но не смотря на просьбы всѣхъ воспитанниковъ, ректоръ не отиѣнялъ своего рѣшенія, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Дюкова былъ и инспекторъ. Въ то же время ректоръ написалъ слѣдующее письменное рѣшеніе: „сеніору ученику богословія, предписывается однажды на всегда всѣхъ тѣхъ учениковъ лишать обѣденнаго и вечерняго стола, кои безъ довольной причины не ходятъ въ классъ. Довольная-же причина можетъ состоять только въ болѣзни“. Въ этомъ-же рѣшеніи новому сеніору предписывалось слѣдить за поведеніемъ учениковъ вообще и о неисправныхъ доносить начальству. Само собою разумѣется, что новый сеніоръ вполне оправдалъ довѣріе своего начальства; въ особенно важныхъ случаяхъ и ректоръ и инспекторъ обращались къ нему даже за совѣтомъ. Особенное проявленіе этого довѣрія выражалось въ томъ, что при состав-

¹⁾ Профессорами назывались учителя, имѣвшіе степень магистра.

ленія разрядныхъ списковъ, его приглашалъ всегда на совѣтъ, какъ воспитателя, знающаго каждаго своего ученика, и онъ давалъ свои правдивыя и безпристрастныя мнѣнія о каждомъ изъ нихъ. Мнѣніе его имѣло важное значеніе въ тѣ времена, и по его указанію ученики были повышаемы или понижаемы въ спискахъ, что давало такое или иное право на полученіе мѣста въ епархіи. Покойный о. протоіерей окончилъ курсъ ученія въ коллегіумѣ съ „похвальнымъ листомъ“.

(Окончаніе будетъ).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ

Новое (3-е), значительно дополненное изданіе книги:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНІЕ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Съ его фототипическимъ портретомъ и fac-simile.

Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ и Ученымъ — Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ библіотеки всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 к. Училищные Совѣты, Епархіальные книжные склады, братства и общества, распространяющія народныя изданія, пользуются уступкою 25%, а выписывая значительное количество экземпляровъ, за пересылку не платятъ.

ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФІИ

профессора Моск. Дух. Академіи С. Св. Толубинскаго.

Выпуски I, II, III и IV. Введеніе въ философію общее понятіе о метафизикѣ, гносеологія и философія религіи. Рекомендуются Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, какъ полезное пособіе при преподаваніи философіи въ д. семинаріяхъ. Цѣна 3 р. съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Складъ изданій: въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ В. В. Думкова, подъ фирмою наследниковъ братьевъ Сазаевыхъ, Мясницкая, домъ Обидной, а въ Петербургѣ, на углу Невскаго проспекта и Екатерининскаго канала, домъ № 19. Отдѣльная продажа у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Петербурга, Москвы, Харькова, Кіева, Одессы, Риги и Варшавы.

Вышла въ свѣтъ четвертымъ изданіемъ и вновь поступила въ продажу книга:

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ ПРИХОДСКИХЪ ТРЕБЪ,

Составленная Священникомъ Н. Сильгеновымъ.

При составленіи этой книги имѣлось въ виду, чтобы она могла служить практическимъ руководствомъ при отправленіи приходскихъ требъ. Сообразно съ такою цѣлю, преимущественное вниманіе обращено на изложеніе обрядоваго порядка совершенія требы, съ указаніемъ—такъ сказать—естественнаго хода самаго порядка требы. Затѣмъ: 1) какъ при пользованіи Требникомъ необходимо знать—когда, въ какихъ случаяхъ и какъ нужно совершить ту или другую требу, то въ книгѣ заключаются церковныя правила и гражданскія постановленія, относящіяся до каждой требы; 2) примѣненіе тѣхъ и другихъ законоположеній, а особенно—обрядовыхъ приѣмовъ при совершеніи требы, облегчается опытомъ службы другихъ лицъ,—въ виду сего въ книгѣ приведены практическія замѣтки по исполненію каждой требы; наконецъ 3) на затруднительные случаи даны отвѣты, согласованные съ церковными правилами и гражданскими законами.— Такою содержаніе книги въ общихъ чертахъ.

Отзывы о книгѣ, сколько извѣстно составителю, даны: въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“, „Харьковскихъ и Екклѣріославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, „Странникѣ“, и проч.

Цѣна книги: 1 руб., При выпискѣ 5 экземпляровъ дѣлается съ первой цѣны скидки 10%, 10 экземпляровъ—15% и 15 экземпляровъ—25%.

Складъ книги находится въ конторѣ Редакціи „Воронежскаго Телеграфа“ въ Воронежѣ, на Дворянской улицѣ, домъ Столля, и въ книжной лавкѣ Воронежскаго Митрофанова монастыря. Г.г. иногородныхъ покупателей покорнѣйше просятъ обращаться за покупкою книги по преимуществу въ контору Редакціи „Воронежскаго Телеграфа“.

Въ Харьковскую Епархіальную Книжную Лавку

(что въ колокольнѣ Катедральнаго собора *)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

Библія на славянскомъ языкѣ, въ перепл. 2 р. 15 к. Библія на русскомъ языкѣ, въ 3-хъ кн., въ кожѣ—4 р. 25 к., въ сафьянѣ—5 р. 25 к. Священная книга Ветхаго Завета, въ 4-хъ кн., въ бумагѣ—2 р. 15 к. Евангелія на русск. языкѣ, въ 32 д.—15 к. Псалтирь на русск. языкѣ—25 к. Апостоль, въ бумагѣ—3 р. 25 к., въ кожѣ—4 р. 25 к. въ сафьянѣ—4 р. 75 к., въ матеріи—5 р. 15 к. Псалтирь съ возсѣдованіемъ, въ бумагѣ—4 р. 60 к. Псалтирь учебный въ перепл.—65 коп. Часословъ учебный въ бумагѣ, Кіевскій—25 к. Синодальный—30 к., въ переплѣгѣ кіевскій—40 коп., Синодальный—45 к. Октоихъ учебный, въ бумагахъ пер.—35 к. Молитвословъ различн. отъ 15 к. до 35 к. Служебникъ въ бумагѣ—55 к. Ермологъ въ 8 гласовъ, въ бумагѣ—1 р. 20 к. Октоихъ въ 8 гласовъ, въ бумагѣ—2 р. 90 к. Тріодонъ великопостная, въ бумагѣ—2 р. 75 к. Библія на славянскомъ яз. въ 8 д., въ бумагѣ—1 р. 20 к. Прологъ, въ бумагѣ 6 р. 50 к. Великая пятидесятница въ бумагѣ—1 р. 50 к. Служебникъ—85 к. Букварь синодальный—5 к. Толкованіе на Евангеліе—2 р. 75 к. Толкованіе на Апостоль—2 р. 55 к. Христіанскій мѣсяцесловъ—65 к. Молитвы утреннія и вечернія—25 к. и много другихъ духовно-правственныхъ полезныхъ книгъ.

*) Иногородные свои требованія благоволятъ адресовать въ Харьковскій Епархіальный книжный Комитетъ, прилагая по 10 к. пересылочныхъ на каждый рубль. Имѣются также всѣ акафисты, о коихъ опубликовано было въ разное время.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Въ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.